

- [Вы – свет мира](#)

- [БЕСЕДЫ](#)

- [Об исповеди и покаянии](#)
 - [Вопросы и ответы](#)
- [О ТАИНСТВЕ ПРИЧАЩЕНИЯ](#)
 - [Вопросы и ответы](#)
- [О ПОСТЕ](#)
 - [Вопросы и ответы](#)
- [О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ](#)
- [О ДУХОВНИЧЕСТВЕ](#)
- [О БРАКЕ](#)
 - [Вопросы и ответы](#)
- [О МОНАШЕСТВЕ](#)
 - [Вопросы и ответы](#)
- [ОБ ИСКУССТВЕ ОБЩЕНИЯ](#)
 - [Вопросы и ответы](#)
- [О ЗАВИСТИ](#)
- [О ДИАВОЛЕ И ДЕМОНАХ](#)
 - [Вопросы и ответы](#)
- [СПАСЕНИЕ В МИРУ](#)
- [О ЛЮБВИ К БЛИЖНЕМУ](#)
- [О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ И ПРИЗВАНИИ ЧЕЛОВЕКА.](#)

- [ЛЕКЦИИ, ДОКЛАДЫ](#)

- [СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ: ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ](#)
 - [Жизнь святителя](#)
 - [Взгляды на ученость и философию](#)
 - [Священство](#)
 - [Единство Церкви и христианские разделения](#)
 - [Догматическое и мистическое учение](#)
 - [Учение об обожении](#)
 - [Святоотеческое учение о человеке](#)
 - [Что есть человек?](#)
 - [Сотворение человека: Предвечный Совет](#)
 - [Образ и подобие](#)
 - [Высокое предназначение человека](#)
 - [Грехопадение](#)
 - [История падшего человечества](#)
 - [Природа падшего человека](#)
 - [Искушение человека](#)
 - [Христианская жизнь – путь к обожению](#)
- [ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В ХРИСТИАНСКОМ ПОНИМАНИИ](#)
 - [Понятия духовности, христианства, культуры.](#)
 - [Вера в Христа Воскресшего](#)
 - [Христианин – член Церкви](#)

- [Церковные таинства – исповедь и Причастие](#)
- [О духовном наставничестве](#)
- [О духовной литературе](#)
- [О молитве](#)
- [Земная жизнь – подготовка к жизни будущей](#)
- [МИСТИЦИЗМ В ПРАВОСЛАВИИ.](#)
 - [Мистицизм Ветхого Завета](#)
 - [Мистицизм Нового Завета](#)
 - [Мистицизм в раннехристианской Церкви](#)
 - [Мистический опыт святых Православной Церкви](#)
 - [Мистицизм в Русской Православной Церкви](#)
 - [Молитва и мистический опыт](#)

Введение

Содержание

[От издательства](#)

От издательства

Основную часть сборника составляют беседы, произнесенные автором, известным богословом и патрологом, в московском храме святой великомученицы Екатерины на Всполье. «Мы не призваны отречься от мира, – пишет автор, – отвергать мир, гнушаться миром: мы призваны, живя внутри мира, быть «солью земли» и «светом мира», то есть, как душа в теле, оживотворять мир, преображать его». Речь идет о различных аспектах духовной жизни христианина; затрагиваются также такие темы, как брак и монашество, искусство общения, предназначение и призвание человека, православная антропология, православный мистицизм, пастырское служение в Православной Церкви.

Для всех, кто стремится углубить свою духовную жизнь и приблизиться к Богу.

В Русской Православной Церкви игумен Иларион (Алфеев) известен как богослов, автор нескольких монографий, посвященных жизни и учению Отцов Церкви, переводов творений Отцов Церкви с греческого и сирийского языков, многочисленных статей в периодической печати и телевизионных передач. Книга отца Илариона «Таинство веры», выпущенная нами в 2000 году вторым изданием, широко известна в России и за ее пределами (газета «Ex-Libris НГ» назвала ее лучшей богословской книгой 2000 года). Другие книги отца Илариона – такие как «[Жизнь](#) и учение свт. Григория Богослова», «Мир [Исаака Сирина](#)», «Преподобный [Симеон Новый Богослов](#) и православное Предание», «Православное богословие на рубеже столетий» – также получили заслуженное признание читательской аудитории и высоко оценены церковным Священноначалием.

Настоящая книга представляет собой сборник бесед и лекций отца Илариона, переписанных с магнитофонной ленты. Первую и основную часть книги составляют беседы, произнесенные в течение Великих постов 1998—2000 годов в московском храме святой великомученицы Екатерины на Всполье, где отец Иларион несет свое пастырское служение. Эти беседы затрагивают широкий спектр вопросов, связанных с жизнью христианина в современном мире. «Вы – свет мира»: эти слова, сказанные Спасителем почти 2000 лет назад,

не утратили своей актуальности для сегодняшнего христианина. Но что они означают для каждого из нас? Что такое быть «солью земли» и «светом мира», жить «в мире», но вместе с тем оставаться «не от мира сего»? Таковы основные вопросы, поднимаемые в первой части книги.

Вторая часть книги включает несколько лекций, произнесенных в разные годы и в разных аудиториях, главным образом, студенческих, таких как Московское Свято-Димитриевское училище сестер милосердия, Парижский Свято-Сергиевский православный богословский институт, Санкт-Петербургский государственный университет.

Некоторые материалы книги, в частности, беседы о браке и монашестве, о предназначении и призвании человека, а также – в особенности – лекция о пастырском служении в Православной Церкви, завершающая книгу, могут оказаться полезными для студентов духовных учебных заведений, стоящих на пороге выбора своего жизненного пути. Основными же адресатами всех прочих помещенных в книге бесед и лекций являются рядовые верующие, прихожане наших храмов, идущие по пути ко спасению, начертанному в Евангелии Господа Иисуса Христа.

Издатели выражают надежду на то, что настоящий сборник послужит духовной пользе читателей, укрепит в них любовь ко Христу и к святой Православной Церкви.

БЕСЕДЫ

[Великий пост](#) – время, когда мы задумываемся о прожитой жизни, подводим итоги. В Великий [пост](#) даже те, кто редко посещает храм, приходят на исповедь, чтобы примириться с Богом и с собственной совестью. И в эти дни поста необходимо задуматься, в чем смысл покаяния и как нужно приступать к исповеди.

От многих людей приходится слышать примерно следующее: «Годами прихожу на исповедь, годами называю одни и те же грехи, и ничего в моей жизни не меняется». Так, конечно, происходить не должно: что-то должно меняться в нашей жизни после каждой исповеди. Закон духовной жизни таков: человек никогда не стоит на месте – он идет или вперед, или назад. Если мы не приближаемся к Богу, значит, мы от Него отдаляемся, если не становимся лучше, значит, становимся хуже. И покаяние нужно нам, чтобы вновь и вновь возвращаться на путь, ведущий к Богу.

«Покаяние» – это славянский перевод греческого слова «метанойя», буквально означающего «перемена ума», «перемена образа мыслей». Покаяние – не просто раскаяние. Иуда, предав Господа, впоследствии раскаялся, но покаяния не принес. Он сожалел о том, что сделал, но не нашел в себе сил ни испросить прощения у Господа, ни чем-то добрым исправить то зло, которое совершил. Он не сумел переменить свою жизнь, вступить на путь, на котором мог бы загладить прежние грехи. В этом отличие между ним и апостолом Петром: тот отрекся от Христа, но всей своей последующей жизнью, подвигом исповедничества и мученичества доказал свою любовь к Богу и тысячекратно искупил свой грех.

Каждый раз, когда мы вступаем в Великий пост, когда на богослужении слышим покаянные [молитвы](#) и песнопения, мы должны подумать о том, как нам переменить свою жизнь и как сделать, чтобы раскаяние за прожитые годы не было бесплодным, но чтобы оно приносило реальные плоды в нашей христианской жизни.

Покаяние необходимо всякому христианину. Оно – дар, который от Бога дан человеку, запятнавшему грехами белоснежные одежды крещения. «Ибо после того, как мы крестились, – пишет преподобный Симеон Новый Богослов, – мы уклоняемся к дурным и постыдным делам и, хотя совершенно отбрасываем даже само освящение, тем не менее покаянием, исповедью и слезами соответственно получаем сначала отпущение согрешений и, таким образом, освящение вместе с благодатью свыше». Вслед за Иоанном Лествичником, преподобный Симеон называет покаяние вторым крещением: «В первом крещении, – говорит он, – вода преднаписует слезы, а миро помазания предзнаменует умное миро Духа. Второе же крещение есть уже не образ истины, но сама истина».

Кто-то из нас принял крещение в младенчестве, кто-то в юности, кто-то в зрелые годы, а кто-то и в старости. Но у всех нас есть одно общее: мы не сохранили обеты, данные при крещении нами или нашими восприемниками от нашего имени. Крещение было нашим заветом с Богом, но мы этот завет нарушили. Бог всегда оставался верен нам, мы же многократно оказывались неверны Ему. В этом и должны мы приносить покаяние.

Покаяние – нечто гораздо более серьезное и цельное, чем просто попытка увидеть собственные недостатки. Покаяние – это обращение нашего ума к Богу. Когда мы приходим на исповедь, недостаточно только перечислить грехи – те, которые приведены в вечерних молитвах. Читая эти молитвы, мы сознаем, что во всех названных там грехах мы в той или иной степени виновны. Но исповедь должна заключаться не в том, чтобы мы перечислили свои грехи и на этом успокоились. Во время исповеди нужно найти в себе силы встать лицом к лицу с Богом, поставить себя перед правдой Божией, перед судом любви Бога милосердного.

Готовясь к исповеди, полезно перечитать Нагорную [проповедь](#) Спасителя ([Мф. 5– 7:27](#)), чтобы понять, насколько мы далеки от того жизненного идеала, который дает нам Господь – даже не идеала, а нормы, ибо слова Христовы – это норма христианской жизни. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Но разве мы достигли нищеты духовной – того богоподобного смирения, которое требуется от каждого христианина? «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Разве плачем мы о грехах наших, разве есть у нас искреннее покаяние? «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Разве достигли мы этой богоподобной кротости? И так нужно вспомнить все Заповеди Блаженства и сверить с ними свою жизнь.

Потом нужно посмотреть, о чем Господь говорит далее в Нагорной проповеди. «Вы – свет мира». Являемся ли мы светом мира, или свет наш настолько помрачен, что люди отворачиваются от нас? «Вы – соль земли». Являемся ли мы солью земли? Или, наоборот, мы – «медь звенящая и кимвал звучащий» ([1 Кор. 13:1](#))? А об отношении к ближним нашим: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Разве так мы поступаем? Разве не ждем мы от людей большего по сравнению с тем, что сами даем им?

Затем следует вспомнить Молитву Господню – прошение за прощением. Святится ли в нас Имя Бога, или наоборот, делами своими мы непрестанно оскорбляем Его? Ожидаем ли мы Царствия Божия? Готовы ли подчинить свою волю Божией воле, или своя нам дороже? Принимаем ли мы «хлеб насущный», Хлеб жизни – Тело и Кровь Спасителя? Оставляем ли мы долги должникам нашим? Так, ставя себя перед лицом правды Божией, будем готовиться к исповеди.

Один православный священник записал в дневнике, что Господь дает ему переживать каждую исповедь как катастрофу. Настоящая исповедь должна переворачивать всю нашу душу. Исповедь никогда не должна превращаться в формальность; ее нельзя воспринимать как «билет на Причастие». Исповедь – это таинство само по себе, таинство нашего воссоединения с Богом, от Которого мы из-за грехов наших отпали.

Но как в немногих словах сказать то самое важное, что отделяет нас от Бога? Очень часто приходящие на исповедь думают, что чем больше они скажут, тем лучше. В таком случае исповедь превращается в многословный рассказ человека о своих деяниях – с подробностями, которые иногда вовсе не относятся к делу. Не следует забывать о том, что многие люди одним только словом стяжали Царство Небесное. Мытарь, который молился, ударяя себя в грудь, произносил одну только фразу: «Боже, милостив буди мне грешному». И разбойник благоразумный на кресте сказал Господу всего несколько слов: «Помяни мя, егда приидеши во Царствии Твоем». И оба были оправданы Господом. Как видим, им не понадобилось много слов. Вообще многословие излишне как на исповеди, так и на молитве, потому что Господь заранее знает все, что мы можем сказать Ему. И Он не столько слушает наши слова, сколько вслушивается в движения нашего сердца и ума. Дело в конце концов не в словах, а в том, чтобы мы пришли к Богу с сокрушенным сердцем и чтобы исповедь духовно переродила нас.

Часто на исповеди говорят не о своих грехах, а о грехах других людей: зятя, свекрови, тещи, дочери, сына, родителей, сослуживцев, соседей. Иногда священнику приходится выслушивать истории со многими действующими лицами, с рассказами о грехах и недостатках родственников и знакомых. Все это к исповеди не имеет никакого отношения, потому что за свои грехи наши родственники и знакомые будут отвечать сами, за наши же грехи придется отвечать нам. И если у кого-то из нас не складываются отношения с родственниками, сослуживцами, соседями, то надо, готовясь к исповеди, задать себе вопрос: в чем моя вина; чем я согрешил; что я мог сделать, чтобы ситуация изменилась к лучшему, но не сделал? Всегда нужно прежде всего искать свою вину, а не винить ближних.

Некоторые воспринимают исповедь как возможность пообщаться со священником, задать

ему вопросы и получить на них ответы. Каждый священник подходит к исповеди по-своему: один считает своим долгом всякий раз дать полезный совет исповедующемуся, другой предпочитает слушать исповедь молча и лишь в особых случаях нарушает молчание. Важно помнить, что исповедь – это не собеседование со священником, а предстояние перед Богом. Самое главное, что может произойти в исповеди, это наша встреча с Богом. А за советом можно обратиться к священнику и вне рамок исповеди.

Иногда люди приходят на исповедь, чтобы пожаловаться на жизнь. Что-то в жизни не сложилось, постигла неудача, и человек приходит к священнику, чтобы сказать, как ему трудно. Надо помнить, что священник – это не врач-психотерапевт, а храм – не то место, куда нужно приходить с жалобой. Конечно, священник в каких-то случаях должен выслушать, утешить, ободрить, но нельзя сводить исповедь к психотерапии.

Иногда человек приходит на исповедь, чтобы поспорить с Богом, заявить о том, что Бог недостаточно чуток к нему, мало заботится о нем, что Бог ему чего-то недодал. Некоторые на исповеди жалуются на отсутствие ощутимого благодатного присутствия Божия в их жизни. Наверное, стоит, готовясь к исповеди, подумать о том, что не Бог оставляет нас, но мы оставляем Его. Если в нашей жизни присутствия Божия слишком мало, в этом виноват не Бог: виноваты мы сами, потому что не сделали все возможное, чтобы приготовить дом своей души к вселению в него Бога.

Приходя на исповедь, люди иногда пытаются перечислить все возможные свои грехи, в том числе и самые незначительные («съела шоколадку в постный день», «постирала носовой платок в воскресенье» и т. п.), думая, что если что-то не будет названо, оно не будет прощено. Но совершенно очевидно, что перечислить все наши грехи мы все равно не в силах: мы всегда скажем лишь немного из многого. На исповеди нужно говорить о главном – о том, что отделяет нас от Бога.

Есть, кроме того, вещи, которые мы в себе не замечаем. Есть и грехи, которые мы забыли. Не надо думать, что подобного рода незамеченные или забытые грехи, не названные на исповеди, не прощаются нам Богом. Сегодня существует мнение о том, что прощаются якобы только те грехи, которые человек называет на исповеди, а остальные тянутся за грешником, словно некий постоянно увеличивающийся шлейф, от одной исповеди до другой. Некоторые священники даже стали в разрешительной молитве вместо «прощаю и разрешаю ты от *всех* грехов твоих» говорить «прощаю и разрешаю ты от *всех исповеданных* грехов твоих». После такой исковерканной разрешительной молитвы человек уходит неудовлетворенным, растерянным; у него не возникает чувство примирения с Богом, потому что ему внушается, будто с Богом вообще невозможно примириться, будто Бог накапливает «компромат» на человека, чтобы затем предъявить ему иск на Страшном суде.

На самом же деле, если человек не утаивает грехи сознательно, если исповедь приносится им искренне, чистосердечно, с намерением исправиться, ему прощаются все грехи: и те, которые он назвал, и те, о которых забыл, и те, которые он сам в себе не замечает. Однажды на лекции в Московской духовной семинарии я высказал эту мысль – о том, что грехи на исповеди или все прощаются, или все не прощаются, а третьего (то есть какого-то частичного, неполного прощения) не дано. Один семинарист очень резко возразил мне, сказав, что он «поднимет творения всех Святых Отцов», чтобы доказать обратное, а именно, что прощаются только названные на исповеди грехи. Он полгода работал в библиотеке, а потом пришел ко мне и сказал: «Вы были правы: прощаются все грехи».

Но, как уже было сказано, условием полного прощения является чистосердечность и искренность исповеди, решимость исправиться и начать новую жизнь. Если человек на исповеди утаивает грехи, или если вся его исповедь сводится к пустой формальности, или если

он говорит лишь о грехах прочих людей, в таком случае таинство профанируется. Иначе говоря, таинство в таком случае вовсе не происходит, потому что не происходит в человеке та перемена ума, которая должна сопутствовать исповеди.

Даже если мы приходим на исповедь часто, например, раз в неделю, мы не должны относиться к этому таинству как к какому-то будничному, повседневному событию. Каждая исповедь – это событие исключительно важное для нашей духовной жизни, потому что на исповеди Бог дает нам возможность еще до Страшного суда несколько минут побыть на Страшном суде и осудить самих себя до того, как мы будем осуждены кем-то другим: людьми ли, которых мы обидели, Богом ли, Которого оскорбили своими грехами. Страшный суд станет тем моментом, когда внезапно откроется все, что мы сейчас в себе не видим, когда вся грязь, которую мы в себе накопили, вдруг обнаружится. Более того, Страшный суд станет моментом, когда приносить покаяние будет уже слишком поздно, потому что покаяние имеет смысл только тогда, когда мы свою жизнь можем исправить, когда совершённое [зло](#) можем загладить добром. И в таинстве исповеди дается нам возможность пережить – пусть хотя бы на краткий миг – опыт предстояния на суде Божиим, когда мы остаемся один на один с Богом. Священник же в данном случае – только свидетель, ходатай за нас перед Богом.

Чтобы знать, о чем нужно говорить на исповеди, очень важно от одной исповеди до другой следить за собой. Каждое утро, просыпаясь, мы должны подумать, что готовит нам предстоящий день, и помолиться о том, чтобы провести этот день достойно. В течение всего дня надо стараться представлять себя перед судом Божиим, сверять свою жизнь с Евангелием, в частности, с Нагорной проповедью и другими словами Христа, со всем тем, что мы слышим в храме всякий раз, когда приходим туда. Каждый вечер мы должны окинуть духовным взором прошедший день и вспомнить, какие из наших поступков были достойны Бога, а какие – нет. И за все хорошее, что мы сделали, надо поблагодарить Бога, сознавая, что без Его помощи ни одно доброе дело не делается: если нам удалось совершить что-то хорошее, то в этом заслуга не наша, а Божья, ибо «от Господа стопы человека исправляются». А за все плохое, что мы совершили, укорим себя и принесем покаяние.

Такого рода исповедь один на один с Богом мы должны приносить Ему каждый день. Это то самое «исповедание грехов повседневное», которым завершаются вечерние молитвы, содержащиеся в Молитвослове. Может быть, лучше приносить покаяние своими словами, а не просто перечислять написанные в Молитвослове грехи. Встать перед Богом и сказать честно, серьезно, ответственно: «Господи, сегодня я сумел сделать то-то и то-то, а вот того-то и того-то не сделал. За доброе благодарю Тебя, а в дурном каюсь и прошу прощения».

Если человек будет ежедневно каяться подобным образом, у него не будет возникать вопрос, что сказать на исповеди. Бывает ведь, что и так говорят: «Батюшка, не знаю, что и сказать, живу, как все, особых грехов у меня нет, никого не убивала. Грехи, конечно, есть – кто же в наше время без греха? – но они повседневные, в основном всякие мелочи». Если человек говорит так, значит, он духовно слеп. Такому человеку надо молиться словами преподобного [Ефрема Сирина](#): «Господи, даруй ми зрети моя прегрешения». На самом деле в духовной жизни нет мелочей: всякий [грех](#) отделяет нас от Бога, даже, казалось бы, самый незначительный.

На эту тему есть хороший рассказ в «Древнем Патерике». Некого старца посетили монахи: у одного из них был один тяжкий грех, а у других было много мелких грехов. Старец сказал тому человеку, у которого был один тяжкий грех: «Пойди на берег реки, найди там большой камень и принеси его сюда». Тот нашел большой камень и с большим трудом принес его к старцу. Потом старец сказал ему: «Теперь пойд и положи этот камень на то самое место, где он лежал». Конечно, монаху не составило особого труда найти то место, где лежал большой камень. А тем, у кого были мелкие грехи и кто считал, что они живут, как все, потому что

ничего особенного не сделали, никого не убили, старец сказал: «Пойдите, наберите мелких камешков на берегу». Когда же они принесли камешки, он сказал: «Теперь пойдите и положите каждый камешек на то место, где он лежал». И монахи, естественно, не могли вспомнить, где лежали камешки. Так случается, что человеку, совершившему один великий грех, проще навести порядок в своем внутреннем хозяйстве, чем тому, кто совершает множество «мелких» грехов.

По сути, вся наша греховная тьма как раз и состоит из таких мелких грехов, которыми наполнена наша жизнь, – из мелкой лжи, мелкого воровства, мелкого лукавства, мелкой злобы. Иногда мы думаем, что это даже и не грехи, а лишь «отдельные недостатки». Но исповедь – это не тот момент, когда мы должны оглядываться на других и сравнивать себя с ними: лучше ли мы их, хуже ли, или как все. Фарисей оглядывался на других и думал, что он лучше многих. А мытарь не оглядывался ни на кого – он лишь всматривался в глубины своей души и сокрушался перед Богом. Может быть, в чем-то мы и лучше других, но не об этом должна идти речь на исповеди. Мы должны говорить о том, в чем мы согрешили против правды и любви Божией, потому что именно об этом мы будем спрошены на Страшном суде.

Итак, Великий пост – это время, когда у нас есть возможность пересмотреть и изменить свою жизнь, когда мы можем примириться с Богом и ближними. И примирение это наступает благодаря не словесному лишь исповеданию нашей греховности, а тем делам, которые мы противопоставим прежним грехам. Не случайно в песнопениях Великого поста говорится: «Постящися, братие, телесне, постимся и духовне: разрешим всякий союз неправды... всякое списание несправедное раздерем, дадим алчущим хлеб, и нищия безкровныя введем в дома...» Именно в этом заключается истинное покаяние. Ибо если мы на исповеди каемся в том, что не подаем милостыню, а потом, выйдя из храма, проходим мимо нищего, то в чем был смысл исповеди? И если мы исповедуемся в том, что ссоримся с близкими родственниками, а, вернувшись домой после Литургии, опять с ними ссоримся, то ради чего мы исповедовались?

На исповедь мы должны приходить с желанием и решимостью избавиться от грехов. Конечно, будучи реалистами, мы понимаем, что невозможно сразу избавиться от всех грехов, что иногда требуются годы, чтобы перебороть даже незначительную греховную склонность. Но от этого у нас не должны опускаться руки. Каждая исповедь – это новый шанс, новая возможность пересмотреть свою жизнь и начать ее заново, поставив себя перед лицом Бога и сказав Ему: «Господи, я пришел к Тебе с покаянием, но не знаю, хватит ли у меня сил побороть эти мои грехи и недостатки; *впрочем, идеже хочет Бог, побеждается естества чин* – там, где Тебе угодно, могут происходить сверхъестественные события. И если Савл мог стать Павлом и Мария Египетская из блудницы могла превратиться в святую, то почему я не могу исправиться?»

Преподобный [Серафим Саровский](#) говорил, что вся разница между великим святым и великим грешником заключается в решимости. Святой – это грешник, который *решился* на то, чтобы исправить свою жизнь, и пошел по этому пути. Никогда в жизни человеческой не бывает абсолютной святости и абсолютной греховности: бывает лишь какая-то степень удаленности от Бога или приближенности к Богу. В этом смысле каждый человек – и святой, и грешник – находится на пути к Богу, только один уже приближается к цели, а другой еще далек от нее.

Но предела у этого пути нет, так же как нет предела совершенству. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», – говорит Господь ([Мф.](#) 5:48). И мы должны каяться в своем несовершенстве, в том, что жизнь наша так далека от евангельского идеала. Именно для такого покаяния и дан нам Великий пост.

— *Насколько связаны между собой исповедь и Причастие?*

— Исповедь и Причастие – это два самостоятельных таинства, которые литургически никак не связаны одно с другим. Кстати, я думаю, что литургическое выражение тех или иных таинств – ключ для понимания многого из того, что в них происходит. Возьмем Крещение и Миропомазание: мы привыкли говорить о них как о двух таинствах, но реально Миропомазание совершается вместе с Крещением, одно не отделяется от другого, человек крещается и миропомазуется одновременно. В других христианских конфессиях эти таинства разделены; например, в Римско-Католической Церкви Миропомазание совершается отдельно и включает в себе совершенно иной смысл, чем у нас: это Миропомазание как конфирмация, подтверждение того, что юноша или девушка достигли сознательного возраста. Но в Православной Церкви Крещение и Миропомазание – это по сути одно таинство. Напротив, Евхаристия и исповедь – два разных таинства, а потому нельзя говорить о неперенной зависимости Причастия от исповеди.

С другой стороны, практика исповеди перед Причастием существует в Русской Православной Церкви в течение долгого времени, хотя ее нет и не было в Греческой Церкви. Я думаю, что сама по себе эта практика очень важна, потому что перед Причастием человек должен как-то очиститься, осознать свои грехи, примириться с Богом, с ближними. Вспомним слова Христа: «Прежде помирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой к жертвеннику» ([Мф. 5:24](#)). Исповедь – это момент примирения, а Евхаристия – тот момент, когда человек идет принести дар свой к жертвеннику.

— *Как часто нужно исповедоваться?*

— Исповедоваться нужно регулярно – думаю, не реже, чем раз в месяц. Некоторые исповедуются и раз в неделю. Важно только, чтобы исповедь никогда не проходила формально, чтобы она не сводилась, по словам отца [Александра Шмемана](#), к получению «билета на Причастие». Некоторые идут на исповедь лишь для того, чтобы их допустили к Причастию. Это неверно. Исповедоваться нужно для того, чтобы осмыслить свои прегрешения и покаяться, чтобы объективно взглянуть на себя и изменить свою жизнь.

О ТАИНСТВЕ ПРИЧАЩЕНИЯ

См. также: Евхаристия. Таинство веры

Таинство Причащения существует в Церкви с тех пор, как на Тайной Вечери Господь [Иисус Христос](#) преломил хлеб и, раздав Своим ученикам, сказал: «Сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание». Потом Он взял в руки чашу с вином, подал им и сказал: «Сия чаша есть [Новый Завет](#) в Моей Крови, которая за вас проливается». После крестной смерти Учителя Его ученики стали собираться на Евхаристию для преломления хлеба и вкушения вина в воспоминание о страданиях, смерти и воскресении Господа Спасителя. Евхаристия стала той основой, на которой строилась христианская [Церковь](#). Ведь в первые десятилетия после смерти и воскресения Христа у Церкви не было ничего, кроме памяти о Нем: еще не было Евангелия, не было сформировавшегося догматического и нравственного учения. То, что соединяло учеников, что, собственно, и делало их Церковью, была их совместная жизнь во Христе, их память о Спасителе, которая находила свое максимальное выражение в Евхаристии, когда они причащались Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина в воспоминание о Его смерти и воскресении. Позже появились Евангелия и послания святых апостолов, то есть Священное Писание Нового Завета. Еще позже стали формулироваться христианские [догматы](#), появилась стройная система христианского богословия – все то, без чего Церковь не может существовать. Но первоначальным и основным формообразующим элементом Церкви была именно Евхаристия.

Приходя на Евхаристию, мы вливаемся в то преемство евхаристического опыта, которое существует в Церкви со времен Христа и которое не прерывалось никогда. Даже в самые тяжелые и трудные годы гонений Евхаристия продолжала совершаться в христианских общинах.

Во времена советского атеизма у Церкви были отняты практически все права. Была запрещена проповедь, священники не могли свободно говорить о Христе, было запрещено религиозное образование детей и участие детей в богослужении, практически не издавалась христианская литература, и Библия была недоступна большинству людей. И тем не менее Церковь Христова продолжала существовать, и сохранилась она прежде всего Евхаристией, потому что это таинство совершалось постоянно. Если его невозможно было совершать явно, его совершали тайно. Соловецкие узники, епископы и священники, совершали Литургию ночью, лежа на нарах, и престолом им служила грудь одного из епископов. И каждый раз, когда бы ни совершалась Евхаристия и в каких бы условиях она ни совершалась, это была та самая Евхаристия, та самая Тайная Вечеря, которую совершил Спаситель, в кругу Своих учеников.

Важно помнить, что Литургия, совершаемая сегодня, – это не просто воспоминание, повторение событий, имевших место в прошлом, а прямое продолжение Тайной Вечери. Священник или епископ – предстоятель на евхаристическом богослужении – произносит те же слова, которые Христос произнес на Тайной Вечери: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое... Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая...» Священник действует здесь не своей силой, но силой Божией, он занимает место Самого Христа, единственного истинного Совершителя Литургии. В данном случае священник – лишь орудие в руках Божиих. Если в других ситуациях священнослужитель может привнести в свое служение что-то личное, например, в пастырском слове, в увещании, в беседах с людьми и т. д., то в момент совершения Литургии он выполняет лишь одну функцию – являет, представляет Христа, и Христос действует через него.

Поэтому в Православной Церкви существует традиционное, установившееся веками,

почтительное, уважительное отношение к священному сану. Не к священнику как человеку, который носит этот сан, но именно к священному сану, через который Христос непосредственно общается с людьми. Итак, когда священник произносит слова Христа на Тайной Вечери, мы должны понимать, что через него говорит Сам Христос. Целуя руку священника, мы на самом деле целуем руку Христа, потому что в данном случае священник являет присутствие Христово. И вся Евхаристия, вся Божественная Литургия от начала и до конца является этим откровением присутствия Божия, которое никогда не прерывалось.

В одной из сирийских Церквей – так называемой Ассирийской Церкви Востока – существует обычай, который в этой Церкви считается таинством. Когда готовится тесто для евхаристического хлеба, в него добавляют частичку хлеба от предыдущей Евхаристии. Этот обычай связан с преданием Ассирийской Церкви, согласно которому святой апостол Иоанн Богослов на Тайной Вечери получил от Христа, в отличие от остальных апостолов, две частицы Тела Христова. Одной он причастился, а другую сохранил для совершения Евхаристий. Это предание выражает идею преемства Евхаристии. Смысл его в том, что евхаристический хлеб, которым мы причащаемся сегодня, – это тот самый хлеб, который был освящен Самим Христом. Таким образом, современная Литургия не является просто повторением того, что некогда совершил Христос. Тайная Вечеря актуализируется каждый раз, когда совершается Литургия.

Но что происходит с нами, когда мы причащаемся Святых Христовых Таин? Происходит, конечно же, некое онтологическое изменение всего нашего человеческого естества, и это изменение глубоко укоренено в самой тайне Боговоплощения. Ведь [христианство](#) – не просто религия, приводящая людей к Богу. И это не только путь, который ведет человека на те духовные вершины, где он встречается с Богом. Это еще и путь, по которому прошел Сам Бог навстречу человеку – это путь Божественного истощания. И независимо от того, насколько высоко мы взойдем по «лестнице», ведущей к Богу, насколько мы преуспеем в добродетелях, самое существенное в деле нашего спасения уже совершено Самим Богом: Бог стал человеком, стал таким же, как мы, стал одним из нас, чтобы прожить нашу человеческую жизнь с ее радостями и скорбями, приобретениями и потерями, победами и поражениями. И эта тайна Боговоплощения, которая превосходит человеческое понимание, которую невозможно рационально объяснить или осознать, раскрывается нам через Евхаристию.

Причащаясь, мы принимаем в себя Тело и Кровь Бога, ставшего Человеком. Иными словами, происходит наше сущностное, онтологическое соединение с Божеством. Мы не просто общаемся с Богом, но Бог входит внутрь нашего естества, причем, это вхождение Бога в нас происходит не каким-то символическим или духовным способом, но абсолютно реально – Тело Христово становится нашим телом и Кровь Христова начинает течь в наших жилах. Это то, что ни одна другая религия не может дать человеку. Именно в том и состоит уникальность христианства, что Христос становится для человека не только учителем, не только нравственным идеалом, Он становится для него *пищей*, и человек *вкушает* Бога, соединяясь с Ним духовно и телесно.

Как мы должны готовиться к принятию в себя Христа? Как должны жить, чтобы быть достойными Причастия Тела и Крови Христовых? Здесь прежде всего нужно сказать: нет человека, который был бы достоин Святых Христовых Таин. Нет человека, который мог бы по своим качествам, по своему образу жизни соответствовать тому, что мы принимаем в Причастии, той святости и божественности, которыми пронизаны хлеб и вино Евхаристии. «Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластями приходить или приблизиться Тебе» – так говорится в одной из молитв, которую священник читает на Литургии Василия Великого и на Литургии [Иоанна Златоуста](#). Поэтому мы должны сознавать, что мы заведомо недостойны и никогда не будем достойны Причастия. Мы не должны думать,

что станем достойны, если будем причащаться реже, или что станем достойны, если как-то особым образом подготовимся к Причащению. Мы всегда останемся недостойными, и наше человеческое естество на духовном, душевном и телесном уровнях всегда будет неадекватным по отношению к таинству Причащения. И тем не менее мы должны подходить к Причастию и, сознавая свое недостойнство, внутренне готовиться к принятию в себя Христа.

Когда мы стоим перед Святой Чашей, каждый из нас исповедует перед Богом, что является первым из грешников – «от нихже первый есмь аз». И это не церковная риторика, это чувство, которое должно возникать у нас всякий раз, когда мы приступаем к принятию Святых Таин. Причем, это чувство невозможно искусственно в себе создать – нельзя *заставлять себя* думать, что ты хуже других людей, нельзя *вызывать в себе* чувство гнушения собой. Не этого требует от нас Церковь. Подходя к Святой Чаше, мы должны не сравнивать себя с другими людьми, а поставить себя перед судом правды Божией и любви Божией. И если мы проникнемся благоговейным чувством присутствия Божия и предстояния перед лицом Божиим, тогда каждый из нас поистине почувствует себя первым из грешников.

Итак, всякий раз, готовясь к Евхаристии, мы должны начинать внутренний путь к Причащению с осознания своей греховности, своего заведомого недостойнства и своего бессилия что-либо радикальным образом в себе изменить. Это первое.

Второй момент, связанный с подготовкой к Причастию, – это осознание того, что готовиться к Причастию нужно всей жизнью и в течение всей жизни. Многие думают, что подготовка к Причастию заключается лишь в том, чтобы соблюсти сколько-то дней поста, прочитать какое-то количество молитв, не есть и не пить с утра. Да, это нужно делать, но это лишь вспомогательные средства. Подготовка же к Причастию заключается в том, чтобы жить по-христиански. Если мы причащаемся, но в нас ничего не происходит и мы остаемся такими же, какими были раньше, если мы причащаемся, но реальных перемен в нашей жизни нет, то Причастие остается для нас тщетным. Никто из нас не может быть достойным Святого Причащения, но Причастие может становиться для нас каждый раз путем к духовному обновлению и к преображению всей жизни. С другой стороны, Причастие можно принять «в суд и во осуждение». Поэтому мы и молимся перед Святой Чашей: «Да не в суд или во осуждение будет мне Причащение Святых Твоих Таин, Господи».

Когда Причастие бывает «в суд и во осуждение»? Когда жизнь человека не соответствует тому, к чему призывает это таинство, когда человек, причащаясь, остается равнодушным, когда Причащение происходит по привычке, автоматически. Если мы внушили себе, что причащаться нужно сколько-то раз в год или в месяц, но при этом не подходим со всей серьезностью к принятию Святых Христовых Таин, такое Причастие может быть для нас «в суд и во осуждение».

В Великий Четверг, когда в Церкви совершается ежегодное воспоминание Тайной Вечери, мы слышим о человеке, который недостойно причастился. Это Иуда, вместе с остальными учениками присутствовавший на Тайной Вечери. Он был свидетелем жизни Христа, слушателем Его проповеди, свидетелем совершенных Им чудес. Более того, он проповедовал Христа вместе с другими апостолами, которых Христос при Своей жизни посылал на проповедь. И тем не менее он причастился «в суд и во осуждение». И произошло это потому, что он принял хлеб из рук Господа в состоянии раздвоенности, когда, помимо Бога, для него появилась другая ценность, – деньги, – которую он в конце концов и предпочел Божественной Правде, той самой Правде, с которой он встретился в лице Иисуса Христа.

Приступать к Причастию нужно без всякой раздвоенности, всецело предавая себя в руки Господа. Каждый из нас, подходя к Святой Чаше, должен говорить: «Да, Господи, я действительно первый из грешников. Я недостойн и никогда не буду достоин Причащения, но я

жажду принять в себя Тело Твое и Кровь Твою, потому что хочу изменить свою жизнь. И хотя, может быть, у меня это до сих пор не получилось и, может быть, и дальше не получится, я хотел бы положить начало». Каждое Причащение должно для нас быть если не началом новой жизни, то, по крайней мере, попыткой начать новую жизнь. Причащаясь Святых Христовых Таин, мы должны просить Бога о том, чтобы Он радикально изменял нашу жизнь, потому что присутствие Божие должно освящать нашу жизнь от начала и до конца.

При рукоположении в священный сан священник получает от епископа частицу Тела Христова со словами: «Приими Залог сей и сохрани его цел и невредим, о немже истязан будеши на Страшном суде Христовом». Тело Христово дается ему как залог того, что он будет работать над собой и стремиться к тому, чтобы Христос, с Которым он соединился духовно и телесно, жил в нем и действовал через него, чтобы он был тем органом, через который действует Бог. И мы, принимающие в Причастии Тело и Кровь Христовы, будем «истязаны» на Страшном суде, где окажемся вместе с людьми других религий и неверующими. И именно с нас, христиан, тех, которые принимали Святые Христовы Тайны, будет спрошено – каков был плод этого Причащения, что оно внесло в нашу жизнь, как изменило ее. Это, конечно, огромная ответственность, и мы, приступая к Святым Христовым Тайнам, должны ее чувствовать.

Еще один важный момент. Причастившись святых Христовых Таин, надо сразу же начинать подготовку к следующему Причастию. Приняв Христовы Тайны, мы несем в себе Христа. Мы станем подобны человеку, который несет чашу, наполненную до краев вином или водой: если он будет неосторожен, то может расплескать часть жидкости, а если споткнется и упадет, то потеряет все, что было в чаше. Причастившись Христовых Таин, мы должны сознавать, Что и Кого мы в себе несем. И с момента Причастия без паузы, без перерыва должна начаться наша подготовка к следующему Причастию. И не надо думать, что, если мы причастились сегодня, то к следующей Евхаристии можно готовиться за день или за три дня до нее, а в остальное время можно жить так, как будто Христос не присутствует в нас. Мы никогда не должны забывать о Христе, с Которым соединились духовно и телесно.

Дни перед Причастием – это, конечно, время, когда требуется особая сосредоточенность, особое воздержание. Но существуют разные правила относительно поста перед Причастием. Некоторые священнослужители требуют, чтобы перед каждым Причастием люди постились три дня, другие считают, что достаточно поститься один день; третьи благословляют причащаться в воскресенье тем, кто постился в среду и пятницу. Отсутствие единомыслия в этом вопросе указывает на то, что правила о посте перед Причастием – достаточно позднего происхождения. И появились они, когда люди стали причащаться редко.

Вспомним, как совершалась Евхаристия в апостольские времена. Из посланий апостола Павла мы знаем, что Евхаристия была завершением трапезы. Эта трапеза продолжалась в течение всей ночи и под утро заканчивалась преломлением хлеба в воспоминание Спасителя. Естественно, что никакого евхаристического поста тогда не было. Евхаристия вырастала из совместного вкушения пищи и завершала собой ту агапу – трапезу любви, которая продолжалась целую ночь. Причем, при внимательном прочтении посланий апостола Павла становится ясно, что это была трапеза отнюдь не символического характера и отнюдь не постная. Апостол Павел в одном из посланий говорит, что за этой трапезой не следует упиваться ([1 Кор. 11:21](#)).

Но евхаристическая трапеза не была просто вкушением пищи или питьем вина, она не была развлечением. Эта трапеза совершалась в незримом присутствии Христа, Который говорил: «Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених?» ([Мк. 2:19](#)). Евхаристия – это момент, когда Жених с «сынами чертога брачного», когда Христос Сам присутствует – через предстоятеля, совершающего Евхаристию, – на Тайной Вечери. Все начиналось с

вкушения пищи, но постепенно выходило на более высокий уровень – от пищи земной переходили к пище небесной. Не случайно вкушение пищи сопровождалось чтением [Священного Писания](#), молитв, псалмов. Затем, когда уже собственно трапеза заканчивалась, тот, кто возглавлял ее – апостол, епископ или пресвитер – произносил благодарственную молитву.

Это благодарение и сегодня – центральный момент Литургии, – то, что сейчас называется евхаристическим канонem. Кстати, само греческое слово «евхаристия» означает «благодарение». Это было благодарение не только за совершившуюся трапезу, но благодарение за всю жизнь человечества, за все бытие мира. Если сегодня вы вслушаетесь в молитвы Евхаристии, в евхаристический канон, в особенности на Литургии святителя Василия Великого, вы увидите, что в этих молитвах перед нами проходит вся история мира. Мы благодарим Бога за то, что Он создал этот мир и человека, за то, что каждого из нас Он привел в жизнь, за то, что ради каждого из нас Он стал человеком, пострадал и умер на кресте. Мы благодарим Бога за то, что Он сошел во ад, чтобы и там было проповедано Евангелие, чтобы вывести оттуда тех, кто там находился. Мы благодарим Бога за то, что Он воскрес, чтобы вместе с Собой воскресить и всех нас, и за то, что Он совершил эту Тайную Вечерю, в которой под видом хлеба и вина преподал нам Свое Тело и Свою Кровь для Причащения.

Евхаристия в Древней Церкви была не просто трапезой – это была торжественная, праздничная трапеза. И сейчас Евхаристия сохраняет характер праздничного богослужения. Не случайно, когда мы в великопостные дни проходим покаянный путь, то Евхаристия отменяется, чтобы мы могли по-иному пережить свое сопричастие Христу – без праздничного и благодарственного настроения Евхаристии. Великий пост задуман именно как подготовка, как время, когда мы в некоторые дни воздерживаемся от Причастия, чтобы осознать его значимость, чтобы прийти к Причастию с чем-то новым, что-то в себе накопив. В этом же, как мне кажется, заключается смысл тех правил относительно поста перед Евхаристией, которые существуют в нашей Церкви сегодня.

Все это я сейчас говорю вам не для того, чтобы вы перестали перед Причастием поститься и молиться и начали причащаться на сытый желудок, как это делали апостолы. Сегодня такой практики нет. Но я хотел бы, чтобы вы осознали, в чем смысл того, что происходит на Евхаристии, и в чем изначальный смысл подготовки к Причастию. В истории Русской Православной Церкви были периоды, когда люди причащались очень редко. Так, например, в XIX веке в России большинство православных причащалось раз в год, а именно в субботу первой недели Великого поста. Естественно, что дни подготовки к Причастию, были днями строгого поста, временем, когда человек должен был как бы собирать себя, разобранного на части за весь прошедший год, пока он не принимал Святые Христовы Тайны. Конечно, это была практика неверная, не соответствовавшая изначальному смыслу Евхаристии.

Как часто следует причащаться? Канонические правила Церкви предписывают не уклоняться от Причастия без уважительной причины. В Древней Церкви на Литургии причащались все присутствовавшие: люди приходили на Литургию именно для Причастия, а не для того, чтобы помолиться и уйти. В византийскую эпоху в тех местах, где Евхаристия совершалась ежедневно, например, в некоторых монастырях, люди могли причащаться даже ежедневно, а там, где Евхаристия совершалась по воскресным дням, как это было в большинстве приходов, причащались раз в неделю. В IV веке святитель Василий Великий, отвечая на вопрос, как часто нужно причащаться, писал: «Хорошо и полезно было бы причащаться каждый день, но мы причащаемся четыре раза в неделю: по средам, пятницам, субботам и воскресеньям». Минимальный временной промежуток между двумя Причастиями – литургический день: нельзя причащаться чаще одного раза в сутки. Когда мы причащаемся в Великую Субботу, а потом в Пасхальную ночь, то реально промежуток бывает меньше 24 часов, однако это уже новый

литургический день. Но, как правило, люди не причащаются чаще, чем раз в неделю, за исключением особых дней – таких как Великий Четверг, Великая Суббота, Пасха. Некоторые не чувствуют в себе достаточно сил, достаточно духовной крепости или желания причаститься каждое воскресенье; они причащаются раз в месяц. Но месяц, который они проживают от Причастия до Причастия, должен быть для них временем постоянного внутреннего приготовления к принятию Святых Христовых Таин.

Однозначно ответить на вопрос, как часто нужно причащаться, нельзя. Я бы сказал так: в идеале причащаться нужно за каждой Литургией. В то же время мы должны трезво оценивать свои возможности. Все мы живем на разных уровнях интенсивности духовной жизни, и не каждый может отдавать Богу всего себя ежедневно. Часто мы не можем организовать свою жизнь так, чтобы приходить к Причастию даже раз в неделю. Поэтому общего единого для всех ритма здесь быть не может. Каждый человек должен почувствовать свой внутренний ритм. В то же время важно, чтобы Причастие не превращалось в редкое событие, которое происходит либо по особым случаям, например, в день ангела, либо по большим праздникам, скажем, только на Пасху и на Рождество. Но будем ли мы подходить к Святой Чаше несколько раз или один раз в неделю, раз в две недели или раз в месяц, Причащение должно быть тем стержнем, вокруг которого выстраивается вся наша жизнь. Иначе говоря, мы призваны к тому, чтобы вся наша жизнь стала Евхаристией. Молясь, мы просим Господа, чтобы Он дал нам силы всей нашей жизнью, каждым делом и словом благословлять Бога «на всякое время», чтобы душа наша хвалила Господа, чтобы мы воплощали в жизнь Его заповеди.

Перед Причастием очень важно прочитать молитвы ко Святому Причащению. Эти молитвы дают человеку возможность настроиться на соответствующий лад, дают ему понять, в чем, собственно, заключается смысл Причастия. Эти молитвы очень глубоки и содержательны. И чтение их никогда не должно превращаться в формальность, рутину.

Бывают обстоятельства, когда у нас не хватает времени для подготовительной молитвы, и самое большее, что мы можем сделать, – это собраться с силами и прийти на Литургию. В подобных случаях не следует думать, что, не вычитав молитвы, мы автоматически лишаемся права на Причастие. Мы можем прочитать одну молитву ко Святому Причащению, но если мы прочитали ее с вниманием, с полным проникновением в каждое ее слово – это уже немало.

Кроме того, нельзя забывать, что сама Литургия – это молитвенная подготовка к Причастию. Приходя на Литургию, мы погружаемся в ту стихию, которая, подобно морским волнам, приносящим лодку в гавань, через полтора-два часа приносит нас к Святой Чаше. И если мы внимательно вслушиваемся в слова, которые поются и читаются во время службы, то наше переживание Божественной Литургии становится подготовкой к Причастию. Литургия начинается возгласом «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа»: эти слова сразу погружают нас в тайну Святой Троицы. Затем мы слышим антифоны, когда мы призываемся благословлять Бога: «Благослови, душе моя, Господа. Благословен еси, Господи. Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя Имя святое Его». То есть наше сердце, наши помыслы, все, что внутри нас, должно быть переориентировано на восхваление Бога. Далее мы слышим Заповеди Блаженства – правила, по которым должна строиться наша нравственная и духовная жизнь. Мы слышим чтение Апостола и Евангелия, которые тоже обращены к нам и должны заставить нас задуматься о смысле христианской жизни. После Херувимской песни, когда на великом входе Святые Дары вносятся в алтарь, начинается собственно евхаристическая часть богослужения, то есть непосредственно относящаяся к преложению хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. И все это – подготовка к Причащению, которое увенчивает Литургию, ради которого, собственно, и совершалась Литургия.

Может быть, не все знают, что исторически малый и великий входы были не просто

церковными церемониями. Малый вход был тем моментом, когда верующие из притвора входили в храм, так как вся первоначальная часть Литургии совершалась в притворе. Чтение Апостола и Евангелия, проповедь, молитвы об оглашенных – все это совершалось в центральной части храма. Затем из храма удалялись оглашенные, то есть все те, кто еще не принял Крещение и поэтому не мог причащаться: поскольку они не причащались, то не должны были присутствовать на самой Евхаристии. Великий вход был моментом, когда священнослужители входили в алтарь и вносили туда хлеб и вино, заранее принесенные верующими в храм в качестве приношения – «проскомидии». Далее следовала та евхаристическая [молитва](#), которую большинство наших прихожан, к сожалению, не слышит и не знает, потому что, по существующей ныне практике, она, как и некоторые другие молитвы, читается священником «тайно», про себя, но изначально эта молитва читалась вслух. В практике некоторых поместных Православных Церквей, да и в некоторых храмах Русской Православной Церкви, эти молитвы читаются вслух, и тогда верующие имеют возможность слышать то, ради чего, собственно, и совершается Евхаристия, – то самое благодарение, которое по преемству передано нам святыми апостолами.

Божественная Литургия в том виде, в каком она дошла до нас, является неким образом, иконой всей человеческой жизни. Если мы воспринимаем Литургию как руководство к действию, и те слова, которые на Литургии читаются, поются и произносятся, – как образец, по которому мы должны строить жизнь, то со временем мы придем к тому, что вся наша жизнь станет Литургией, то есть все, что бы мы ни делали, будет посвящено Богу. И не только в момент Причастия, не только находясь в храме или стоя на молитве дома, но и в других обстоятельствах – на работе, в семье и даже на отдыхе, мы не будем отрываться от Бога, но будем жить в постоянном чувстве Его присутствия, посвящая Богу все, что мы делаем – и в плане профессиональном, и в плане человеческом, и в плане духовном. Я думаю, что именно ради этого мы причащаемся, и именно в этом должна заключаться та цель, которую мы перед собой ставим – чтобы вся наша жизнь преобразилась по образу Христа, – Бога, ставшего Человеком, – и чтобы она стала одной непрекращающейся Литургией, одним непрерывным памятованием о Боге и благодарением Бога.

Вопросы и ответы

— *Насколько я поняла, в XIX веке причащались всего лишь раз в год – в первую субботу Великого поста? Но почему именно в первую субботу?*

— Потому что с понедельника по пятницу первой недели поста вся верующая Россия постилась и говела: следовательно, не надо было специально поститься перед Причастием. Но возникает вопрос: насколько эффективным является Причащение раз в год? Может ли оно изменить жизнь человека? Мне вспоминаются слова, сказанные по этому поводу отцом Александром Ельчаниновым: «Урок, получаемый раз в год, ничего не дает». Впрочем, лучше получать урок хотя бы раз в год, чем не получать его вообще.

— *Если человек не причащается, то имеет ли смысл оставаться на Литургию верных?*

— И да, и нет. В древнехристианской практике в каждом храме была группа людей, которые готовились к вступлению в Церковь и не могли причащаться, потому что они еще не стали полноценными членами Церкви, так как еще не приняли таинства Крещения. Это были так называемые оглашенные. Но для них существовала специальная программа, они ходили на занятия, и сама Литургия оглашенных была ориентирована на обучение, на катехизацию. Сейчас же Литургия оглашенных фактически стала частью евхаристического богослужения, и границу между Литургией оглашенных и Литургией верных можно провести лишь условно. Я

думаю, что сегодня людям, которые либо еще не приняли Крещение, либо находятся в разряде кающихся, либо просто не допущены к Причастию, все-таки полезно присутствовать на Литургии верных, хотя это, может быть, и противоречит раннехристианской практике. К сожалению, в современной Православной Церкви отсутствует постоянная программа научения людей через оглашение, а поэтому оглашением становится даже просто пребывание в церкви, вслушивание в молитвы, в проповедь (в большинстве наших храмов проповедь произносится в конце Литургии, а не после Евангелия, то есть именно на Литургии верных, а не на Литургии оглашенных).

— *Если таинство Евхаристии – самое важное в жизни Церкви, то можно ли считать, что существует определенная дифференциация таинств, что остальные таинства лишь готовят человека к таинству Евхаристии?*

— Я думаю, что да. Например, таинство Крещения, которое вместе с таинством Миропомазания составляет один богослужебный чин, является таинством вхождения в Церковь, но это вхождение не будет полным, если человек не причащается Святых Христовых Таин. Следовательно в каком-то смысле таинство Крещения является путем к Евхаристии. То же можно сказать и об исповеди. В современной практике она напрямую связана с Евхаристией, в древней же практике такой связи не было. Но смысл исповеди в том, чтобы человек принес покаяние за свои грехи, очистился, а это очищение нужно, опять же, для участия в Евхаристии. Можно сказать, что Евхаристия есть вершина всей таинственной жизни христианина в Церкви. Не случайно [Дионисий Ареопагит](#) называл ее «таинством таинств».

— *Какая связь между Литургией и временем? Что такое «литургическое время»?*

— Когда мы погружаемся в стихию Литургии, мы выходим из стихии времени, становимся неподвластны времени. Литургическое время течет совершенно по-иному, чем время обычное. Каждая Литургия длится, конечно, какое-то время, полтора-два часа, но это время несоизмеримо с другими полутора-двумя часами, которые мы проводим в ином месте. Это можно сравнить с ощущениями космонавтов в космосе. Мы считаем их время по нашему календарю, а у них оно течет по-другому. Преемство Евхаристии, которое идет от самой Тайной Вечери, – это наше вхождение в прошлое Церкви. Участвуя в Евхаристии, мы вбираем в себя весь тысячелетний опыт бытия Церкви – не только христианской, но и ветхозаветной, то есть практически опыт всего человечества. Это первое.

А второе – то, что наше участие в Евхаристии определяет нашу будущую посмертную судьбу. На Пасху мы поем в каноне, написанном преподобным [Иоанном Дамаскиным](#): «Подавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего». «Истее» – значит полнее. И «невечерний день» указывает именно на отсутствие времени. В какой-то момент наша земная временная жизнь прекратится, и тогда мы перейдем в иное, вневременное бытие, где можем либо быть отлучены от Бога, если мы не причастны Ему, либо соединиться с Богом еще полнее, «истее», чем мы соединяемся с Ним в Причастии. На земле мы соединяемся с Богом в Евхаристии под видом хлеба и вина, а тогда не будет уже хлеба и вина, но будет Сам Христос. И от того, причащаемся мы или нет, от того, становится ли Причастие для нас реальным опытом соединения со Христом, в конечном итоге и зависит то, что ждет нас в будущей жизни, какой будет степень нашей близости ко Христу или отдаленности от Него.

— *Может ли Бог не допустить человека до Причастия, если человек совершает злые дела?*

— Бог всегда знает обо всем злом, что мы можем совершить, совершили, совершаем, или совершим в будущем. Но это не может быть для нас оправданием. Да, Бог нас не всегда останавливает. В каких-то случаях Бог полагает конец злой активности человека, но в большинстве случаев Он терпит греховные поступки людей. Даже зная, что человек причастится «в суд и во осуждение», Он все-таки не отлучает его от Причастия. Но иногда Бог

дает человеку какой-то видимый знак, заставляющий его задуматься о своем духовном состоянии. Все вы помните случай с Марией Египетской, когда она хотела войти в храм, но какая-то сила отталкивала ее? Осознав, что это был Божий знак, она потом все-таки вошла в храм и причастилась. В тот момент она была еще явно не готова к Причастию, но оно стало для нее неким залогом, данным ей для того, чтобы она изменила свою жизнь.

В этой поразительной истории, которую мы слышим во время Великого поста, интересно и другое. Мария Египетская, причастившись Святых Христовых Таин, ушла в пустыню и в течение многих лет не участвовала в Евхаристии, так как в пустыне не было ни храма, ни священника. Однако встретившись много лет спустя с Зосимой, она просила его ее причастить. Во время ее пребывания в пустыне у нее не было текстов Священного Писания, тем не менее она смогла их выучить наизусть. Оказавшись в совершенно особых условиях, она не могла причащаться таким образом, как причащаемся мы, но очевидно, это происходило как-то иначе. Известно, что многие отшельники, жившие в пустынях, годами не появлялись в храмах, жили без Евхаристии. Однако существует предание, что некоторых из них причащали ангелы. Как бы там ни было, это можно воспринять как указание на разнообразие путей, по которым люди идут к Богу, а также и на то, что некоторые святые уже в земной жизни причащались «истее», полнее, чем другие люди.

— *Можно ли до конца преодолеть в себе раздвоенность?*

— Не только можно, но и нужно. Это задача, которая стоит перед каждым христианином. Именно ради этого мы и живем в Церкви – чтобы преодолеть в себе «ветхого человека» и возродиться к новой жизни. Церковь дает возможность человеку преодолеть раздвоенность и выйти на тот уровень, на котором человек обретает цельность, утраченную им вследствие грехопадения.

Для чего мы постимся? В чем смысл поста для нас – и с духовной точки зрения, и с точки зрения телесного воздержания?

Если мы обратимся к истокам, то увидим, что уже в ветхозаветные времена пост составлял один из основных элементов аскетической жизни. Постились люди в знак покаяния, постились пророки и учителя Израилевы перед выходом на проповедь и служение. Постились и цари, и простолюдины для того, чтобы примириться с Богом, принести покаяние и через воздержание явить Богу свою любовь.

Мы знаем, что Христос начал Свое общественное служение после Крещения с того, что удалился в пустыню и провел там сорок дней в посте, после чего был искушаем диаволом. Иисус Христос, Который был Богом Воплотившимся, по человеческому Своему естеству нуждался в укреплении, в подготовке духовной, душевной и телесной к Своему служению. И именно поэтому перед выходом на проповедь Он удалился в пустыню и там постился – ничего не ел и не пил.

В Евангелии есть моменты, которые могут заставить нас думать, что Христос не очень высоко ценил пост. Например, когда фарисеи приступали к Христу и спрашивали: «Почему ученики Иоанновы и фарисейские постятся, а Твои ученики не постятся?» И Господь ответил им: «Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься; но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни» ([Мк. 2:18—20](#)).

Представим себе на минуту жизнь Христа и Его учеников. Это была жизнь странствующего Учителя – Человека, Который вместе со Своими учениками переходил из города в город, из селения в селение. Где-то Его принимали с любовью, где-то – недоброжелательно. Иногда Он разделял трапезу с людьми богатыми и влиятельными, с фарисеями и книжниками, но чаще оказывался в домах людей бедных. И когда Христос приходил в чей-то дом, Он не требовал для Себя особой еды, а ел то, что Ему предлагали. Проходя через засеянные поля, Его ученики срывали колосья, разминали их руками и ели зерна, нарушая тем самым иногда и субботу. Время, отпущенное Христу для Его служения народу израильскому, было слишком коротким, поэтому Он был сосредоточен на главном и как бы оставлял в стороне все второстепенное. Именно потому традиционные предписания о посте и о субботе Им и Его учениками не всегда исполнялись. Мы вообще не находим в Евангелии указаний на то, что Христос соблюдал какую-то особую диету. Он ел мясо (иначе Он бы не вкушал пасхальную трапезу со Своими учениками), ел рыбу, ел то, что было доступно для Него и Его учеников.

Но все это вовсе не означает, что Христос пренебрегал постом. Мы помним, что, когда Его ученики не смогли исцелить бесноватого отрока и спрашивали, почему они не могут этого сделать, Господь ответил им: «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» ([Мф. 17:21](#)). А потом пришло время, когда у сынов чертога брачного отнялся Жених, когда Христа уже не было с учениками, и тогда ученики возродили традицию поста – поста, соединенного с молитвой. Мы знаем, что в ранней Церкви ученики Христа вернулись к традиционным иудейским установлениям о посте. В Деяниях святых апостолов мы встречаем упоминания о том, что апостолы соблюдали пост.

Что же такое пост? Если говорить о внешней стороне, то пост – это телесное воздержание, воздержание от той или иной пищи. В современной практике это прежде всего воздержание от скоромной пищи, то есть мясных, молочных и вообще животных продуктов. За исключением строгих постов, разрешается, впрочем, вкушение рыбы. В строгие посты, кроме того, не

разрешается употребление алкогольных напитков. Пост сопряжен также с воздержанием в брачных отношениях.

Но все это – лишь внешняя сторона дела. И мы должны помнить, что соблюдаем посты не ради воздержания от пищи, а для того, чтобы достичь высот на нашем духовном пути. Невкушение той или иной пищи не должно быть самоцелью. Ведь существует много причин, по которым человек не может соблюдать телесный пост, – например, болезнь, старость, нищета. Пост предназначен для людей здоровых, для больных же постом является сама болезнь. Во многих случаях врачи запрещают больным отказываться от скоромной пищи. И нужно помнить, что Церковь никогда и никому не предписывает совершать насилие над своим естеством, не призывает нарушать предписания врачей.

Нельзя, кроме того, налагать узы поста на маленьких детей. Со временем, по мере того, как они растут, мы должны воспитывать в них сознательное отношение ко всему, что существует в Церкви, – к богослужению, к молитве и к посту. Можно приучать детей к некоторым ограничениям в еде, но это должно осуществляться постепенно и не в ущерб здоровью.

Существуют и другие ситуации, когда мы не можем в полной мере соблюдать пост, например, во время путешествий. Христос, переходя из селения в селение, не соблюдал посты – возможно, именно потому, что это не позволял Ему избранный Им образ жизни. Когда мы путешествуем, мы живем в особых, не зависящих от нас условиях. То же самое – когда мы живем у других людей или приходим в гости. Как известно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Иногда меня спрашивают: «Что делать, если в постный день приглашают на день рождения, празднование какого-либо события? Можно ли есть то, что предложат хозяева, или надо отказываться от скоромной пищи?» Думаю, вопрос должен ставиться иначе: идти или не ходить? Если мы приняли решение пойти, то сидеть среди радующихся, веселящихся людей с постным лицом, отказываться от предлагаемой пищи, служа молчаливым укором для всех непостящихся, думаю, будет неправильно. Господь Иисус Христос говорил: «Когда вы поститесь, не будьте унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцем твоим» ([Мф. 6:16—18](#)). Этими словами Христос показывает, что у поста есть внешняя сторона и внутренняя. И об этой внутренней стороне я хотел бы теперь сказать несколько слов.

Прежде всего, прочитаю небольшой отрывок из Книги пророка Исаии:

Почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь? Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте. Таков ли тот пост, который Я избрал, – день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого – одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: «Вот Я!» Когда ты удалишь из среды твоей ярмо, перестанешь поднимать перст и говорить оскорбительное, и отдашь голодному душу твою, и напитаешь душу страдальца: тогда свет твой взойдет во тьме, и мрак твой будет как полдень; и будет Господь воздеш твоим всегда, и во время засухи будет насыщать душу твою и утучнять кости твои, и ты будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не

иссякают ([Ис. 58:3—11](#)).

Как видите, уже в ветхозаветные времена существовало ясное представление о том, в чем должен заключаться пост. «Почему мы постимся, а Ты не видишь?» – вопрошает Бога постящийся. Это происходит потому, что на первое место поставлено не главное. Пророк говорит, что если человек постится «для ссор и распрей, и для того, чтобы дерзкою рукою бить других», то такой пост не угоден Богу.

Нередко в христианской среде можно наблюдать такую картину. Люди живут весело, дружно, но наступает пост – и они озлобляются, раздражаются, ссорятся друг с другом. Происходит это отчасти потому, что, воздерживаясь от пищи, люди тем самым смиряют свое физическое естество, приглушают телесные страсти. А страстная энергия требует какого-то выхода; и вот, она выплескивается на других людей. Если такое происходит, постящийся должен понимать: его пост – именно тот неугодный Богу пост, о котором говорит пророк [Исаия](#). Мы должны поститься не для «распрей и ссор», но для того, чтобы примириться с Богом и друг с другом. Пост должен высвободить нашу духовную энергию для добрых дел.

По словам пророка, пост заключается в том, чтобы одеть нагого, накормить голодного, разделить хлеб свой с ближними. Сущность поста выражена в словах: «отдай голодному душу твою». Пост – это время, когда мы должны забыть о себе, научиться жертвовать собою ради других. Время Великого поста дано нам именно для того, чтобы мы пересмотрели свою жизнь в этой перспективе. Это гораздо важнее и гораздо труднее, чем просто воздерживаться от какой-то пищи. Если в несоблюдении поста телесного мы нередко можем найти себе оправдание (болезнь, путешествие, недостаток материальных средств и т. д.), то в том, что мы не работаем по-настоящему над своей душой, над своим сердцем, нам нет извинения.

О смысле постного подвига напоминают нам также стихиры, которые поются в начале Великого поста:

Братие, постясь телесно, будем поститься и духовно: развяжем всякие союзы неправды, расторгнем препятствия к необходимым изменениям, разорвем неправедные писания, дадим алчущим хлеб и приютим нищих и бездомных, дабы получить от Христа великую милость... Придите, верующие, и будем во свете делать дела Божии, как днем, будем ходить честно, благообразно, избавимся от несправедливого обвинения ближнего, не стараясь столкнуть его с пути на соблазн другим. Оставим сладострастие плоти, возрастим данные нашей душе дарования, и приступим ко Христу, в покаянии взывая: Боже наш, помилуй нас.

Церковь призывает нас отнестись к посту творчески: «возрастим данные нашей душе дарования». Пост – это время, когда мы высвобождаем себя для того, чтобы душа наша раскрылась по отношению к Богу, к Церкви и к людям. Великий пост этому особенно помогает. Не случайно он по времени выпадает на весну. В течение года природа проходит определенный цикл: возрастание, затем цветение, зрелость, увядание и долгая изнурительная зима. Это можно сравнить с состоянием нашей души. Бывают времена, когда душа наша возрождается, расцветает, но потом снова охладевает, мы становимся равнодушнее, погрязаем в наших земных делах: наступает осень, затем зима души. Но всякий раз Великий пост приходит как новая духовная весна, давая нам возможность духовно обновиться, процвести цветами добродетелей, принести плоды покаяния.

Великий пост готовит к Страстной седмице, к встрече со Христом. Смысл, цель и сердцевина поста заключается именно в том, чтобы, подражая Христу, мы все более и более к Нему приближались; в том, чтобы, очищая душу и тело, мы оказывались все более способными воспринять в себя ту духовную Весть, – преображающую, исцеляющую и воскрешающую, – которую приносит нам Господь Иисус Христос. В пасхальную ночь мы услышим слова Иоанна Златоуста о том, что и постившиеся, и не постившиеся должны насладиться духовным пиром и

напитаться от духовного Агнца, Который есть Христос. Но я думаю, что многие из вас по собственному опыту знают, насколько полнее бывает восприятие служб Страстной седмицы и радость праздника Пасхи, если мы достойно и по-христиански провели пост; насколько лучше чувствует себя наша душа, насколько охотнее откликается она на все то, что слышит в Церкви в страстные и пасхальные дни, если мы прошли через подвиг поста.

В Великом посту каждый из нас может взять на себя какой-то духовный подвиг. Можно, например, дать себе зарок в течение поста никого вслух не осуждать. Если нам удастся шесть недель продержаться, никого не осуждая, это уже будет великое дело. Конечно, это не значит, что мы должны воздерживаться от осуждения лишь во время Великого поста, но поскольку мы осуждаем друг друга ежедневно, дадим себе шанс и возможность хотя бы на время замкнуть уста для всякого слова осуждения. И если нам это удастся, мы увидим, насколько изменится наше отношение к другим людям после нескольких недель такого духовного упражнения.

Можно также дать себе зарок в течение поста ни с кем не ссориться, никого не обижать. Это бывает очень трудно – не раздражиться на наших ближних или на сослуживцев. Но если мы сможем хотя бы в дни поста воздержаться от раздражения – это будет драгоценнее и для Бога, и для каждого из нас, чем воздержание от той или иной пищи. Господь сказал: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что исходит из уст, оскверняет человека... Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» ([Мф. 15:11, 19](#)).

У нас есть сердце и уста, то есть наш внутренний человек и то орудие, через которое этот внутренний человек себя проявляет. И если нам не удастся сразу же преобразить нашего внутреннего человека, то нужно хотя бы поработать над его орудием. Часто люди спрашивают, как справиться с раздражением, как сделать, чтобы не позволить себе выплеснуть гнев на другого человека. Один из способов – в тот момент, когда гнев подступает к вашему сердцу, уже захлестнул его и готов вылиться в слова, – замкнуть свои уста и не дать им раскрыться до тех пор, пока приступ гнева не пройдет. Подавить в себе гнев, «проглотить» его – это, быть может, процедура неприятная и болезненная, но если научиться хотя бы этому, то затем можно переходить и к работе над собственным сердцем. И время Великого поста идеально подходит для того, чтобы сделать первый шаг. Это то самое время, когда, если мы еще не начали работу над собой, мы можем ее начать.

В Великом посту можно взять себе и другие делания, например, прочитать все четыре Евангелия. Нередко мы, православные христиане, думая, что Священное Писание мы знаем едва ли не наизусть, неделями и месяцами его не открываем. И не замечаем того, что, даже если и сохраняются в нашей памяти какие-то евангельские эпизоды, Евангелие все меньше и меньше становится книгой нашей собственной жизни, мы все реже видим в нем отражение собственного духовного опыта. Поэтому, если нам не хватает времени в обычные дни читать Евангелие, то хотя бы в дни Великого поста перечитаем эти страницы, на которых Сам Господь обращается к нам, дает нам пример подлинно христианской жизни.

В дни Великого поста полезно также читать [Ветхий Завет](#). Не случайно на великопостных богослужениях читаются и Книга Бытия, и Книга Иова, и Книга Притчей Соломоновых. Церковь избрала эти книги потому, что они имеют особое назидательное значение. Из Книги Бытия мы узнаем о сотворении мира, о смысле его существования. Книга Иова говорит нам о том, как Бог утешает человека в страданиях и скорбях. Из Книги Притчей мы можем получить множество полезнейших нравственных уроков. И если обычно мы не находим время, чтобы перечитать эти книги, то в Великом посту нужно найти для этого и силы, и время.

В течение Великого поста полезно обратиться и к духовной святоотеческой литературе. Не случайно во вторую неделю поста Церковь вспоминает святителя Григория Паламу, в четвертую

неделю – преподобного Иоанна Лествичника, в пятую – преподобную Марию Египетскую. Опыт, отраженный в житии Марии Египетской, в книгах Иоанна Лествичника и [Григория Паламы](#), а также других Отцов Церкви может стать и нашим опытом, если мы будем вчитываться в их слова и стараться воплощать в жизнь то, что они говорят.

Конечно, открывая «Лествицу», многие из нас понимают, что это книга, которую не каждый может вместить, так как она говорит о слишком высоких вещах. «Лествица» начинается с отречения от мира – это первая ступень духовного восхождения. Боюсь, что никто из нас даже на эту первую ступень не взойшел. Помню, когда я был маленьким мальчиком, меня поражали пожарные лестницы на старых московских домах, начинавшиеся примерно на уровне третьего этажа. Взобраться на первую ступень можно было только при помощи пожарной машины, а подняться на эту ступень прямо с земли было невозможно. И когда мы читаем «Лествицу» преподобного Иоанна, может показаться, что это именно такой род лестницы, предназначенной не для нас, на земле живущих. Но давайте вообразим, что Великий пост – это та пожарная машина, которая помогает нам взобраться на первую ступень лестницы и начать бороться с тем, что богослужебные тексты называют «мрачным разжжением (то есть пожаром) греха».

Для людей семейных пост предполагает, помимо всего прочего, еще и воздержание от брачного общения. Из этого правила, впрочем, могут быть исключения. Например, верующая жена хочет соблюдать пост и воздерживаться от брачного общения, а неверующий муж не хочет. Нельзя допустить, чтобы пост разрушил семью. Как говорит святитель Иоанн Златоуст, «та, которая воздерживается против воли мужа, не только лишится награды за воздержание, но даст ответ за его прелюбодеяние, и ответ более строгий, чем он сам. Почему? Потому, что она лишает его законного сокоупления, низвергает его в бездну распутства». В каких-то случаях человеку приходится жертвовать собственным благочестием и своими аскетическими правилами, чтобы сохранить целостность семьи.

О том, каким должно быть наше отношение к посту, хорошо говорит отец Александр Шмеман в одной из лучших своих книг – «Великий пост», которую я всем вам рекомендую прочитать:

Серьезное отношение к посту означает прежде всего, что мы отнесемся к нему, по возможности, на самом глубоком уровне нашего сознания – воспримем его как духовный призыв, требующий ответа, решения, постоянного усилия. Мы знаем, что именно для этой цели Церковь установила приуготовительные недели к Великому посту. Это и есть время для ответа и решения. И лучший, и самый легкий способ для этого – отдаться руководству Церкви, хотя бы размышлением над пятью евангельскими чтениями, которые Церковь предлагает нам в течение пяти недель, предшествующих посту: желание (Закхей), смирение (Мытарь и фарисей), возвращение из изгнания (Блудный сын), суд (Страшный суд) и прощение (Прощенное воскресенье). Эти евангельские чтения надо не только прослушать в церкви, но принести их с собой домой и сопоставить с моей жизнью, моим семейным положением, моими профессиональными обязанностями, моей заботой о материальной стороне жизни, моим отношением к определенным людям, с которыми я живу.

Вопросы и ответы

— Можно ли во время Великого поста смотреть телевизор?

— Некоторые вообще не включают телевизор во время поста. Другие смотрят только религиозные передачи и новости. Но если вы живете в семье, где ваши близкие хотят смотреть те или иные программы, то в большинстве случаев ничего с этим поделать нельзя. Сохранять мир в семье гораздо важнее, чем исполнять те или иные аскетические предписания. Если

выключенный телевизор становится источником ссор, вражды, то это неправильно. Когда верующий человек приходит в дом, где все смотрят телевизор, и выключает его с негодованием и со словами о том, что, мол, сейчас пост, вы должны каяться, а вы развлекаетесь и т. д., то, думаю, это принесет обратный результат: это может отвратить людей не только от поста, но и вообще от Церкви. Нередко верующие родители, чтобы наставить своих детей на путь истинный, запрещают им смотреть телевизор. И в душе ребенка может постепенно вырасти сильный и горький протест не только против родителей, но и вообще против Церкви, против всего церковного уклада. Ребенок не должен чувствовать себя лишенным того, что доступно другим детям. Гораздо важнее постепенно вводить ребенка в смысл того, что происходит в Церкви, раскрывать ему смысл поста так, чтобы пост для него был радостью, чтобы он сам стремился его соблюдать.

— Преподобный [Макарий Египетский](#), когда к нему приходили гости, нарушал пост и предлагал есть все, что у него было. Правильно ли он поступал?

— Гостеприимство важнее поста. Если мы налагаем на себя бремя поста, то мы это делаем для своего духовного развития, для своего духовного совершенствования. Но мы не должны налагать бремя поста на других людей, тем более на тех, кто нуждается в гостеприимстве. Если приходит к нам верующий человек, о котором мы знаем, что он соблюдает пост, естественно, что тогда мы готовим и для него и для себя соответствующую трапезу. Но если приходит кто-то, кто не постится, или человек, которого нужно накормить чем-то более существенным, чем, скажем, картошка или капуста, тогда, наверное, греха в нарушении поста не будет.

— Как быть с «проглоченным гневом», который потом, после поста, прорывается еще сильнее?

— «Проглоченный гнев» – это лишь первый этап, когда мы учимся не позволять своему гневу выплескиваться наружу. За этим должен следовать второй этап, когда человек начинает работать над своим сердцем и ставит не только свое внешнее поведение, но и свои внутренние движения перед судом Евангелия. Если гнев подступает к сердцу, вспомните о Христе, Которого пригвождали ко кресту, а Он молился за своих мучителей. Вспомните о святых, в жизни которых происходило что-то совершенно несопоставимо более страшное и трагическое, чем то, что происходит с нами, но они принимали это со смирением и с любовью. Вспомните Иоанна Златоуста, который был смещен с архиепископского престола, сослан в изгнание, которого избивали стражники и который дошел до последней степени истощения от голода. Когда он, всеми оставленный и преданный, умирал, он сказал: «Слава Богу за все». Подобных примеров немало. Надо вспоминать их в тот момент, когда мы готовы разразиться гневом по какому-то пустячному поводу – когда, например, нам подали недостаточно подогретый суп, или кто-то опоздал на встречу с нами, или нам представили на подпись плохо составленный документ.

Еще один момент. У нас часто бывает, что раздражение возникает по одной причине, а изливается на какого-то человека по совершенно другому поводу. Например, вы опоздали на автобус, двери захлопнулись перед самым носом, потом проехавшая машина обдала вас грязью. И когда вы пришли на работу, легче всего излить накопившийся гнев на сослуживцев. Ведь автобус и машина ушли, то есть объектов, которые вызвали ваш гнев, уже нет, а сотрудник оказался рядом. Но машина уехала, а человек остается, и с ним вы можете из-за пустяка вступить в длительную, иногда, быть может, многолетнюю войну. Никакие внешние факторы не должны владеть нами настолько, чтобы стать причиной гнева или раздражения.

— Как отделить человека от его поступка?

— Как это сделал отец в притче о блудном сыне. Сын поступил гадко, но отец продолжал его любить.

— *Как научиться не злиться на детей?*

— Надо помнить, что дети беззащитны, однако внешние впечатления в них накапливаются. Сколько раз бывает, что ребенок до какого-то возраста терпит, а потом вдруг взрывается, и все, что накопилось за прежние годы, вырастает в активное противление родителям. Иногда это заканчивается разрывом с родителями, иногда отчужденностью между родителями и детьми. Вообще к ребенку нужно относиться тонко и деликатно. Мне кажется, что ребенку можно сказать все, с ним можно прямо говорить о его недостатках, ему можно давать уроки, которые запомнятся на всю жизнь. Но воспитание не должно строиться на гневе: всякое слово, сказанное в состоянии раздражения, теряет свой смысл и имеет противоположный эффект. Даже если то, что вы говорите, правильно по существу, оно может быть неправильно по форме. И ребенок этого существа уже никогда не запомнит, а запомнит только, что на него была излита какая-то порция гнева.

— *Как научиться сдерживаться, не выплескивать свои эмоции?*

— Всякое слово, как хорошее вино, должно отстояться и приобрести зрелость. Чаще всего мы раскаиваемся в тех своих словах, которые выпалили как первую реакцию на что-то. Кто-то нас обидел – и мы в ответ грубим. А надо было бы, прежде, чем говорить грубые слова, взвесить все на весах рассудка, на весах правды, на весах соответствия наших действий евангельскому учению. И, если после этого у нас еще остается что-то сказать человеку, мы можем это ему сказать, но по-дружески, мягко, так, что человек нас услышит, но не обидится.

В течение Великого поста мы призваны следить за собой, не давать своим эмоциям выплескиваться в тот момент, когда они появились, давать возможность чувствам отстояться. И если мы научимся реагировать на внешние раздражители взвешенно, спокойно, значит мы поднялись выше хотя бы на одну ступеньку той лестницы, которая ведет в Царство Небесное.

Те, кому приходится много путешествовать, хорошо знают, что успех каждого путешествия в значительной степени зависит от того, какими путеводителями человек обзавелся и насколько внимательно их прочел. Отправляясь в незнакомую страну, человек должен получить хотя бы самую основную информацию о том, какие в этой стране достопримечательности и какие могут подстерегать опасности.

Точно так же происходит в духовной жизни. Духовная жизнь – это путь к Богу, и, чтобы нам идти по этому пути успешно, мы должны пользоваться путеводителями. Таких путеводителей очень много. Это прежде всего творения Святых Отцов – тех людей, которые за много веков до нас шли тем же путем, каким сегодня пытаемся идти мы. Обращаться к их писаниям важно именно потому, что они достигли цели пути – тех духовных высот, к которым и мы стремимся в меру своих возможностей.

Для сегодняшней беседы я избрал в качестве путеводителя произведение византийского святого, мистика, богослова и поэта, жившего в XI веке, преподобного [Симеона Нового Богослова](#). Оно называется «Главы богословские, умозрительные и практические» и состоит из трех частей, или «сотниц». «Главы» преподобного Симеона не являются систематическим изложением православной аскетики: они больше похожи на дневниковые записи. Однако мы можем многому из них научиться, если будем читать хотя бы по несколько глав в день. И прежде всего мы можем научиться тому, что есть духовная жизнь.

В главе 65-й из третьей сотницы преподобный Симеон пишет:

Многие сочли блаженной отшельническую жизнь, другие – смешанную, то есть общежительную, иные же предпочли предстоятельствовать над народом, быть наставниками, заниматься преподаванием и строить церкви... Я же ни одно из этих дел не предпочел бы другому и не сказал бы, что одно заслуживает похвалы, а другое порицания. Но во всем и во всех делах и действиях всеблаженна жизнь для Бога и по Богу.

Далее преподобный Симеон говорит о том, что человеческая жизнь составляется из различных наук и искусств, причем каждый разрабатывает и привносит свое, впрочем, всякий путь жизни бесполезен, если он не ведет к Богу и ко спасению.

Эти слова можно взять в качестве отправного пункта. Действительно, все мы живем очень разной жизнью: кто-то из нас служит в церкви, кто-то посвящает себя искусству, науке, есть среди нас актеры, музыканты, дипломаты, бизнесмены, учителя, литераторы, одним словом, люди самых разных профессий. Но чем бы мы ни занимались, мы можем посвящать свой труд Богу. Профессия может быть не только способом заработать на хлеб, но и путем христианского доброделания. И для того, чтобы стать истинным христианином, как правило, не надо бросать одну профессию и избирать другую.

Я знаю одного композитора, который, обратившись в православную веру, пришел к священнику и спросил, что ему делать. «Бросай музыку и становись церковным сторожем», – ответил священник. К счастью, композитор его не послушался. Впоследствии, будучи в Англии, он встретился со старцем Софронием, учеником преподобного Силуана, и задал ему тот же вопрос. «Продолжайте писать музыку, и Вас узнает весь мир», – сказал ему старец. Вскоре имя этого композитора стало известно всему миру. Сейчас он пишет произведения только религиозной тематики (он, например, положил на музыку некоторые слова преподобного Силуана), и многие через его музыку приходят к православной вере. Будучи человеком глубоко верующим и церковным, он своей музыкой помогает людям сойти в те глубины духовной жизни, где происходит встреча между человеком и Богом.

Об этих глубинах преподобный Симеон хорошо говорит в главах 13—14 второй сотницы, где он сравнивает духовную жизнь с морем, в которое погружается человек:

Как тот, кто стоит на берегу моря, пока находится вне вод, видит все и обнимает умом океанский простор, когда же начнет входить в воды и погружаться в них, насколько сходит, настолько меньше видит то, что вне вод; так и те, которые становятся причастными божественному свету, в какой мере преуспевают в познании божественного, в той же мере соответственно впадают в незнание внешнего. Как тот, кто входит в воды морские по колени или по пояс, ясно видит все, что вне вод, когда же сойдет в глубину и окажется весь под водой, не может видеть ничего из того, что вне воды, и знает одно только то, что он всецело находится в глубине моря; так случается и с теми, которые возрастают в духовном преуспевании и восходят в совершенство знания и созерцания.

Таким образом, чем глубже погружается человек во внутреннюю, глубинную жизнь духа, тем менее интересным, менее значимым становится для него то, что происходит во внешнем мире. Каждому из нас приходится жить одновременно на нескольких уровнях. Мы всегда в какой-то степени на поверхности, ибо вовлечены в круговорот событий и впечатлений земной жизни. Но одновременно мы призваны жить на глубине – там, где и происходит подлинная жизнь, «жизнь с избытком». Духовное путешествие заключается в том, чтобы постепенно все более и более отрешаться от внешнего и прилепляться к внутреннему, приобщаться к тому, что является сердцевинной жизни.

Как происходит приближение человека к Богу? На этот вопрос преподобный Симеон отвечает в главе 39 третьей сотницы:

Что-то привносится нами, а что-то дается нам свыше от Бога. Ибо чем больше мы очищаемся посредством наших трудов и священных усилий, тем больше светимся светом умиления, и чем больше сияем светом, тем больше очищаемся слезами, принося свое и взамен свыше получая даруемое.

Вот один из непреложных законов духовной жизни: «что-то привносится нами, а что-то дается от Бога». Наша жизнь в Боге есть сочетание того, что совершается нашими руками, и того, что творит Бог Своими руками. Мы призваны к сотрудничеству, к соработничеству, к тому, что Святые Отцы называли «синергией» – совместным творчеством Бога и человека.

Есть вещи, которые зависят от нас, которые в нашей власти, а есть то, что от нас не зависит и что не в нашей власти. От нас зависит, будем ли мы исполнять заповеди Божии, посещать больных, помогать бедным, делить свой хлеб с голодными. От нас зависит, соблюдать или не соблюдать посты, посещать или не посещать церковь, подавать или не подавать милостыню. А от Бога зависит все то, что называется плодом духовной жизни – те многие и великие дары, о которых апостол Павел говорит: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим его» ([1 Кор. 2:9](#)). Об этих дарах много и вдохновенно пишут преподобный Симеон Новый Богослов, святитель Григорий Палама, чью память мы празднуем в Великом посту, и многие другие Отцы Церкви. Но не меньше говорят они и о ежедневном трудничестве, о возделывании собственного сердца, об исполнении заповедей – обо всем том, что «привносится нами».

Нет прямой взаимозависимости между тем, что привносится нами, и тем, что дается нам от Бога. Иногда бывает, что мы прилагаем труды к трудам, а плод (по крайней мере, нам так кажется) ничтожен. Но бывает и наоборот: без всякого труда мы получаем такие плоды, о которых и помыслить не могли. Очень важно каждому из нас научиться доверять Богу. Нельзя отчаиваться, если мы делаем много, а получаем мало. Нельзя впадать в уныние от того, что высокие духовные состояния, о которых пишут Святые Отцы, нам недоступны. И ни в коем случае нельзя страстно стремиться к тому, чтобы достичь этих состояний. В духовной жизни не

должно быть истерики, надрыва. Надо спокойно, методично и целенаправленно работать над собой. А все остальное предоставить воле Божией.

Но что такое воля Божия? Как исполнять ее? Как сделать, чтобы слова «Да будет воля Твоя», которые мы произносим много раз в день, были не просто словами, но девизом всей нашей жизни? Прежде всего, отвечает преподобный Симеон в главах 75—76 из третьей сотницы, нужно учиться умерщвлять собственную волю:

Кто стремится умертвить свою волю, тот должен исполнять волю Божию и вместо собственной воли вводить ее в себя, насаждать в себе, прививать к своему сердцу и при этом тщательно следить, растет ли насаждаемое и прививаемое, пустило ли корни вглубь, срослось ли и соединилось ли оно со стволом. Став единым деревом, выросло ли, расцвело ли и принесло ли прекрасный и сладкий плод. Пусть не забудет он проследить и за землей, принявшей семя, и за корнем, к которому привито это непостижимое и несказанное живоносное растение. Кто отсекает свою волю через страх Божий, тому, – неведомо для него самого, так что он и не знает этого, – Бог дарует Свою волю и сохраняет ее неизгладимой в сердце его, и отверзает очи разума его, чтобы он познал ее, и дает силу исполнять ее. Делает же это благодать Святого Духа, а без нее ничего не бывает.

Задача, таким образом, заключается в том, чтобы «прививать» свою собственную волю к воле Божией, как прививают веточку к стволу, и чтобы постепенно воля человека становилась единой с волей Бога. Мы обычно живем в состоянии непре-кращающегося конфликта между нашей человеческой волей и волей Божией о нас. Но пока сохраняется этот конфликт, мы не способны прямо и беспрепятственно идти по пути к Богу: наша воля всегда предлагает нам свернуть в сторону.

Как узнать волю Божию? Как угадать, что угодно Богу, а что нет? Для того, чтобы узнать волю Божию, и существуют те духовные путеводители, о которых говорилось вначале: Священное Писание, творения Святых Отцов и подвижников благочестия. Кроме того, есть наш внутренний голос, который учит нас отличать черное от белого, дурное от доброго. В большинстве случаев, когда мы совершаем грех, мы идем на это сознательно. И проблема не в том, что мы не знаем волю Божию, а в том, что, зная ее, сознательно противимся ей.

По мнению преподобного Симеона, самый лучший способ исполнять волю Божию – это во всем слушаться своего духовного отца и воспринимать то, что он говорит, как исходящее из уст Самого Бога. Нельзя забывать, что преподобный Симеон жил в монастыре и писал преимущественно для монахов. В его времена игумен монастыря избирался братией, а не назначался епископом, как это обычно бывает в Русской Церкви (в греческих монастырях Афона и сейчас игуменов избирают монахи). Если монах или послушник добровольно вверил себя игумену или духовному отцу, добровольно отсек перед ним свою волю, его абсолютное и беспрекословное послушание принесет прекрасные и великие плоды.

Но скажем прямо: такое абсолютное послушание духовнику невозможно и не нужно в миру. Нельзя монашеский идеал послушания игумену переносить на взаимоотношения между священником и духовным чадом-мирянином. Большую ошибку допускают те священники, которые считают, что все, что они говорят своим духовным чадам, исходит непосредственно от Бога. И не меньшую ошибку допускают те христиане, которые считают, что слепое, бездумное послушание священнику приведет их в рай. Лучше бы они послушали то, что преподобный Симеон говорит в главе 49 первой сотницы:

Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе бесстрастного и святого руководителя. Также и сам исследуй Божественные Писания, особенно же практические сочинения Святых Отцов, чтобы, сравнивая с ними то, чему учит тебя учитель и предстоятель, ты смог видеть это, как в зеркале, и сопоставлять, и согласное с Божественными Писаниями принимать

внутри и удерживать в мысли, а ложное и чуждое выявлять и отбрасывать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что много в эти дни стало прельстителей и лжеучителей.

Преподобный Симеон учит нас относиться к духовным отцам с любовью, доверием, почтением, но в то же время, – не побоюсь этого слова, – критически. Мы должны сами читать Священное Писание и творения Святых Отцов и сопоставлять то, что слышим от духовного отца, с тем, что читаем в творениях Отцов Церкви. Быть верным и послушным духовному отцу не означает полностью отказаться от своей свободной воли, от права самостоятельно выбирать приоритеты на пути к Богу. В конце концов, от нас самих зависит, как мы построим свою духовную жизнь. Духовник может быть хорошим советником, добрым помощником, он может подсказать нам, какими «путеводителями» воспользоваться в духовном путешествии. Но то, что говорит духовный отец, – это совет, а не приказание, требующее беспрекословного и слепого подчинения. Ни один духовный отец не вправе ни у одного из нас отнимать свободную волю. И никому из нас не следует возлагать на духовного отца ответственность за важные, ключевые решения, касающиеся нашей собственной жизни. Такие решения мы должны принимать сами, посоветовавшись с духовным отцом, но отнюдь не слепо подчиняясь его воле.

Важными элементами духовной жизни являются молитва и чтение Священного Писания. В главе 100 третьей сотницы преподобный Симеон дает одно важное правило, касающееся не только молитвы и чтения, но и вообще основного принципа жизни во Христе:

Как главные заповеди содержат в себе все заключенные в них частные заповеди, так и главные добродетели собирают в себе все частные добродетели, заключенные в них. Ибо кто продал свое имущество или расточил его нищим и сам сразу же стал бедным, тот в этом одном исполнил все частные заповеди; поэтому уже не имеет необходимости просящему у него давать или от хотящего занять у него не отворачиваться. Таким же образом и непрестанно молящийся включил в это все, и уже не имеет нужды семь раз в день хвалить Господа или вечером и утром и в полдень как уже исполнивший все, о чем мы молимся и поем согласно канону и в определенные времена и часы. Точно так же и тот, кто сознательно приобрел в себе Бога, дающего людям знание, прочитал все Святое Писание и собрал весь плод пользы от чтения и более уже не будет нуждаться в чтении книг.

Почему? Потому, отвечает преподобный Симеон, что такой человек сам становится книгой, в которой Бог пишет Своим перстом неизреченные тайны. Правило, содержащееся в этих словах преподобного, заключается в следующем: исполняя главные, кардинальные добродетели, мы исполняем и все второстепенные и малые добродетели. И для нас уже нет нужды заботиться о добродетелях второстепенных, если мы научимся исполнять главные.

Многие спрашивают о молитве – о том, как надо молиться, сколько времени посвящать молитве, какое правило вычитывать. Может быть, об этом стоило бы поговорить отдельно. Но сейчас я хотел бы обратить внимание на главное, что содержится в приведенных словах преподобного Симеона. Непрестанно молящийся уже включил в свою молитву все правила, для него уже нет необходимости семь раз в день молиться Богу, потому что вся его жизнь превращается в молитву. А непрестанная молитва заключается в том, чтобы человек в течение всего дня и ночи не забывал о Боге; чтобы все, что он ни делает, он посвящал Богу. «Вспоминать о Боге нужно чаще, чем дышать», – говорит святитель Григорий Богослов. Нужно достичь такого внутреннего состояния, чтобы чувство присутствия Божия никогда не оставляло нас.

На заре моей монашеской жизни я спросил одного мудрого инок: «Какое должно быть у монаха молитвенное правило?» Он ответил: «У монаха может быть только одно правило: поучаться в законе Господнем день и ночь». Я понял его слова в том смысле, что научиться «ходить перед Богом», непрестанно предстоять перед Ним, посвящать Ему каждое свое дело, каждое слово и каждое дыхание гораздо важнее, чем вычитывать те или иные правила.

Непрестанная молитва заключается не только в том, чтобы повторять вслух или про себя слова молитвы. Иногда человек занят таким делом, при котором словесная молитва вообще невозможна: когда он, например, читает, пишет или делает что-либо, требующее полного погружения. Человек не может тогда молиться словами, но молитва, конечно, возможна и без слов. И такое безмолвное, молчаливое предстояние Богу в глубинах сердца возможно при всяком деле, в любое время дня и ночи.

В духовной жизни очень важен правильный баланс, правильное соотношение главного и второстепенного. Важно определить приоритеты, поставив первостепенное на первое место, второстепенное – на второе, и так далее. Не менее важно научиться сочетать активное добродетельное с созерцательной жизнью. Часто приходится слышать жалобы на то, что много времени уходит на помощь другим людям, заботу о ближних, поэтому на молитву времени не хватает. На эту тему преподобный Симеон дает очень мудрый совет в главе 83 из первой сотницы:

Не разрушь свой дом, желая построить дом ближнего: это дело тяжелое и трудноисполнимое; смотри, чтобы не получилось, что ты, взявшись за него, и свой дом разрушил, и дом того человека вовсе не сумел построить.

О том же говорил преподобный Серафим Саровский: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся». Мы призваны помогать ближним, но не должны забывать о строительстве собственного внутреннего дома. И если наша деятельность на благо ближних отвлекает нас от внутреннего «домостроительства», от стяжания даров Святого Духа через молитву, чтение Писания, хождение в храм, значит, что-то в нашей духовной жизни не в порядке, значит, не соблюден у нас баланс между деятельностью и созерцанием.

Речь не идет о том, чтобы мы половину времени отдавали молитве, а другую половину посвящали ближним. Речь идет не столько о распределении времени, сколько о внутреннем, духовном настрое. Можно научиться помогать ближним и молиться в одно и то же время. Как говорит преподобный Симеон в 82-й главе первой сотницы:

Бывает бездеятельная забота, а бывает беззаботная деятельность, как и наоборот – деятельная беззаботность и озабоченная праздность.

Иногда человек ничем не занят, но из-за рассеянности или уныния не может сосредоточиться на молитве. А бывает, что человек, расточая себя, отдавая себя ближним, при этом накапливает внутренние сокровища. Надо учиться тому, чтобы, деятельно участвуя в жизни мира, не становиться мирскими, обмирщенными. Надо учиться, отдавая себя ближним, не впадать в многозаботливость и многопопечительность, не развлекаться умом и не лишаться той внутренней сосредоточенности, которая никогда не должна оставлять христианина. Надо учиться тому, чтобы время, которое мы проводим наедине с собой и с Богом, приносило пользу не только нам, но и нашим ближним. То есть чтобы мы и свой дом строили, и ближним помогали.

Преподобный Симеон много пишет о том, как надо относиться к ближним. В главе 3 из третьей сотницы он говорит:

На всех верных мы, верные, должны смотреть как на Единого и думать, что в каждом из них есть Христос, и относиться к каждому с такой любовью, чтобы быть готовыми положить за него души свои.

Очень часто христиане забывают о заповеди любить ближнего, как самого себя, и полагать за него душу свою. Но без исполнения этой заповеди все остальное тщетно: и молитвы, и посты, и аскетические подвиги. [Любовь](#) – это та закваска, без которой не вскиснет тесто ([Лк. 13:21](#)).

Каковы плоды духовной жизни? Какова цель духовного путешествия? Отвечая на эти вопросы, преподобный Симеон говорит о том, о чем особенно уместно вспомнить в день памяти

святителя Григория Паламы, когда Церковь напоминает нам о фаворском свете. Цель духовного путешествия заключается в том, чтобы мы соединились с Богом, чтобы приобщились к божественному свету, чтобы, сойдя в глубины Духа Святого, там встретились с Богом лицом к лицу. Вот что пишет на эту тему преподобный Симеон в главах 17—18 второй сотницы:

Ум, будучи простым, или, скорее, обнаженным от всякой мысли и всецело облаченным в простой божественный свет, покрываемый этим светом, не может найти ничего иного, кроме того, в чем он пребывает, чтобы устремиться к постижению его, но остается в глубине божественного света, и совершенно не позволяет ему выглянуть вовне... Всегда движущийся ум тогда становится неподвижным и лишенным мыслей, когда он весь покрыт божественным мраком и светом, однако он бывает в созерцании и чувстве и вкушении тех благ, в которых находится. Ибо глубина Святого Духа не такова же, что и глубина морских вод, но она есть вода жизни вечной. Все, что там, – непостижимо, неизъяснимо и непонятно; ум оказывается в этих реальностях, когда минует все видимое и умопостигаемое, и неподвижно движется и вращается в них, живя в жизни превыше жизни, будучи светом во свете, но не светом сам по себе. Ибо он тогда видит не себя, но Того, Кто превыше его, и, от тамошней славы изменяясь мыслью, всего себя совершенно не создает.

Вот что является главным плодом духовной жизни, главным оправданием всякого аскетического трудничества и подвижничества. Немногие достигают таких состояний, о которых говорит преподобный Симеон. Эти духовные состояния – то, что, по его словам, «дается от Бога». Как уже говорилось, мы не должны их искать, к ним страстно стремиться. Но мы должны «привносить свое» – все то, о чем говорилось выше: исполнение заповедей Божиих, активное добродетельное, молитву, чтение Священного Писания и многое другое, из чего складывается наша духовная жизнь. И чем больше будем мы трудиться, чем больше будем приближаться к тому нематериальному свету, который есть Сам Бог, тем больше будем просвещаться, озаряться, просветляться, делаться светоносными и духовными.

Преподобный Симеон не случайно говорит о божественном «мраке и свете». Он подчеркивает, что божественный свет не имеет ничего общего с материальным светом: он есть нечто совершенно особое, он есть Сам Бог, являющий Себя внутреннему оку человеческой души. По своей природе он безмерно и бесконечно отличается от материального света, а потому может быть апофатически назван «сверх-светом», или «мраком». И подобно тому, как духовная жизнь сравнима с глубинами морских вод, но не подобна этим глубинам, потому что в духовной жизни происходят события бесконечно более значительные и более прекрасные, чем все, что может встретиться человеку в морских глубинах, точно так же и божественный свет несравненно прекраснее материального света – настолько же, насколько реальное небо прекраснее неба, нарисованного карандашом на бумаге.

Цель жизни человека, цель его духовного путешествия заключается в том, чтобы приобщиться к Богу и достичь обожения – стать богом по благодати. Учение об обожении является сердцевинной богословской учения великих Отцов Церкви – преподобного Симеона и святителя Григория Паламы.

Кто, приняв в сердце непокровенный и небесный огонь, сам не возгорится, не озарится и не заблестит сиянием Божества по мере очищения и принятия огня? – пишет преподобный Симеон в главе 59 третьей сотницы. – Ибо за очищением следует принятие огня, а за принятием – очищение; когда же это произойдет, человек весь становится богом по благодати.

Такова цель, таков конечный пункт духовного путешествия. И даже не конечный пункт, потому что обожение – это процесс поистине бесконечный, начинающийся в настоящей жизни и продолжающийся по ту сторону смерти. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», – говорит Христос ([Мф.](#) 5:48). А «предела совершенству нет», как пишет

преподобный Симеон в одном из своих гимнов; нет предела приближению к Богу. Поскольку Бог Сам беспределен и неограничен, то и человек может бесконечно двигаться по пути к божественному свету и к обожению, все полнее и полнее воспринимая этот свет, все ближе и ближе подходя к Богу, становясь все более и более богоподобным.

Власть «вязать и решить» ([Мф. 18:18](#)), то есть отпускать людям грехи, а в более общем плане – власть духовного руководства и отцовства была вверена Господом Иисусом Христом Своим апостолам. От них она переходила на все последующие поколения епископов и пастырей. И задача духовного руководства всегда возлагалась на пастырей Церкви, хотя в какие-то эпохи, например, в эпоху иконоборчества, когда пастырей не хватало или когда многие пастыри уклонялись в ересь, духовное руководство брали на себя простые монахи.

В истории Церкви существовало много типов духовного руководства, но основными я бы назвал два. Первый тип – это служение приходского священника, который является духовным руководителем своих прихожан. Второй тип получил распространение в Византии и на Руси: это так называемое старчество.

На приходского священника возлагается задача учить людей, помогать им советом, но он не может и не должен брать жизнь прихожан под свой полный духовный контроль. Иное дело – тип духовного руководства, который складывался в некоторых монастырях, где были опытные в духовной жизни иноки, где послушники и монахи добровольно вверяли себя в послушание и полное духовное подчинение старцу. Здесь взаимоотношения строились уже на иной основе: старец мог не только давать советы своим ученикам, но и приказывать, и они долж-ны были беспрекословно ему подчиняться. Именно такие взаимоотношения существуют и сегодня на Святой Горе Афон, где во главе каждого из греческих монастырей стоит опытный в духовной жизни руководитель. И каждый человек, приходящий на Святую Гору, чтобы поступить в монастырь, посещает разные монастыри и выбирает тот, который более всего ему подходит. Найдя это место и старца, которому он готов полностью доверить свою жизнь, то есть отсечь свою волю перед ним, он поступает в монастырь, где добровольно принимает на себя подвиг беспрекословного послушания и подчинения старцу.

Иногда происходит смешение этих двух типов духовного руководства – когда приходские священнослужители берут на себя не свойственную им роль старцев и переносят монашеское послушание на взаимоотношения между пастырем и прихожанами на каком-либо конкретном приходе. Такой способ действий приводит к тяжелым последствиям как для самих этих пастырей, так и для людей, у них окормляющихся. Увы, в наше время это явление достаточно распространено. Нередко молодой неопытный священник, думая, что, коль скоро ему, поставленному быть духовным руководителем прихожан, дана власть «вязать и решить», он может взять на себя функции старца и требовать от прихожан беспрекословного подчинения. Такой пастырь не учитывает, что условия жизни в монастыре и в миру сильно отличаются. Послушник, доверивший себя старцу, – это человек одинокий. Он отказался от всех родственных связей, у него нет иных обязанностей в этом мире, кроме как жить по монастырскому уставу и подчиняться духовнику. Другое дело – миряне, у каждого из которых есть семья и связанные с ней заботы, есть гражданские обязанности, работа и т. д. В этом случае священнослужитель не может распоряжаться жизнью людей, он может быть только советником, добрым пастырем.

Искажения, существующие в современной духовнической практике, вызвали озабоченность руководства Русской Православной Церкви. Эта озабоченность отражена в очень важном и весьма своевременном документе, принятом на состоявшемся 28 декабря 1998 года заседании Священного Синода под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В документе, в частности, говорится:

В последнее время участились случаи злоупотреблений в духовнической практике,

негативно сказывающиеся на состоянии церковной жизни.

Некоторые священнослужители, получившие от Бога в таинстве Священства право на духовное руководство паствой, считают, что таковое право означает безраздельную власть над душами людей. Не памятуя о том, что отношения между духовником и духовными чадами должны строиться на основе взаимного уважения и доверия, таковые пастыри переносят сугубо монашеское понимание беспрекословного подчинения послушника старцу на взаимоотношения между мирянином и его духовным отцом, вторгаются во внутренние вопросы личной, семейной жизни прихожан, подчиняют себе пасомых, забывая о богоданной **свободе**, к которой призваны все христиане (См.: [Гал. 5:13](#)). Подобные недопустимые методы духовного руководства в некоторых случаях оборачиваются трагедией для пасомого, который свое несогласие с духовником переносит на Церковь. Такие люди покидают Православную Церковь и нередко становятся легкой добычей сектантов.

В приведенных словах звучит тревога и за пастырей, и за пасомых. Если священник не чувствует, до каких границ может простираться его власть «вязать и решить», и начинает диктовать пасомым условия, на которых они должны ходить в церковь, причащаться и исповедоваться, начинает вмешиваться в их личную жизнь, то подобное вмешательство может привести к разрушению семьи. Чрезмерная настойчивость священника и его завышенные требования к прихожанам нередко приводят к тому, что люди покидают приход, а иногда и Церковь вообще. Поэтому каждый приходской священник должен помнить, что его духовные чада и вся его паства – это свободные люди, что Господь даровал им жизнь и свободу распоряжаться ею. Конечно, каждому прихожанину нужен совет духовника, но не должно быть рабского беспрекословного подчинения пастырю. Прихожане должны помнить, что ни одному духовнику Церковь не давала права отнимать у них свободу, данную им Самим Господом.

Некоторые духовники объявляют незаконным гражданский брак или требуют расторжения брака между супругами, прожившими много лет вместе, но в силу тех или иных обстоятельств не совершившими венчание в храме. Случается, что духовник настаивает на расторжении брака между супругами, когда один из супругов не принадлежит к православной вере.

Безусловно, Церковь считает, что церковное благословение на брак чрезвычайно важно. Но нельзя не учитывать, что существуют ситуации, в которых это благословение невозможно – когда, например, один из супругов не принадлежит к христианской вере или же принадлежит к ней формально. Бывает, что духовник (особенно это характерно для монашествующих) в том случае, если супруги не могли освятить свои отношения венчанием, требует расторжения брака. В результате расторгаются браки людей, проживших в мире и согласии не один год, а то и не одно десятилетие.

Бывает, что духовники склоняют своих духовных чад к принятию монашества вопреки их воле, отговаривают их от вступления в брак.

Иные монашествующие духовники, – говорится в документе, – запрещают своим духовным чадам вступление в брак и принуждают их к принятию монашества на том основании, что монашество якобы выше брака.

Здесь нужно учитывать, что, как говорит святой [Иоанн Лествичник](#), «ангелы являются примером для монашествующих, а монашеский образ жизни должен быть образцом для мирян». Но это вовсе не означает, что монахи по своему образу жизни выше мирян. И путь брака, и путь безбрачия равночестны в очах Божиих. Можно состоять в браке и при этом быть монахом по духу и по своему внутреннему устройению. Но можно, будучи монахом, быть нецеломудренным и нарушать основополагающие заповеди. И в том, и в другом состоянии – и в браке, и в монашестве – можно достичь духовной высоты и святости. И среди святых, почитаемых нашей

Церковью, есть немало монахов, но есть и те, что состояли в браке.

Некоторые пастыри-духовники, — говорится в документе, - не допускают к Причастию лиц, живущих в «невенчанном» браке, отождествляя таковой брак с блудом; запрещают своим духовным чадам вступление во второй брак на том основании, что второй брак якобы осуждается Церковью; запрещают супружеским парам развод в том случае, когда в силу тех или иных обстоятельств семейная жизнь становится для супругов невозможной.

Случается, что люди вступили в брак, но по каким-то причинам их союз де-факто распался, уже не существует. В подобных случаях некоторые духовники говорят, что, коль скоро этот брак был венчанным, расторгнуть его нельзя. Такие пастыри забывают, что, помимо венчания, существует еще и реальность семейной жизни. Если, например, муж пьет, избивает жену и детей, то в такой семье от полноценного христианского брака мало что остается. Бывает, что развод — единственный выход из ситуации. И если священник не благословляет такое решение только на том основании, что супруги в свое время обвенчались, это серьезная ошибка.

Преподобный Герман Аляскинский, один из выдающихся духовных руководителей своего времени, окормлявший коренных жителей Аляски, нередко советовал супругам, у которых складывались непреодолимые трудности в семейной жизни, развестись или расстаться на некоторое время. Когда его спрашивали, почему он дает такой совет, он отвечал: «Лучше, чтобы они развелись, чем чтобы друг друга убили». Нередко в семьях наших верующих возникают такие ситуации, когда супруги находятся на грани не только полного разрыва, но и физического насилия и даже смертоубийства. К сожалению, далеко не все пастыри, особенно из монашествующих, способны глубоко понять переживания своих духовных чад, находящихся в подобной ситуации, и трезво и разумно оценить происходящее.

Имеют место случаи, когда пастырь «не благословляет» тому или иному из своих прихожан жениться или выйти замуж по любви, но предлагает «по послушанию» вступить в брак с лицом, рекомендованным самим пастырем.

Это еще одно из грубейших нарушений в духовнической практике. Выбор супруга или супруги — личное дело каждого человека. Пастырь может лишь дать деликатный, трезвый и целомудренный совет. Он может благословить людей на брак, но не в праве распоряжаться их судьбами. Известны случаи, когда пастырь занимается сводничеством: склоняет своих духовных чад к браку с тем или иным лицом. Как правило, такие браки, совершенные по послушанию духовнику, оказываются непрочными, так как любви между супругами не возникает. Кончается все в одних случаях разводом, в других — разрывом с духовником, в-третьих — разрывом с Православной Церковью. Подобные вещи никогда не проходят безболезненно.

Имеют место случаи, когда пастырь запрещает пасомым обращаться за медицинской помощью, препятствует исполнению пасомыми своих гражданских обязанностей.

К сожалению, есть такие пастыри, которые говорят больным, что обращаться к врачам не нужно, а нужно возложить все упование на Бога. Это ложный подход. Бог создал врачей для того, чтобы мы к ним обращались и у них лечились. Странно, когда священник говорит, что, заболев, человек должен полагаться только на Бога. Ведь если кому-то нужно куда-то ехать, он не стоит в ожидании, пока Бог его туда перенесет, но садится в автобус и едет. Если же человек заболел, почему он должен ждать, пока Бог пошлет ему какую-то особую форму исцеления? Он должен позаботиться об исцелении сам: и не только помолиться тем угодникам Божиим, которые в этом помогают, например, святому великомученику Пантелеимону, но также и обратиться к врачу. Если же духовник запрещает врачебную помощь, то это лже-духовник, лже-пастырь.

Некоторые пастыри навязывают пасомым те или иные политические взгляды.

В современном мире, когда не только миряне, но и многие священнослужители

разделились на либералов, демократов, консерваторов и т. д., есть священники, поддерживающие на выборах демократических кандидатов, есть поддерживающие коммунистических. Безусловно, каждый священнослужитель имеет право придерживаться тех или иных политических взглядов и симпатизировать тем или иным политическим деятелям. Но если какие-либо политические взгляды навязываются духовным чадам, а тем более проповедуются с церковного амвона, то это грубейшее посягательство на личную свободу христианина. Православные христиане, члены того или иного прихода, имеют право исповедовать разные политические взгляды. И церковь – не место, где люди, приходя, должны слушать то же, что они слышат с экранов телевизоров – предвыборную агитацию или политические лозунги. Храм – место, где люди должны слышать о Христе и о жизни во Христе.

Иные духовники считают учебу в светских учебных заведениях «ненужной» или вредной для спасения.

В церковной среде порой присутствует страх перед ученостью, недоверие к ней. Есть пастыри, которые утверждают, что учиться не нужно, что спастись нужно «в простоте», что учение приводит к гордыне и т. п. Такой подход глубоко ошибочен. Мы знаем, что среди Отцов Церкви было немало людей ученых. Вспомним, например, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста: они не только не чуждались учености, но потратили много лет на изучение светских наук, чтобы потом принести свои знания Церкви. Как правило, мнение о том, что учеба не нужна, исходит от людей малообразованных, недалеких, и прислушиваться к ним не следует. В определении Священного Синода говорится, что

подобные требования не только нарушают право каждого христианина на принятие самостоятельных решений, но и входят в противоречие с действующим законодательством.

Участились случаи создания теми или иными пастырями таких церковных общин, в которых жизнь строится на авторитете самого пастыря, подкрепляемом негативным отношением к церковному священноначалию, а также к другим пастырям и приходским общинам. Таковые пастыри забыли о том, что их задача – вести людей к Богу, а не группировать прихожан вокруг самих себя. В подобного рода приходах создается атмосфера собственной исключительности, несовместимая с духом соборности, на которой зиждется Православная Церковь.

Сегодня существует немало приходов, где все строится на авторитете, а порой даже на культе личности пастыря, искусственно создаваемом самим пастырем. В таких приходах царит атмосфера сознания собственной исключительности, человеку со стороны туда войти очень трудно, на него смотрят как на чужака. Здесь культивируется недоверие к другим приходам: верующим говорят, что в ту или иную церковь ходить нельзя, потому что там все не так – например, слишком либерально, или, наоборот, слишком консервативно. Приходы, где создается такая атмосфера, похожи на секты. Прихожане, фанатично преданные своему пастырю, не слышат ничего, кроме того, что этот священник им внушает. Они не способны критически оценить его слова, все принимают на веру. Любое слово, исходящее из его уст, они воспринимают как истину в последней инстанции. В таких приходах происходит духовное ослепление людей. Это, конечно, очень опасный путь.

Что же постановил Священный Синод относительно перечисленных нарушений норм и правил Церкви некоторыми священнослужителями, несущими духовническое служение?

1. Имея в виду участившиеся жалобы мирян на канонически неоправданные действия отдельных пастырей, указать священникам, несущим духовническое служение, на недопустимость принуждения или склонения пасомых вопреки их воле к следующим действиям и решениям: принятию монашества; несению какого-либо церковного послушания; внесению каких-либо пожертвований; вступлению в брак; разводу или отказу от вступления в брак, за

исключением случаев, когда брак невозможен по каноническим причинам; отказу от супружеской жизни в браке; отказу от воинского служения; отказу от участия в выборах или от исполнения иных гражданских обязанностей; отказу от получения медицинской помощи; отказу от получения образования; трудоустройству или перемене места работы; изменению местожительства.

Имеют место случаи, когда духовник, злоупотребляя своей властью над пасомыми, требует, например, чтобы они вносили в качестве пожертвований большие суммы или переписывали свое имущество на церковь, а то и на самого духовника. Такие требования характерны для тоталитарных сект, но абсолютно неприемлемы в Православной Церкви.

Бывает, что пастырь требует от супругов, чтобы они полностью воздерживались от брачного общения, говоря, что брак существует лишь ради деторождения, и если супруги не хотят иметь детей или если у них уже есть дети, а больше они воспитать не могут, то они должны вообще отказаться от супружеской жизни. Это ложная, антиправославная позиция. Согласно святоотеческому учению, брак существует ради любви между мужем и женой, и эта любовь проявляется в брачном общении. Поэтому отказ от супружеской жизни в браке, за исключением особо назначенных для этого Церковью постных дней, когда требуется полное воздержание, не может быть оправдан. По крайней мере, такого ни в коем случае нельзя требовать от прихожан.

2. Напомнить всем пастырям Русской Православной Церкви, несущим духовническое служение, о необходимости в духовнической практике строго следовать букве и духу Священного Писания и Священного Предания Православной Церкви, заветам Святых Отцов и каноническим установлениям, а также недопустимости для православных пастырей вводить в духовническую практику какие-либо нравственные и иные требования, выходящие за рамки предписанного означенными установлениями и, по слову Спасителя, «налагать на людей бремена неудобноносимые» (См.: [Лк. 11:46](#)).

Есть пастыри, которые возлагают на своих прихожан слишком тяжелое бремя аскетических подвигов, требуя, например, от детей в возрасте 4—5 лет строго соблюдать посты. Нередко священники требуют, чтобы прихожане по многу дней постились перед принятием Святых Христовых Таин, хотя сами священники перед Причастием не постятся. Все это наводит на мысль о тех фарисеях и книжниках времен Иисуса Христа, которые на людей возлагали «бремена неудобноносимые», а сами не хотели и «перстом двигнути», чтобы эти тяжелые бремена нести.

3. Напомнить всем пастырям-духовникам о том, что они призваны помогать своим пасомым советом и любовью, не нарушая при этом богоданную свободу каждого христианина. Подчеркнуть, что беспрекословное послушание, на котором основывается отношение послушника к старцу в монастырях, не может в полной мере применяться в приходской практике во взаимоотношениях между священником и его паствой. Особо указать на недопустимость для пастырей вмешиваться в вопросы, связанные с выбором жениха или невесты кем-либо из их пасомых, за исключением случаев, когда пасомые просят конкретного совета.

4. Подчеркнуть недопустимость негативного или высокомерного отношения к браку, напомнив всем священнослужителям правило 1-е Гангрского Собора: «Аще кто порицает брак и женою верною и благочестивою, с мужем своим совокупляющеюся, гнушается, или порицает оную, яко не могущую внити в Царствие, да будет под клятвою». Особо подчеркнуть, что принятие монашества является делом личного выбора христианина и не может совершиться «по послушанию» тому или иному духовнику.

Мне известны случаи, когда молодые люди были принуждаемы к принятию монашества

своим духовником, когда духовник изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год внушал этим людям, что монашеский путь – единственно достойный, ведущий в Царство Небесное. Мне также известен случай, когда человек, решивший вступить в брак, пришел вместе с невестой к духовнику за благословением на брак, а духовник стал убеждать обоих, что им нужно принять монашество. Нередко, приняв монашество под давлением духовника, люди вскоре начинают понимать, что это не их призвание, и либо оставляют монашество, либо вообще уходят из Церкви. Человек, вступивший не на свой путь, на этом пути долго удержаться не сможет, рано или поздно он все равно с него сойдет. Таких людей – бывших монахов – сегодня немало. И во многих случаях это связано с неправильным духовным руководством.

5. Напомнить монашествующим о недопустимости, согласно правилу 21-му Гангрского Собора, «принимать подвижничество в повод гордости», «превозноситься над живущими просто» (то есть состоящими в браке) и «вопреки Писаниям и церковным правилам вводить новости». Правило 10-е того же Собора гласит: «Аще кто из девствующих ради Господа будет превозноситься над бракосочетавшимися, да будет под клятвою».

6. Настаивая на необходимости церковного брака, напомнить пастырям о том, что Православная Церковь с уважением относится к гражданскому браку, а также к такому браку, в котором лишь одна из сторон принадлежит к православно́й вере, в соответствии со словами святого апостола Павла: «Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим» ([1 Кор. 7:14](#)).

Среди священников встречаются те, кто отождествляет гражданский брак с блудом. Такие духовники требуют от людей, состоящих в гражданском невенчанном браке, либо повенчаться, либо расторгнуть брак. Это неверная позиция. Гражданский брак Церковь признается, Церковь относится к нему с уважением. В первые века христианства венчания вообще не существовало; был только гражданский брак. Специальные церковные обряды, связанные с благословением брачующихся, появились гораздо позже. Конечно, Церковь призывает верующих венчаться в храме, но в тех случаях, когда это невозможно, священник никоим образом не должен настаивать на венчании. Немало случаев, когда, например, женщина глубоко верующая живет с мужем неверующим, атеистом, и он венчаться, естественно, не соглашается. Она приходит к священнику на исповедь, хочет причаститься, но священник к Причастию ее не допускает, говоря, что она живет в блуде. Такая позиция пастыря – не просто нарушение духовнической практики, но и каноническое преступление.

7. Напомнить пастырям о том, что в своем отношении ко второму браку Православная Церковь руководствуется словами апостола Павла: «Соединен ли ты с женою? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит... Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе» ([1 Кор. 7:27—28, 39](#)).

Среди священников есть и те, кто утверждает, что Православная Церковь не допускает второго брака. Из слов апостола Павла мы видим, что это не так. Православная Церковь настаивает на единственности брака, но в тех случаях, когда первый брак фактически уже не существует, в особенности в случае смерти одного из супругов, Церковь благословляет и второй, а в особых случаях даже третий брак, и в таком случае над брачующимися совершается венчание.

8. Напомнить пастырям о необходимости соблюдения особого целомудрия и особой пастырской осторожности при обсуждении с пасомыми вопросов, связанных с теми или иными аспектами их семейной жизни.

Случается, что во время исповеди священник начинает расспрашивать прихожанина или прихожанку о различных деталях их супружеской жизни. Подобные расспросы могут стать для

исповедающегося таким шоком, что потом он будет вообще бояться подойти к священнику. Это грубейшее, недопустимое нарушение со стороны духовника. Священник не должен расспрашивать прихожан об их брачном общении, о различных аспектах и деталях их семейной жизни. Человек, пришедший на исповедь, должен сам сказать о плотских грехах, если он их совершил, но со стороны священника в высшей степени нецеломудренно задавать вопросы о каких бы то ни было подробностях, которые исповедующийся не назвал и не раскрыл.

Более того, бывают случаи, когда священник начинает сам спрашивать, не делал ли человек того-то и того-то. Мне известен случай, когда юноша, целомудренный, не знавший физической близости с женщинами, пришел на исповедь, а духовник поставил перед ним вопрос, что называется, ребром: «Сколько баб у тебя было?» – на что изумленный и потрясенный молодой человек ответил: «У меня не было баб». Однако священник настаивал: «Не ври, говори правду: сколько было – три, пять, семь?» Такое отношение – просто кощунство, преступление со стороны духовника. Если вам попался такой духовник, такой священник, бегите от него, как от огня.

9. Особо указать на недопустимость для пастырей создания вокруг себя таких общин, в которых имеет место оппозиционное и критическое отношение как к высшему церковному руководству, так и к другим пастырям и приходским общинам.

Это не означает, что все действия церковной власти вообще никогда не могут быть подвергнуты критической оценке. Но в приходах не должна создаваться атмосфера, при которой священник противопоставляет себя епископу, настраивает прихожан против него и против высшей церковной власти. Это недопустимо по многим причинам. Даже если епископ недостойный или не вполне соответствует требованиям, предъявляемым к нему его высоким саном, священник не должен настраивать паству против него. Дело в том, что священник, согласно существующей церковной структуре, является прежде всего делегатом, представителем своего епископа. Когда в храме служит епископ, священник, произнося: «Мир всем», – не благословляет людей крестным знамением, потому что в данном случае это прерогатива епископа: именно он, а не священник является совершителем службы, священник же в данном случае – только его помощник. В древней Церкви во главе каждой церковной общины стоял епископ, и только когда общины умножились, епископы стали посылать священников как своих делегатов. И священник не должен действовать против своего епископа, так же как посол какой-либо страны не может действовать против своей страны, в противном случае он должен отказаться от роли посла и превратиться в диссидента.

10. Подчеркнуть недопустимость использования церковного амвона для проповеди тех или иных политических взглядов.

11. Призвать епархиальных Преосвященных обратить особое внимание на то, как пастырями вверенных им епархий осуществляется духовное окормление паствы. Усилить надзор за строгим соблюдением пастырями установлений и норм Православной Церкви, касающихся различных аспектов духовнической практики.

12. Призвать верующих Православной Церкви обращаться к своему правящему архиерею во всех случаях, когда пастырь-духовник превысил данную ему Богом власть «вязать и решить». Напомнить православной пастве о том, что советы духовника не должны противоречить Священному Писанию, Священному Преданию, учению Святых Отцов и каноническим установлениям Православной Церкви; в случае же расхождения таковых советов с указанными установлениями предпочтение должно отдаваться последним. В связи с этим обратить внимание на слова преподобного Симеона Нового Богослова о том, как должны строиться отношения между духовным чадом и духовником: «Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе бесстрастного и святого руководителя. Также и сам исследуй Божественные Писания,

особенно же практические сочинения Святых Отцов, чтобы, сравнивая с ними то, чему учит тебя учитель и предстоятель, ты смог видеть это, как в зеркале, и сопоставлять, и согласное с Божественными Писаниями принимать внутрь и удерживать в мысли, а ложное и чуждое выявлять и отбрасывать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что много в эти дни стало прельстителей и лжеучителей».

Как известно, преподобный Симеон Новый Богослов в молодости находился в полном и беспрекословном послушании у старца, преподобного [Симеона Благоговейного](#). Своего старца Симеон Новый Богослов еще при жизни почитал как святого: целовал место, на котором старец стоял, каждое слово старца воспринимал как идущее от Бога. Но все это происходило в условиях монастыря, где послушник добровольно подчиняется старцу. Рассматривая же ситуацию, которая существует на приходах, преподобный Симеон дает очень мудрый и очень трезвый совет. Он говорит, что мы должны молить Бога, чтобы Он послал нам настоящего духовного руководителя, но даже и найдя такового, мы не должны бездумно и слепо слушать и исполнять все, что он нам говорит. То, что говорит нам духовник, это совет, который мы можем принять или не принять. Более того, советы духовника следует сверять со Священным Писанием, с творениями Святых Отцов, и если мы замечаем, что в действиях или словах духовника есть что-то противоречащее святоотеческому учению, мы должны отдавать предпочтение Святым Отцам.

В XI веке Симеон Новый Богослов говорил о том, что много в его время явилось прельстителей и лжеучителей. В наш век таковых намного больше. В то же время наш век дал немало достойных пастырей, которые опытно прошли путем духовной жизни, которые сами были выдающимися духовниками, и на их учении мы должны строить свою жизнь. Слава Богу, если нам посчастливилось найти достойного духовного руководителя. Ему можно верить, его можно слушаться, но даже и его советы следует сверять с творениями Отцов. Если же такого руководителя найти не удастся, тогда пусть творения Святых Отцов будут нашим ежедневным духовным руководством.

Будучи монахом, я, конечно, ничего не могу сказать о браке исходя из собственного опыта. То, на чем я основываюсь, – опыт общения с очень многими людьми, в том числе семейными парами, с которыми я знаком близко и с которыми общался на протяжении многих лет.

Церковью брак воспринимается как таинство, причем таинством является не столько венчание, сколько сам брак как союз мужчины и женщины. Ни одна религия, ни одно мировоззрение не относится к браку так, как христианство, благословляющее чудо соединения двух людей в единую плоть, единую душу и единый дух.

Далеко не всегда прочность брака обеспечивается венчанием. Бывает, что люди вступили в церковный брак, над ними было совершено венчание по всем канонам, а брак не сохранился, распался. И наоборот, можно привести множество примеров, когда по тем или иным причинам супруги не венчались, но при этом в течение многих лет жили как единое неразрывное целое, как прочная христианская семья.

Мне думается, что существует два типа брака. Первый – брак как таинство, второй – брак как сожительство. Брак как таинство – это когда два человека соединены друг с другом настолько полно, глубоко и нераздельно, что не мыслят себе жизни друг без друга, когда они дают обет верности друг другу не только на земную жизнь, но и на всю последующую вечность.

Образом брака как таинства может служить судьба первой в истории супружеской пары – Адама и Евы. Они были созданы для совместного существования, Господь дал их одного другому. Они приняли друг друга как дар, у них не было выбора, не было колебаний. Они вместе жили в раю, вместе были изгнаны из рая, вместе начинали жизнь на земле, вместе растили детей, вместе пережили смерть Авеля и другие скорби, выпавшие на их долю. Они отошли в мир иной и вместе оказались в аду. На иконе Сошествия во ад изображен Христос, выводящий из ада этих двух людей, которые сохранили верность друг другу как в раю, так и в аду, как в радости, так и в скорби, как в дни успехов, так и в моменты падений. Они вместе жили, вместе умерли и вместе воскресли. Речь идет уже не о двух человеческих судьбах, но об одной судьбе двух людей, связанных неразрывно, навечно.

Таинственным является брак, который заключен по любви, по взаимному согласию, но вырос в нечто гораздо большее, чем первоначальная влюбленность. В таком браке у супругов является решимость переживать вместе не только светлые, но и скорбные моменты, не только все доброе и прекрасное, но и то горькое, с чем неизбежно связана земная жизнь.

Часто брак начинается с подлинной, горячей, искренней влюбленности. Люди дают обет верности друг другу, находясь в состоянии порыва, полета, вдохновения, а иногда и упоения, ослепления. Влюбленные поначалу видят друг в друге только хорошее, идеализируют друг друга. Но упоение со временем проходит, праздник сменяется буднями, и тогда супруги начинают с горечью прозревать недостатки друг друга. Многое из того, что раньше казалось ярким и прекрасным, вдруг оказывается тусклым, бесцветным, темным. Такое прозрение может наступить и через несколько месяцев, и через несколько лет. Если супругам удастся преодолеть этот кризис, пережить его вместе, брак сохраняется, если не удастся, брак дает трещину и дело начинает идти к разводу.

Брак как таинство может состояться только в том случае, если он с самого начала – и даже еще до начала – будет соответствовать тем требованиям, которые предъявляет к браку христианская Церковь. Почему Церковь установила строгие правила, касающиеся, в частности, взаимоотношений между женихом и невестой до брака? Почему существуют отдельно обручение и венчание, которые в древности совершались в разное время, и временной

промежуток между ними составлял порой несколько лет? Сейчас, как правило, и обручение, и венчание совершаются одновременно, но изначальный смысл этих двух событий совершенно разный. Обручение свидетельствовало, что мужчина и женщина решились принадлежать друг другу, что они дали друг другу обет верности, то есть, по сути дела, уже вступили в брак, но их брак до венчания еще не является полноценной семейной жизнью: они, в частности, должны воздерживаться от супружеского общения. Они встречаются и расстаются, и этот опыт совместного пребывания и разлуки закладывает тот фундамент, на котором затем будет построено прочное здание брака.

В наше время брак нередко распадается именно потому, что у него не было прочной основы: все было построено на мимолетном увлечении, когда люди, не успев вбить в землю сваи, определить, каким должен быть «дизайн» их будущего дома, сразу же начинают возводить стены. Такой дом неизбежно оказывается построенным на песке. Подули ветры, разлились реки – и он падает. Церковь именно потому устанавливает для супругов подготовительный срок, чтобы мужчина и женщина сумели построить брак не только на страстном половом влечении, но на чем-то гораздо более глубоком – на душевном, духовном и эмоциональном единении, на совместном желании отдать жизнь друг другу.

Таинственный брак заключается, если можно так сказать, на горячее сердце, но на трезвую голову. Спешка здесь неуместна. Мужчина и женщина должны иметь достаточно времени, чтобы первое увлечение, которое рискует пройти, было испытано временем. Опыт совместного и раздельного пребывания должен дать им ответ на вопрос, готовы ли они жить вместе, готов ли каждый из них сказать: «Да, это именно тот человек, с которым я могу разделить всю свою жизнь, которому могу отдать все, что у меня есть».

Нельзя заключать брак, если у одной из сторон остаются хоть какие-то сомнения относительно правильности выбора. Нельзя идти под венец, если где-то, пусть даже на самом отдаленном горизонте сознания, присутствует «третий». До тех пор, пока остается двойственность, пока остаются сомнения и колебания, с заключением брачного союза спешить нельзя. Если же подготовительный период прошел, а люди не только не разлюбили друг друга, но, наоборот, еще крепче привязались друг к другу, сроднились, поняли, что они готовы соединить свои судьбы, тогда после венчания их брак получает завершение, обретает полноту через физическую близость.

Существует ложное, ошибочное мнение – что Церковь против супружеского общения, что оно, по учению Церкви, должно быть сведено к минимуму. Некоторые священнослужители распространяют мнение, выдавая его за учение Церкви, о том, что общение супругов в браке допустимо исключительно с целью чадородия, то есть для зачатия ребенка; в течение всего остального времени от полового общения надо воздерживаться. Это не учение Церкви и никогда таковым не было. Бог не создал бы людей такими, какие они есть, не вложил бы в мужчину и женщину влечение к друг к другу, если все это было нужно исключительно ради деторождения. Супружеская близость имеет свою ценность и свой смысл, являясь неотъемлемой частью брачного союза. Конечно, Церковь устанавливает определенные дни и периоды, когда супруги призываются воздерживаться от брачного общения – это время Великого и других постов, то есть то время, которое дается Церковью для того, чтобы люди могли сконцентрироваться на духовной жизни, время аскетического подвига, испытания. Обращаясь к супругам, апостол Павел говорит: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» ([1 Кор. 7:5](#)).

Брак – это возможность для супругов постоянно открывать что-то друг в друге, заново узнавать друг друга. В этом смысле жизнь в браке можно сравнить с жизнью религиозной, с

богообщением. Внешние формы нашего общения с Богом изо дня в день одни и те же. Мы читаем одни и те же молитвы, приходим на одну и ту же Литургию – все это остается неизменным в течение всей нашей жизни. Но при этом, если мы серьезно и глубоко живем религиозной жизнью, мы каждый раз открываем в привычных словах новый смысл и новое содержание. И Бог открывается нам через эти молитвы и богослужения всякий раз по-иному, по-новому. Каждая Литургия, каждая встреча с Богом в молитве – это некое открытие. В богообщении нет ничего однообразного, рутинного, будничного, обыденного. Так и в браке. В нем супруги, несмотря на то, что привыкают друг к другу, узнают привычки, способности и возможности друг друга, тем не менее не перестают открывать друг друга, и их совместная жизнь не перестает быть праздником ежедневного откровения, обретения чего-то нового и прекрасного в близком человеке. Свежесть взаимного восприятия в таком браке не проходит, не исчезает. Цветы, с которых началось общение влюбленных в юности, не увядают, остаются вечно цветущими.

Супруги в браке призваны взаимно дополнять друг друга. Очень важно научиться видеть и ценить в другом то, чего нет у тебя.

В браке люди осознают, что, если бы они не встретились, они оставались бы неполноценными, незавершенными. Это не означает, конечно, что брак является единственной возможностью самореализации. Есть и другие пути. Есть и путь безбрачия, путь монашества, когда все то, чего человеку не хватает, восполняется в нем не другой человеческой личностью, но Самим Богом, когда сама божественная благодать «немогущая врачует и оскудевающая восполняет».

Чем брак как сожителство отличается от брака как таинство? Брак как сожителство означает, что в какой-то момент судьба свела двух людей, но между ними нет той общности, того единства, которое необходимо для брака, чтобы он стал таинством. Живут двое – и у каждого своя жизнь, свои интересы. Они давно бы развелись, но жизненные обстоятельства заставляют их оставаться вместе, потому что, например, невозможно разделить квартиру. Такой брак, – будь он «венчанный» или «невенчанный», – не обладает теми качествами, которыми должен обладать христианский брак, когда, как говорит апостол Павел, муж является для жены тем же, чем Христос для Церкви, и жена для мужа тем же, чем Церковь для Христа. В таком браке отсутствует тесная, неразрывная взаимосвязь, верность, жертвенная любовь. Люди в таком браке не переступают через свой эгоизм и, прожив вместе много лет, остаются замкнутыми каждый на самом себе, а значит, чужими друг другу.

У всякого брака, начавшегося как простое сожителство, есть потенциал перерастания в таинство, если супруги работают над собой, если они стремятся уподобиться соответственно Христу и Церкви. Брак, который начался как сожителство, может обрести новое качество, если супруги воспринимают брак как возможность вырасти в некое новое единство, выйти в иное измерение, преодолеть свой эгоизм и замкнутость. Очень важно научиться вместе переносить испытания. Не менее важно учиться переносить недостатки друг друга. Нет людей и супружеских пар, у которых не было бы недостатков. Нет семей, где все проходило бы идеально и гладко. Но, если супруги хотят, чтобы их брак был таинством, если хотят создать настоящую, полноценную семью, они должны бороться с недостатками вместе, воспринимая их не как недостатки другой половины, но как свои собственные.

Очень важно, чтобы не было и другой крайности, когда взаимная привязанность, любовь и верность становятся источником ревности, деспотизма и духовного насилия. Это случается, когда один из супругов воспринимает другую половину как собственность, подозревает его или ее в неверности, во всем видит угрозу. Очень важно, чтобы при духовном, душевном и телесном единстве супруги умели не посягать на свободу другого, уважать в нем личность, чтобы каждый

признавал за другим право на возможность иметь и какую-то свою жизнь помимо той, что протекает в семейном кругу. Эта свобода, естественно, не должна быть свободой от брачных уз, от нравственных норм, но она должна помочь человеку раскрывать в браке, как и в других сторонах жизни, свою индивидуальность.

Особая тема – дети. Когда в семье рождается первый ребенок, брачные отношения супругов вступают в новую фазу: появляется третье лицо, которое, особенно в первые годы своей жизни, находится в полной зависимости от родителей – не только физической, материальной, но и духовной. Все то, что происходит с родителями и между родителями, неизбежно сказывается на детях. Если брак родителей является таинственным, полноценным христианским браком, который основан на любви и самопожертвовании, если супруги посещают церковь, вместе молятся, с ранних лет приобщают ребенка к церковной жизни, к той благодати, которую дети получают неосознанно, но которая дается им столь же обильно, а иногда и более обильно, чем взрослым, то в такой семье ребенок растет в гармонии с родителями, с окружающими, с самим собой и с Богом. Если же в отношениях супругов существует дисгармония, если их совместное бытие является в лучшем случае сожительством, то ребенок не может впитать в себя чувство единства и единения со своими родителями, ибо этого чувства нет между ними.

Что происходит с людьми, если их брак не состоялся? Они либо разводятся, либо продолжают жить вместе в силу тех или иных внешних обстоятельств. И здесь трудно сказать, что лучше.

С одной стороны, конечно, всякий развод – это трагедия. Церковь не приветствует развод, считая его явлением противоестественным, ибо если союз между мужчиной и женщиной заключен, то он должен продолжаться и в этой, и в будущей жизни. С другой стороны, Христос говорит, что развод допустим по вине любодеяния ([Мф. 5:32](#)). Бывают и другие ситуации, когда развод не только допустим, но и желателен. Есть семьи, где совместная жизнь превращается в пытку, например, когда один из супругов страдает алкоголизмом или наркоманией, когда в семье постоянные скандалы, ссоры, когда муж избивает жену или детей и т. д. Я не думаю, что в этом случае, даже если брак был венчанным, Церковь будет настаивать на сохранении семьи.

Бывают случаи, когда брак, сохраняясь «де-юре», распадается «де-факто», когда супруги живут каждый своей жизнью, изменяют друг другу, но при этом почему-то считают, что ради детей нужно сохранять видимость семьи, потому что, если они разведутся, дети будут травмированы. Действительно, развод родителей, как правило, становится для детей глубокой травмой, раной, которая может не зажить в течение всей их последующей жизни. Более того, неполные семьи – семьи, в которых нет либо отца, либо матери – часто оказываются причиной многих трудностей для ребенка, потому что у него отсутствует опыт полноценных и полнокровных семейных взаимоотношений. В деле воспитания ребенка у каждого из родителей разные и взаимодополняющие функции – что-то дает ребенку отец, чего не может дать мать, что-то, что недоступно отцу, дает мать. Но если взрослые только делают вид, что все у них прекрасно, тогда как на самом деле это не так, дети чувствуют фальшь, причем, гораздо тоньше, чем взрослые. Детей не обманешь. Они, может быть, не сумеют этого рационально объяснить, но на подсознательном и на эмоциональном уровнях будут ощущать ложь. Неизвестно, что в таком случае лучше для родителей – развестись или продолжать создавать видимость семьи.

Хотел бы еще раз подчеркнуть: для того, чтобы брак осуществился как таинство, необходимо строго следовать христианским нравственным установкам. Не надо думать, что если Церковь, например, рекомендует будущим супругам до венчания воздерживаться от супружеской близости, то это требование основано на каких-то устаревших средневековых нормах, и что, поскольку сейчас молодежь живет по-другому, то все это соблюдать не обязательно. Эти нормы были установлены не случайно. Они проверены в течение многих веков

жизнью многих поколений. В наше время многие браки распадаются, именно потому, что они заключаются без твердой основы. Достаточно молодым людям почувствовать влюбленность – и они идут в ЗАГС или к алтарю. Но через какое-то время оказывается, что они «не сошлись характерами», а на самом деле они просто не успели хорошо узнать друг друга.

Поэтому, чем ближе вступившие в брак мужчина и женщина будут к тем нравственным нормам, которые установила Церковь, чем строже они будут соблюдать эти нормы, тем больше у них шансов на то, что их совместная жизнь в браке действительно станет тем таинством, тем ежедневным праздником, каким и должен быть христианский брак.

Вопросы и ответы

— *Сохранятся ли супружеские узы и после смерти? Ведь Христос говорит, что в Царствии Божием не будут ни жениться, ни выходить замуж...*

— В будущем веке не будут ни жениться, ни выходить замуж, но, я думаю, не будут и разводиться. Те люди, которые не вступили в брак здесь, на земле, там, конечно, уже в него не вступят. Но на вопрос о том, сохраняется ли там единство супругов, заключенное здесь и здесь выросшее и сформировавшееся, ставшее таинственным, думаю, можно ответить вполне определенно: да, сохранится. И на Страшном суде, я думаю, такие супруги будут предстать вместе. Если же люди живут вместе, но без любви, без взаимопонимания, то это, конечно, не полноценный брак. Такое сожителство может быть долгим – вплоть до смерти одного из супругов. Но в будущем веке эти люди останутся чужими друг другу, потому что чужими были здесь.

— *Вы нарисовали замечательную картину идеального брака. Но ведь человек грешен, и поскольку никто из нас не идеален, то идеального брака, по-моему, вообще быть не может, может быть лишь стремление к нему. Но как с каждым верующим время от времени происходит отдаление от Бога, ощущение богооставленности, так и в браке, мне кажется, такие этапы неизбежны. Поэтому брак, чтобы состояться как таинство, должен быть постоянным сотворчеством двоих.*

— Конечно, не бывает идеальных супругов, но все-таки бывают браки, пусть и не идеальные, но, во всяком случае, соответствующие тому, что именуется христианским браком. Мне кажется, дело и заключается в том, что из союза двух далеко не идеальных людей, решивших соединить судьбы и жить так, чтобы недостатки одного восполнялись достоинствами другого, может вырасти нечто если не идеальное, то очень приближенное к идеалу подлинно христианской жизни.

Есть нечто существенно общее между браком и монашеством. Это не два противоположные пути, но два пути, которые во многом близки один другому. Человек как индивидуум – существо не вполне полноценное, он реализуется как личность лишь в общении с другим. И в браке восполнение недостающего происходит через обретение второй «половины», второго «я», через обретение «другого». В монашестве этим «другим» является Сам Бог. Тайна монашеской жизни заключается в том, что принявший монашество целиком ориентирует свою жизнь на Бога. Человек сознательно и добровольно отказывается не только от брака, но и от многого другого, доступного обычным людям, чтобы максимально сосредоточиться на Боге и посвятить Ему всю свою жизнь, все свои помыслы и дела. И в этом смысле монашество близко к браку. Не случайно многие Отцы Церкви сравнивали монашескую жизнь с жизнью супружеской и говорили об устремлении души человеческой к Богу в тех же выражениях, в которых говорили о супружеской жизни. Показательно, что одним из основных текстов, использовавшихся в аскетической литературе, посвященной монашеству, была библейская Книга Песни Песней Соломона, которая, говоря о любви между мужчиной и женщиной, касается таких глубин человеческого естества, что в равной степени применима и к той любви, которая существует между душой человеческой и Богом. Душа христианина – невеста Христова, и именно в этом плане в монашестве реализуется тот «брачный потенциал», который есть у каждого человека. Все то, что недостает человеку, индивидууму, чтобы стать личностью, персоной, чтобы осознать свое персональное бытие в единении и общении с другим, в монашестве обретается через общение с Богом. Это первое.

Второе. Человек не должен принимать монашество только на том основании, что он не сумел вступить в брак. Нередко молодые люди, особенно выпускники духовных семинарий, оказываются перед дилеммой: они созрели для священнослужения, получили духовное образование, готовы начать самостоятельную взрослую жизнь, но по тем или иным обстоятельствам не сумели «решить семейный вопрос», найти себе спутницу жизни. И случается, что архиерей начинает давить на такого человека: раз ты не женат, значит, принимай монашество и рукополагайся. Это, конечно, совершенно недопустимо, потому что как для брака, так и для монашества человек должен созреть, и любая спешка, а тем более давление, здесь неуместны и недопустимы. Монашество можно принимать лишь в одном случае – если человек чувствует к этому горячее призвание. Монашеское призвание не может быть минутным порывом: оно должно вызревать в человеке на протяжении долгого времени, становиться все более явным, все более сильным. Если же человек не уверен в своем призвании, колеблется, то принимать монашество нельзя. В беседе о браке я говорил примерно о том же: нельзя вступать в брак, пока сохраняется сомнение, что именно этот человек – тот, с которым ты готов разделить всю свою жизнь, ради которого готов пожертвовать своей жизнью. Аналогичный подход должен быть в отношении принятия монашеского пострига.

Третье. Монашество имеет разные внешние формы. Есть монахи, живущие в монастырях, есть живущие в миру. Есть монахи, выполняющие церковное послушание, например, преподающие в духовных школах, есть монахи, которые занимаются благотворительностью или социальным служением, заботятся о бедных. Есть монахи – священнослужители на приходах. Одним словом, внешняя картина монашеской жизни может быть самой разной. Но внутренняя суть от этого не меняется. А она заключается, как мне кажется, в двух вещах – в одиночестве и в непрестанном предстоянии Богу. Поэтому человек, который не чувствует призвания к одиночеству, к тому, чтобы всю свою жизнь без остатка отдать Богу, не должен становиться

монахом.

Случается, что молодые люди принимают монашество, ориентируясь на те или иные возможности, которые, как они полагают, можно будет получить, приняв постриг.

Огромную и трагическую ошибку допускают люди, которые принимают постриг ради церковной карьеры. В современной практике Православной Церкви архиереем может стать только монашествующий. Это приводит к тому, что люди с карьерными устремлениями принимают монашество, чтобы достичь церковных высот. Но высот этих достигают очень немногие, потому что монахов много, а епископов мало. И нередко такие люди уже в зрелом возрасте оказываются перед ситуацией, когда понимают, что их желание недостижимо, что они «выпали из обоймы» или так и не вошли в ту «обойму», которая поставляет кадры для архиерейского служения. И наступает страшнейший кризис. Человек понимает, что он погубил свою жизнь, лишившись многого ради иллюзии. Подобные ситуации должны быть исключены. Монашество можно принимать только в том случае, если человек целиком ориентирован на Бога, готов отдать Богу свою жизнь, идти тесными вратами. Монашество – это максимальное выражение того «тесного» пути, о котором говорит Господь ([Мф. 7:13](#); [Лк. 13:24](#)). Это путь достижения внутренних высот, путь внутренних обретений – при внешних потерях. Принятие же пострига ради каких-то внешних целей извращает самую суть монашества.

Недопустимо принимать монашество и по послушанию. К сожалению, довольно часто случается, что человек на каком-то этапе своей жизни не может решить, принимать ли ему монашество или вступить в брак. Не имея достаточных внутренних сил для самостоятельного решения, он говорит себе: «Пойду к духовнику (вариант: поеду к такому-то старцу), и что он мне скажет, на то и будет воля Божия». Такой подход порочен. Все ответственные решения человек должен принимать сам. И нести за них полную ответственность. Конечно, нет никакой гарантии, что ошибки не произойдет. Многие люди ошибались в выборе своего жизненного пути. Но человек, который сам допустил ошибку, сам же может ее исправить, пусть даже это и дорого ему обойдется. Если же ошибка допущена кем-то другим и человек понимает, что его судьба не состоялась, потому что когда-то, по неразумию, опрометчиво он вверил решение своей судьбы другому, то такую ошибку исправить уже некому.

В беседе о браке я говорил, что есть два вида брака – брак как таинство и брак как сожительство. То же самое можно сказать и о монашестве: оно может быть таинством, а может им не быть. Монашество, которое является таинством, преображает всю жизнь человека, изменяет ее коренным, радикальным образом.

Кстати говоря, существует совершенно неправильная традиция, унаследованная от того времени, когда наша Церковь находилась под сильным влиянием западной схоластики, – проводить границу между таинствами и обрядами и относить брак к разряду таинств, а монашеский постриг – к разряду церковных церемоний, лишенных таинственного характера. Монашеский постриг – такое же таинство, как и другие таинства Церкви, потому что содержит в себе все признаки таинства. Человек, принимающий монашество, получает другое имя, подобно тому как это происходит в Крещении. Он облачается в новую одежду. Как и в таинстве Крещения, по вере Церкви, человеку прощаются грехи, в том числе и те, что являются каноническим препятствиям для принятия священного сана. И даже в самом чинопоследовании монашеского пострига оно названо таинством, когда постригающий говорит постригаемому: «Ты приступил к этому великому таинству». Но монашество только тогда осуществляется как таинство, когда принимается по призванию, дабы стать путем внутреннего совершенствования, путем восхождения человека по той «лестнице» обретения добродетелей и борьбы со страстями, которую так прекрасно изобразил в своей классической книге святой Иоанн Синайский.

В каком случае можно говорить, что монашество не состоялось как таинство, что принятие

пострига оказалось неудачей или ошибкой? В том случае, когда человек принял постриг либо против воли, по послушанию другому лицу, либо в слишком раннем возрасте по собственному неразумию, либо под влиянием настроения или энтузиазма, которые потом прошли. Такой человек, уже будучи монахом, понимает, что он совершил ошибку, что для монашеской жизни он совершенно не предназначен. Из этой ситуации есть три исхода.

При первом исходе человеку удастся себя переломить: он говорит себе, что, коль скоро стал монахом, коль скоро Бог привел его к этому образу жизни, нужно сделать все, чтобы монашество стало действительно таинством единения с Богом. И человек старается с помощью Божией настроить свою жизнь на нужный аскетический лад. Это лучший вариант, но, к сожалению, такой исход достаточно редок.

Чаще встречаются второй и третий варианты. Второй вариант: человек остается в монашестве, дабы не нарушить монашеские обеты, но при этом не испытывает ни радости, ни вдохновения от того, что он монах, а просто «тянет лямку», кляня свою судьбу. Третий вариант: монах покидает монастырь, «расстригается», как говорят в просторечии, становится мирянином.

Трудно сказать, что лучше. С одной стороны, монашеские обеты даются человеком раз и навсегда, и, согласно каноническим правилам Церкви, даже тот монах, который сложил с себя иноческое одеяние и вступил в брак, продолжает оставаться монахом, но монахом падшим, живущим во грехе. И за редчайшими исключениями бывшие монахи, вступая в брак, не получают церковного благословения на брачную жизнь и не могут быть обвенчаны в храме. Такова традиция Православной Церкви. В этом смысле монашеские обеты налагают на человека большие обязательства, чем брачные обеты: Церковь может признать развод, но никакого «расстрижения» церковные каноны не признают. И если в брак можно вступить дважды, то монашеские обеты дважды дать нельзя.

В течение первых двух лет моей монашеской жизни я жил в монастыре, в котором едва ли не каждый второй монах отказывался от обетов и уходил из монастыря. Некоторые из ушедших женились. Как правило, такие браки были неудачными и вскоре распадались. Помню случай, когда человек бросил монашество через два дня после пострига, что свидетельствовало о его полной внутренней неготовности к монашеской жизни. Вспоминаю и другой случай: молодой человек поступил в монастырь на огромном энтузиазме, искренне хотел отречься от мира, вести святой образ жизни, но по натуре был общительным, светским, а в монастыре не нашел той духовной пищи, того духовного руководства, которое могло бы не только удержать его на стезе монашеской жизни, но и сделать эту жизнь духовно наполненной. В результате он начал терять трезвение, контроль над собой, стал ходить в город, связался с женщинами, начал играть в рок-группе (в прошлом он был музыкантом). Дальше – алкоголь, наркотики. В результате он ушел из монастыря, женился, развелся и, не дожив до сорока лет, умер от передозировки наркотиков. Этот и другие подобные случаи укрепили во мне убеждение, что решение о монашеском постриге может быть принято только по очень трезвом и серьезном размышлении, только после того, как человек глубоко укрепился в своем желании жить монашеской жизнью, убедился, что это его призвание, только после долгого искуса.

Мне часто приходится общаться с молодыми людьми, которые стоят на распутье. Некоторые из них говорят: «Я подумываю о монашестве, но у меня есть сомнения, колебания». Я этим людям обычно отвечаю, что до тех пор, пока у них сохраняется хотя бы тень сомнения, хотя бы даже слабое колебание, монашество принимать не следует. Советую им не спешить, подождать хотя бы года три, а затем проверить, не ослабло ли это желание, не охладело ли оно, и если оно сохранилось, то решаться на принятие монашества. Ошибка может иметь роковые последствия, так как, дав монашеские обеты, а затем поняв, что монашество ему не по силам,

человек редко бывает способен вернуться к нормальной жизни. Он остается на всю оставшуюся жизнь духовно травмированным, нравственно искалеченным.

Как и в браке, в монашестве существует своя динамика, и монах может развиваться либо в положительном, либо в отрицательном направлении. В монашестве человек не стоит на месте: он либо идет по пути к Богу, мало-помалу накапливая духовный потенциал, либо постепенно растрчивает тот небольшой первоначальный запас, который есть у всякого человека, принимающего монашество. И в этом смысле, конечно, очень важно, чтобы человек с самого начала правильно себя настроил. Как и в браке, в монашестве возможна первоначальная эйфория и последующее разочарование. Бывает, что, приняв постриг, человек в первые дни или месяцы живет словно на небе, он счастлив, ему кажется, что сбылась его мечта, что монашеская жизнь – именно то, к чему он стремился. Но потом наступает отрезвление. Человек начинает видеть, что в монашеской жизни есть свои трудности и искушения, к которым он оказывается не готов. Очень важно суметь пережить этот критический момент. Если в браке супруги могут вдвоем преодолеть критические ситуации, то в монашестве человек оставлен наедине с собой. Конечно, он не один, если пребывает в Боге, но поддержки от людей монаху часто не хватает. Нередко ему недостает правильного духовного руководства, особенно в наше время, когда опытных духовников мало.

В советское время в Русской Православной Церкви было всего 18 монастырей, но даже тогда жаловались на нехватку опытных духовных руководителей. Сегодня число монастырей перевалило за 500, но духовно опытных наставников от этого не прибавилось. Ведь духовные руководители должны вырастать десятилетиями, и чтобы они выросли, должна существовать прочная монашеская традиция. Сами духовники должны быть учениками опытных наставников. Сила монашества заключается именно в преемстве духовного руководства, которое, как и апостольское преемство, идет от первохристианских времен: духовный опыт передается от учителя к ученику, а потом ученик сам становится учителем и передает опыт своим ученикам.

В истории христианской святости немало примеров, когда монашеский опыт передавался от учителя к ученику. Преподобный Симеон Новый Богослов был учеником преподобного Симеона Благоговейного. Получив от учителя глубокие знания в области аскетической и мистической жизни, он записал их и передал своим ученикам. Никита Стифат, написавший житие Симеона Нового Богослова, был его ближайшим учеником. И у самого [Никиты Стифата](#), естественно, были ученики. Непрерывная цепь преемства духовного опыта продолжается от древних времен до наших дней. И даже в советское время в Русской Православной Церкви эта цепь не прервалась, хотя и была ослаблена: духовно опытные руководители, старцы, были в те годы большой редкостью, но они все же существовали.

А что происходит сейчас? Открывается небольшой монастырь, епископ направляет туда двадцатитрехлетнего игумена, тот берет с собой нескольких двадцатилетних послушников, и они начинают друг друга воспитывать. Нет никакой гарантии, что юноша, назначенный настоятелем только потому, что надо было, получив в церковное распоряжение монастырское здание, кого-то туда срочно поселить, станет действительно хорошим наставником для этой молодежи, которая приходит, может быть, с большим энтузиазмом, с огнем, но при недостатке духовного руководства может разочароваться и оказаться на ложном пути.

Мне кажется, что, так же как и принятие священства, принятие монашества должно происходить в зрелом возрасте. В древних монастырях не постригали не только пятнадцатилетних, семнадцатилетних, но даже и двадцатилетних. К постригу готовились очень долго. Прежде чем поступить в монастырь, человек долго размышлял. Никто не настаивал, чтобы он шел в монастырь, как сейчас это делают некоторые духовники, подталкивая молодежь к принятию монашества. Поступив в монастырь, человек долго находился в статусе послушника, и если

разочаровывался, мог спокойно уйти, чтобы начать полноценную жизнь в миру. И только если человек, проведя много лет в монастыре, понимал, что это его путь, его постригали. Таким образом, постриг был не началом его монашеского пути, а неким итогом долголетнего искуса: постриг подтверждал, что человек призван к монашеству, что его желание стать монахом не было скороспелым, поспешным, что это было его собственное желание, а не желание другого лица, пытавшегося принудить его к монашеству.

Я говорю это, прекрасно сознавая, что вы можете мне напомнить о том, как я сам принял постриг в двадцатилетнем возрасте. На это могу только ответить, что мне в каком-то смысле повезло, мое решение принять монашество было, возможно, юношеским, незрелым, но, тем не менее, за прошедшие 13 лет не было ни секунды, когда бы я в этом разочаровался, когда бы подумал: «А не было ли это ошибкой?» Даже в самые трудные минуты, а таких было немало, я никогда не чувствовал, что моим призванием могло бы стать что-то иное.

Другим же повезло гораздо меньше. И мне известно немало случаев, когда, приняв монашество в юности, человек через какое-то время осознавал, что это было ошибкой, но продолжал оставаться в монастыре, «тянуть лямку» без вдохновения, без радости. Мне приходится видеть монахов, которые пребывают в перманентном состоянии уныния и которым все в этой жизни опостылело. Чтобы хоть как-то утешиться, они либо ходят на консультации к психотерапевтам, либо целыми днями слушают классическую музыку, либо ищут утешение в алкоголе.

Если же монашество принято с соблюдением всех перечисленных условий, принято по призванию, оно может стать для человека источником раскрытия его внутреннего потенциала, дать ему те возможности, которые не дает жизнь в миру. Монах по определению свободен от многих уз, которыми связывает жизнь человека мирского. У монаха есть возможность сосредоточиться на самом главном, и если он ориентирует свою жизнь на это главное, – на то, что является «единым на потребу», то есть на Самого Бога, – его приобретения могут быть очень велики. Прежде всего, он может познать на собственном опыте, что значит та близость души человеческой к Богу, о которой святые Отцы писали в толкованиях на Книгу Песни Песней. Он может познать Бога или, как говорил отец Софроний, цитируя слова апостола Иоанна Богослова, «увидеть Бога как Он есть». Он может приобрести многие духовные навыки и достичь святости. Конечно, путь к святости открыт для каждого человека вне зависимости от того, монах он, священник или мирянин, живет в монастыре или в миру. Но монашество может создать для человека особые условия, при которых он встречает меньше препятствий, чем люди мирские. На пути монахов лежат другие препятствия – те искушения, которые не знакомы людям, живущим в миру. Это особая борьба, особый подвиг. Но, повторяю, возможность раскрыть свой внутренний потенциал, посвятить всю свою жизнь Богу предоставляется тем монахам, которые приняли постриг по призванию.

Монашество, как я уже сказал, – это наиболее радикальное выражение того хождения «узкими вратами», к которому Господь призывает всех христиан. В древней Церкви монашество складывалось постепенно. Были группы аскетов, подвижников, которые давали обет безбрачия; некоторые из них уходили в пустыни, другие оставались жить в городах. Главной своей целью они ставили духовную работу над собой – то, что в Ветхом Завете называлось «хождением перед Богом», когда вся жизнь человека была ориентирована на Бога, когда всякое дело, всякое слово было посвящено Богу. В Сирийской Церкви в IV веке эти подвижники назывались «сынами Завета» или «дочерьми Завета»: они давали обет безбрачия, чтобы посвятить себя служению Богу и Церкви. В Каппадокии в тот же период монашеское движение развивалось быстрыми темпами, создавались общины аскетов. Важную роль в формировании каппадокийского монашества сыграл святитель Василий Великий. От него до нас дошло

несколько сборников нравственных правил. Принято считать, что это монашеские правила, однако слово «монах» в них не употребляется. Дело в том, что Василий Великий писал свои правила не только для монахов, но для всех аскетически настроенных христиан – всех тех, кто хотел строить свою жизнь по Евангелию. Ведь по сути монашество – не что иное как евангельский образ жизни, стремление к исполнению тех же самых заповедей, которые даны живущим в миру. Не случайно святой Иоанн Лествичник говорил: «Свет монахам – ангелы, а свет для людей – монашеское житие». И не случайно в византийскую эпоху и на Руси монашескую жизнь воспринимали как некий эталон, и жизнь общества была в значительной степени ориентирована на аскетические монашеские правила.

Таким образом, нет никакого противоречия не только между монашеством и браком, но и между монашеством и жизнью в миру. Святой Исаак Сирин говорит, что «мир» есть совокупность страстей. И монах уходит от такого «мира» – не от мира как творения Божия, но от падшего, греховного мира, погрязшего в пороках. Уходит не из ненависти к миру, не из гнушения миром, но потому, что вне мира он может накопить в себе тот духовный потенциал, который потом реализует в служении людям. Преподобный Силуан Афонский говорил: многие обвиняют монахов, что они даром едят хлеб, но молитва, которую они возносят за людей, ценнее многого из того, что люди совершают в миру для пользы ближних.

Преподобный Серафим Саровский говорил: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся». Уходя в пустыню на пять, десять, двадцать, тридцать лет, отшельники приобретали «дух мирен», тот внутренний мир, которого так не хватает живущим в миру. Но потом они возвращались к людям, чтобы поделиться этим миром с ними. И, действительно, тысячи людей спасались вокруг таких подвижников. Конечно, было множество подвижников, которые ушли из мира и не вернулись в мир, которые умерли в неизвестности, но это не значит, что их подвиг был тщетным, потому что молитвы, которые они возносили за ближних, многим помогли. Достигнув святости, они стали ходатаями и заступниками за тысячи людей, которые были спасены их молитвами.

Принимая постриг, монах дает три основных обета: нестяжания, целомудрия и послушания.

Нестяжание можно понимать по-разному. Речь может идти о полной добровольной нищете, когда человек отказывается от всех земных благ, от всякой собственности. Но в большинстве случаев речь идет о том, что монах, обладая теми или иными материальными благами, относится ко всему, что имеет, так, будто это взято взаймы. Монах и к жизни должен относиться так, будто она дана ему взаймы. В «Лествице» и других памятниках аскетической литературы говорится о добродетели странничества, когда человек понимает, что не имеет здесь, на земле, «пребывающего града, но грядущего взыскует», потому что его духовная родина – Небесный Иерусалим. И именно к нему устремлен духовный взор монаха.

Обет целомудрия не сводится только к безбрачию. «Целомудрие» – славянское слово, которое несет в себе очень глубокий смысл. Оно говорит о том, что человек должен «целостно мудрствовать», то есть во всех своих поступках и помыслах руководствоваться «мудростью, сходящей свыше», которая есть Сам Христос.

И, наконец, послушание. Этот монашеский обет может быть исполнен по-разному: монах в монастыре находится в послушании у своего игумена, монах, служащий на приходе, – у своего епископа. Но каковы бы ни были внешние обстоятельства жизни монаха, он всегда должен помнить, что его жизнь уже не принадлежит ему, она отдана Богу, Церкви и людям. И монах только тогда оправдывает свое призвание, когда его жизнь приносит плоды и по отношению к Богу, и по отношению к Церкви, и по отношению к людям. Монах приносит пользу в отношении Бога, если постоянно работает над собой и, духовно преуспевая, восходит «от силы в

силу». Он приносит пользу Церкви, либо если совмещает свою монашескую жизнь со служением Церкви в сане священника, либо если, не будучи священником, занимается какой-то другой церковной деятельностью, например, благотворительностью, преподаванием. Монах приносит пользу людям, если либо передает им тот духовный опыт, который накопил в себе, либо накапливает в себе этот опыт, чтобы потом поделиться им с людьми, либо просто молится за людей.

В конечном итоге, послушание – это вслушивание в волю Божию, стремление человека максимально приблизить свою волю к воле Божией. И монах – это тот, кто добровольно отрекается от своей воли, передавая всю свою жизнь в руки Божии. Монах должен стремиться достичь столь полного слияния своей воли с волей Божией, чтобы уподобиться Иисусу Христу, Который в Гефсимании взывал к Своему Отцу: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» ([Мф. 26:39](#)). В этих словах проявилась, с одной стороны, Его человеческая воля и естественный для всякого человека страх перед страданиями, а с другой, – полная преданность воле Божией и всецелая готовность вверить Свою жизнь Богу.

Хотел бы в заключение сказать о том, что монашество, в отличие от брака, является уделом избранных – избранных не в том смысле, что они лучше других, но в том смысле, что они чувствуют призвание и вкус к одиночеству. Если у человека нет потребности в пребывании в одиночестве, если ему скучно наедине с собой и с Богом, если ему постоянно требуется что-то внешнее для заполнения, если он не любит молитву, не способен раствориться в молитвенной стихии, углубиться в нее, приблизиться через молитву к Богу, – в таком случае он не должен принимать монашество.

Вопросы и ответы

— Для чего вообще нужен статус монашества? Надо давать людям, имеющим к этому склонность, возможность жить такой жизнью. А статус монашества, может быть, следует давать только лишь людям, достигшим духовных высот, обладающим духовным авторитетом, вступившим в зрелый или преклонный возраст. Это помогло бы избежать ошибок.

— Я не считаю, что монашество – удел одних стариков. Не думаю, что нужно постригать в монахи только людей, достигших духовной опытности, потому что эта опытность как раз и приобретается через монашескую жизнь. Надо избегать крайностей. Я думаю, что если для вступления в брак лучший возраст – от двадцати до тридцати, то для монашества – от тридцати до сорока. Можно, конечно, принять постриг и раньше, но степень риска тогда повышается. Категорически недопустимо, на мой взгляд, постригать лиц, не достигших двадцати лет. Мне известны случаи принятия монашества и в более раннем возрасте, что впоследствии послужило для таковых монахов поводом к отказу от монашеских обетов. Думаю, что в подобных случаях постриг можно признать недействительным, ибо подросток, почти ребенок к такому серьезному шагу не может быть готов.

— Вы сказали, что монашество – это наиболее «узкий путь». Хочу поспорить с этим. Мы, живя в миру, не уходим добровольно от трудностей. У нас семьи, мы должны работать, зарабатывать свой хлеб в поте лица, у нас трудные отношения с окружающими. А монахи, по моему, обеспечили себе в монастырях жизнь более спокойную, они заняты самосовершенствованием, к которому нужно стремиться и нам. Но выкроить время, чтобы читать те же великие книги, что и они, нам гораздо труднее, потому что у нас семьи, дети, внуки. У них же времени на это достаточно. Не кажется ли вам, что наш путь, если мы хотим тоже быть хорошими христианами, в чем-то даже труднее, чем монашеский?

— Кажется. Когда я говорю, что монашество есть наиболее радикальное выражение «узкого

пути», я не имею в виду, что оно – нечто сверхтрудное. Во многих отношениях жить в миру гораздо труднее. Монашество – это «узкий путь» в смысле отречения от многих вещей, которые обычным людям принадлежат по праву. И монашествующие отрекаются от многих внешних вещей ради внутренних обретений. Но не думаю, что монашество выше брака или что оно больше способствует достижению святости, чем брак. Любой путь, который избирает человек, если он стремится к Богу, – это путь трудный, это «тесные врата». И если человек стремится жить по-евангельски, он всегда будет встречать препятствия и всегда будет их преодолевать. Монашеская жизнь, как и жизнь в браке, дана человеку для того, чтобы он смог максимальным образом реализовать свой внутренний потенциал. Она дана для обретения Царствия Божия, которое может стать уделом каждого из нас после смерти, но опытно приобщаться к нему мы можем уже здесь, на земле.

ОБ ИСКУССТВЕ ОБЩЕНИЯ

Древние греки называли человека «существом общественным». Человек реализуется как личность не сам по себе, но в общении с другими людьми. Читая Евангелие, мы можем заметить, что Христос учил людей прежде всего тому, как относиться друг к другу: большинство Его наставлений посвящено именно этому. Каждый из нас находится в общении с разными людьми – родственниками, сослуживцами, друзьями. Есть люди, с которыми нам хочется общаться, а есть те, общение с которыми нас тяготит.

Общение – это искусство, которым мы либо владеем, либо не владеем, либо владеем не в полной мере. И от того, насколько мы искусны в общении, насколько умеем или не умеем строить свои отношения с людьми, насколько мы внимательны к людям, зависит очень многое в жизни каждого из нас. Сегодня я хотел бы поговорить с вами о некоторых весьма простых вещах, относящихся к искусству общения, о которых, может быть, и вовсе не стоило бы говорить, если бы мы о них не забывали так часто именно потому, что они настолько очевидны.

В общении человек должен быть абсолютно правдивым перед людьми и перед самим собой. Это первый и основной ключ к искусству общения. Как только в нашем общении с кем-либо появляется фальшь, как только мы надеваем маску, как только начинаем говорить человеку не то, что мы чувствуем, но то, что, нам кажется, он должен от нас услышать, как только мы становимся в позу – общение сразу же обесценивается: та встреча между двумя сердцами, между двумя душами, которая могла бы произойти, если бы наше общение было искренним и правдивым, не происходит. Надо стараться быть самими собой во всех ситуациях.

Случается видеть человека, который разговаривает с людьми так, будто стоит на театральной сцене. Бывает даже, что священнослужитель, вполне нормальный и здравый в обычном общении, выйдя на амвон, превращается в актера, начинает говорить с какими-то искусственными интонациями, подбирать искусственные слова, идущие не от сердца. Многие из нас оказываются в ситуациях, когда приходится говорить, что называется, с кафедры. Но очень важно, чтобы наличие большой аудитории не заставляло нас актерствовать. Будьте всегда и везде самими собой – это первый и ключевой момент.

Второй момент. Общение предполагает способность собеседников слышать друг друга. Мы часто общаемся с людьми лишь потому, что нам нужно выговориться, и тогда диалог превращается в монолог. Более того, мы нередко общаемся с людьми как бы и не ожидая от них ответа: нам кажется, что самое важное – успеть высказаться самим. Мне часто приходится встречаться с людьми, которых интересуют исключительно они сами, их собственный мир, из которого они, как из скорлупы, не могут выбраться. Такие люди встречаются с вами только для того, чтобы вам что-то рассказать, но не для того, чтобы услышать ваш ответ. Они настолько переполнены своими собственными чувствами, эмоциями, мыслями, переживаниями, что говорят только с самими собой, подобно глухарям, которые, токуя, не слышат, что происходит вокруг. Даже если вы скажете что-нибудь таким людям, они часто слышат совсем не то, что вы имели в виду, так как не способны воспринять ничего, кроме самих себя.

Третий момент. Когда мы общаемся с человеком, надеясь получить от него ответ на наши вопрошания или реакцию на сказанное нами, мы должны быть готовы к тому, что услышим от него не то, что хотели бы услышать. Нужно уметь воспринимать позицию собеседника, относиться к ней с максимальным вниманием. Общаясь с людьми, нужно помнить, что каждый человек – существо свободное, он имеет право на свои мысли, чувства, взгляды, на свою жизненную позицию. Вступая в общение с человеком, мы не должны стремиться во что бы то ни стало склонить его к нашему видению и пониманию. У каждого человека есть свой

собственный жизненный опыт, своя жизненная позиция, которые нужно уважать.

Очень важно в общении с людьми избегать многословия. Нужно учиться выражать мысль сжато и емко. Весь подготовительный процесс должен происходить у нас внутри: не следует обдумывать мысли вслух. Если мы научимся сначала думать, а потом говорить (как это просто и как это сложно!), тогда количество произносимых слов будет более или менее соответствовать количеству стоящих за ними мыслей. Тяжело и скучно бывает слушать людей, у которых количество слов во много раз превышает необходимость, так что крупницы смысла приходится выискивать в кучах словесного мусора. Надо учиться выражать мысли адекватно и не прибегать к тому, что Набоков называл «сорными словами», «бедными родственниками настоящих слов, произносимыми для того, чтобы заполнить пустоту».

Вспомним, как говорил Христос. Увидев учеников и народ, Он взошел на гору и сказал: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Никаких вступительных слов, никаких пояснений. Проповедь начинается с самой сердцевины, с самого существа дела. И это относится к любой притче, ко всякому слову Христа. Мы не найдем здесь ни одного лишнего слова, – ни одного слова, которое можно было бы изъять без ущерба для смысла. Христос – величайший пример того, как надо распоряжаться словом. Слово – это не просто звук. За каждым словом должно что-то стоять, оно должно иметь вес, смысл, силу. «Слово ваше да будет с солью», – говорил Христос. Итак, воспользуемся временем Великого поста, чтобы научиться поменьше говорить и побольше думать.

Общаясь с людьми, важно учитывать и особенности собеседника – его культурный уровень, возраст, пол и т. д. Невозможно общаться одинаково с людьми разных культур. Общение с людьми иной культуры, – это особое искусство, которому тоже нужно учиться. Многие воспринимают собственную культуру так, будто она должна распространяться на все человечество. И, встречаясь с иной культурой, испытывают «культурный шок», когда вдруг замечают, что люди реагируют на их слова и действия иначе, чем это происходит в привычной для них культурной среде.

Приведу пример из собственной жизни. Когда я преподавал в духовной семинарии на Аляске, моими учениками были в основном местные жители, эскимосы. Однажды один из них пришел ко мне на урок, я с ним беседовал, что-то ему объяснял, после чего он сказал мне: «Спасибо, до свидания», – встал и ушел. Естественно, я подумал, что чем-то его обидел, потому что люди просто так не встают и не уходят ни с того, ни с сего. Однако очень скоро я обнаружил, что и другие студенты ведут себя точно так же в подобных ситуациях. Если эскимос говорит «спасибо», значит, он благодарен, а сказав «до свидания», тотчас уходит. Вот и все.

В нашей культуре дело обстоит иначе. Мы никогда не говорим «спасибо» один раз. Представим себе следующую ситуацию. Вы просили кого-то одолжить вам денег, вам деньги дали. Вы их берете, говорите «спасибо» и уходите. Возможно ли такое? Нет, конечно же вы скажете: «Огромное Вам спасибо». Это первое «спасибо». «Я вам очень признателен» – второе «спасибо». «Я не знаю, что бы я делал, если бы не Вы» – это третье «спасибо» и т. д.

Мы никогда не говорим «до свидания» один раз. Просидев несколько часов в гостях и почувствовав, что пора уходить, мы смотрим на часы и говорим: «Поздновато». Это наше первое «до свидания». Потом мы говорим о том, что посидели бы еще, да ехать домой далеко – это второе «до свидания». Потом мы говорим: «Очень было приятно с Вами провести этот вечер». Это уже третье «до свидания». И мы не уйдем из этого дома, пока не скажем «до свидания» по крайней мере десять раз – каждый раз в разной форме.

То, что я сказал в начале беседы, – о недопустимости фальши и необходимости для каждого человека быть самим собой – относится к общению на всех уровнях. Естественно, что мы по-разному общаемся с нашими начальниками и подчиненными. В общении с начальниками

нельзя опускаться до того, чтобы вести себя как известный персонаж в рассказе Чехова «Толстый и тонкий». Но и с подчиненными нельзя вести себя, как барин с прислугой. Вообще на нашем жизненном пути могут встретиться люди богатые и влиятельные, а могут – бедные и незначительные. Нельзя забывать, что каждый из этих людей создан по образу Божию. И каждый из них – вне зависимости от социального положения и места в табели о рангах – заслуживает нашего почтения и уважения.

Особое искусство – общение с детьми. Здесь тоже недопустима фальшь. Есть люди, которые, увидев ребенка, совершенно меняются, с ними происходит нечто необъяснимое: на лице появляется какая-то протivoестественная гримаса, они начинают использовать особый – якобы детский – лексикон. Не думаю, чтобы детям это нравилось. Помню, мне в детстве всегда претило, когда со мной общались в таком духе. Уверен, что с детьми, как и со взрослыми, можно общаться серьезно и глубоко.

Особого внимания требует общение с больным человеком. Больной чаще всего хочет услышать от нас слова утешения и поддержки. Но нельзя лгать больному, нельзя, например, пытаться сделать вид, что ничего страшного не происходит, когда человек лежит на смертном одре. Тяжело больной человек ловит не только слова – он обращает внимание на выражение глаз, на интонацию. И всякую фальшь он сразу же почувствует.

Мы часто думаем, что, когда мы начинаем актерствовать, фальшивить и лгать, то со стороны это не заметно. На самом же деле всякий собеседник сразу же чувствует неискренность. Если это человек деликатный, он сделает вид, что ничего не заметил, и мы можем остаться при убеждении, что роль сыграна нами с полным успехом. Но это будет большим заблуждением. Всякое актерство всегда заметно, и всякая фальшь всегда слышна.

Общение может быть полезным, нейтральным и вредным.

Общение полезно, если оно к чему-то ведет, если в нем есть положительная динамика, если оно бывает взаимно обогащающим или, по крайней мере, если одна сторона питается от другой. Такое общение может быть полезным и с духовной точки зрения, и в чисто человеческом плане.

Но бывает общение бесполезное и даже вредное. Вредное общение – то, у которого отрицательная динамика, которое наносит вред или обеим сторонам, или одной из сторон. Как поступать в этом случае? Можно пытаться общение бесполезное или вредное сделать полезным, то есть перестроить его, переориентировать таким образом, чтобы оно приносило добрые плоды. Если же этого не получается, если мы видим, что общение с человеком не приносит ничего, кроме вреда и ему, и нам, то иногда полезнее разорвать общение, чем продолжать его. Впрочем, нередко бесполезное или вредное общение происходит между людьми, которые в силу разных обстоятельств не могут разойтись, – например, между членами семьи, проживающими в одной квартире, или сотрудниками, сидящими в одном рабочем кабинете, и т. д. В таком случае это надо воспринимать как испытание, посланное нам Богом, как трудную задачу, которую необходимо решать.

Итак, общение может быть вынужденным или добровольным. Оно, кроме того, может быть поверхностным или глубоким. На это последнее я хотел бы обратить ваше внимание.

Бывает, что люди в течение многих лет встречаются, обсуждают погоду, политику, новости, но при этом их общение остается на поверхности. Такие люди могут, зная друг друга двадцать – тридцать лет, оставаться абсолютно чужими друг другу. В общении с людьми нужно стремиться к тому, чтобы не оставаться на поверхности, но выходить на глубину. Для этого есть немало способов, например, общаться с человеком один на один. Общение в группе, особенно большой, редко бывает по-настоящему глубоким. Но, разговаривая с глазу на глаз, мы сможем услышать и разглядеть в собеседнике то, что обычно бывает скрыто.

Иногда мы боимся глубокого общения. Нам кажется, что при таком общении мы можем

слишком раскрыться, зайти слишком далеко, что собеседник может разбить скорлупу нашего эгоцентризма, эгоизма, в которой нам бывает так уютно и тепло. Не надо бояться риска, который заключает в себе глубокое общение. Не надо бояться, что мы потеряем что-то, поделившись этим с человеком: отдавая, мы никогда ничего не теряем. Не надо бояться, если в общении с другим человеком будут затронуты какие-то сокровенные струны, поставлены болезненные вопросы. Всякое общение, начавшись на поверхности, может постепенно сойти в глубины. Оно может перерасти в подлинную встречу двух людей. В то же время общение, которое начиналось на глубине, имеет потенциал постепенного «всплытия на поверхность». Очень важно следить за динамикой общения – меняется ли что-то от встречи к встрече, от разговора к разговору, узнаем ли мы человека глубже, начинает ли он лучше понимать нас, или мы продолжаем оставаться чужими друг другу.

Современная цивилизация предоставляет человеку разнообразные средства общения, такие как почта, телефон и электронная почта. Общение по телефону требует особой чуткости. Далеко не все из того, что обсуждается при личной встрече, можно сказать по телефону. Но телефон и не предназначен для продолжительных душевных бесед. Мы на протяжении многих лет жили в уникальной ситуации, когда телефонный разговор между людьми, живущими в одном городе, был бесплатным. Видимо, скоро положение изменится, а вместе с этим уйдет в прошлое словосочетание, которое существует только в русском языке, – «висеть на телефоне». Людям на Западе такая роскошь недоступна – каждая минута разговора стоит денег. Когда мы звоним кому-то, нужно учитывать, что совсем не всегда наш абонент настроен на разговор. Телефонным звонком мы врываемся в чью-то жизнь. Наш собеседник может в этот момент оказаться совершенно не готовым к общению – он может быть занят чем-то другим. И не нужно обижаться, если он быстро «свернул» разговор. Надо понимать, что телефон создан только для того, чтобы договориться о встрече или решить какие-то неотложные вопросы. Но если мы хотим общаться с человеком серьезно и глубоко, нужна личная встреча.

Электронная почта становится все более распространенным средством общения. Оно тоже требует определенных навыков. В электронных письмах люди нередко бывают чрезмерно краткими, почти грубыми. Поэтому между людьми, которые общаются по электронной почте, нередко возникают недоразумения, так как человеку кажется, что ему ответили не очень вежливо или недостаточно подробно. Нужно все это учитывать и помнить, что электронная почта не может заменить личное общение.

Что же касается обычной почты, то это, как известно, одна из древнейших форм общения. Эпистолярный жанр – особое искусство, которому нужно учиться. Святитель Григорий Богослов в этом смысле может служить для нас образцом. Каждое его письмо было небольшим произведением искусства. В одном из писем он рассуждает о том, как надо писать письма. Письмо, говорит он, не должно быть слишком длинным или слишком коротким, не должно быть слишком витиеватым или содержать только обрубки фраз; письмо должно быть глубоким по содержанию и изящным по форме.

Если возможно, старайтесь, чтобы каждое ваше письмо содержало что-то конкретное. В письмах, как и в личном разговоре, не следует говорить общие, ничего не значащие слова. Вспоминаю одного своего знакомого, который посылал мне письма примерно такого содержания: «Вы сейчас находитесь во Франции, там, наверное, лето, там, наверное, тепло, наверное, цветут деревья», – и так далее. То есть человек в письме ко мне рассказывал мне то, что, как он предполагал, происходило у меня. При этом он ничего не рассказывал о себе. Конечно, ответить на такое письмо было для меня достаточно затруднительно, потому что писать ему, что «да, действительно, здесь все цветет» было бы странно. А другой человек в тех же примерно ситуациях писал мне очень коротко, но из его лаконичных писем я узнавал все,

что с ним происходит. Я мог отвечать ему столь же коротко или более пространно, но это был ответ по существу. Всякий раз, садясь за письмо, мы должны задуматься о том, для чего мы пишем, какого ответа ожидаем. Письмо не должно быть просто набором ничего не значащих слов.

Если в письме содержится вопрос, мы должны ответить на него, а не посылать человеку отписку. В известном рассказе Чехова говорится: «Письма, в котором денег ты просил, я не получал». Если у нас в письме попросили денег, мы должны либо ответить, что дадим деньги, либо что не дадим. Попытка же сделать вид, что письма не было, будет той самой фальшью, которая недопустима в общении с людьми.

Об искусстве общения можно говорить много, это тема неисчерпаемая. Общение с каждым человеком неповторимо. Не существует шаблонов, по которым можно было бы строить свое общение со всеми людьми.

Все, о чем я говорил сегодня, вы, конечно, знаете. Мне просто хотелось напомнить об этом в дни Великого поста, потому что это время, когда мы анализируем свою жизнь, всматриваемся в себя и в других людей. Это время, когда мы можем исправить ошибки. Многие вещи представляются нам обыденными и понятными, но, когда мы сталкиваемся с ними, мы вновь и вновь падаем в те же самые ямы, совершаем одни и те же ошибки. Будем помнить о том, что необходимо постоянно работать над собой, чтобы во всех отношениях быть на высоте и отвечать нашему высокому христианскому призванию.

Вопросы и ответы

— Если динамика общения отрицательная, то как лучше – поговорить, поставить точки над «і» или разойтись?

— Думаю, что возможно и то и другое. Но в некоторых случаях объяснить с человеком невозможно: накопилось слишком много того, что будет препятствовать поговорить с ним начистоту. И иногда приходится просто отходить, прекращать общение.

— А как быть, если расстаться не удастся?

— Если вы чувствуете, что не можете расстаться с человеком без ущерба либо для себя, либо для него, попробуйте переориентировать общение с ним на что-то позитивное. Это непросто и требует немалых усилий. Нельзя пускать общение с человеком на самотек, а уж тем более – под откос.

— Что такое «вредное общение»?

— Приведу конкретные примеры. Ваш собеседник общается с вами для того, чтобы склонить вас к совместному распитию спиртных напитков. Или склоняет к наркотикам. Или вы видите, что человек заражен какими-то ложными учениями и пытается вам их внушить, а вы начинаете этому поддаваться. Вы начинаете с ним спорить, но он не слушает. Он имеет право думать именно так, но у него нет права вам это навязывать. Может быть, человек внушает вам какие-то ошибочные взгляды и действует, как гипнотизер, которому вы бессильны противостоять. Если общение складывается подобным образом, лучше разорвать отношения с этим человеком.

— Сколько времени нужно, чтобы общение стало глубоким?

— Иногда пять минут, а иногда много лет. Когда я говорю о краткости и о многословии, то имею в виду не время, которое вы потратите на общение, а качество общения. Вы можете говорить с человеком несколько часов, но это время окажется проведенным впустую. А можете поговорить десять минут, но сказать ему то, что перевернет всю его жизнь. Вспомните: встречи Христа с людьми были, как правило, очень краткими, так же как и Его притчи. Он умел за один

миг в корне изменить жизнь человека. Вот пример: рыбак на озере ловит рыбу. Иисус проходит мимо и говорит: «Вставай, бросай лодку, сети, забудь об отце и матери, пойдем со Мной». И человек тотчас все бросает и идет за Ним. Разумеется, мы не можем ожидать, что наше слово будет столь же эффективным, каким было слово Христа. Но мы должны заботиться о том, чтобы наше слово всегда что-то в себе несло, не было пустым звуком.

— *Всегда ли разговор на серьезные темы может быть плодотворным?*

— Есть культуры, в которых вообще не принято говорить на серьезные, глубокие темы. У нас принято. Почитайте Достоевского: «русские мальчики», которые впервые видят друг друга, всю ночь напролет обсуждают ключевые вопросы – о бытии Бога, о судьбах мира и т. д. Любовь к разговорам на серьезные темы – наша национальная особенность. Но при этом нужно помнить, что подобного рода разговоры далеко не всегда ведут к реальным результатам. Мы часто говорим об очень серьезных вещах, а потом расходимся ни с чем. Сама по себе склонность человека к обсуждению серьезных и важных тем – еще не гарантия того, что общение с ним будет продуктивным и плодотворным. На какие бы темы мы ни говорили, нужно заботиться прежде всего о том, чтобы общение имело какой-то результат.

— *Есть люди, которые очень много говорят, их трудно остановить. Как поступать в подобных случаях?*

— Бывает, что человеку просто нужно выговориться, нужно, чтобы его выслушали. В таких случаях не следует смотреть на часы. Другое дело – когда человек говорит просто потому, что он по природе болтун, говорит, не замечая, что собеседник его не слушает, что он ему в тягость. Я где-то читал рассказ об одном английском поэте, который имел обыкновение, разговаривая с человеком, брать его за пуговицу и закрывать глаза, чтобы быть уверенным, что собеседник здесь, но в то же время, чтобы возможная реакция собеседника никак не воспрепятствовала ходу его собственных мыслей. Так вот, один человек, который очень спешил, оказавшись в такой ситуации, отрезал пуговицу и ушел. Когда он через час проходил мимо, он увидел, что поэт все еще вдохновенно разглагольствует, держа в руке пуговицу. Известен рассказ, вполне достоверный, об одном архиерее, который так долго проповедовал, что его паства этого не выдерживала. Проповедь архиерея начиналась при полном храме, но постепенно прихожане один за другим уходили, и в конце концов архиерей оставался один. Тогда сторож подходил к нему и говорил, что, мол, владыка, пока кончать, надо закрывать храм. Беда, если мы будем хоть чуточку похожи на того поэта или на этого архиерея.

О ЗАВИСТИ

Сегодня мы поговорим о зависти – пороке, который является движущей силой истории. Вспомним библейский рассказ о грехопадении Адама и Евы, которых диавол из зависти совратил на грех:

Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло (Быт. 3:1—5).

Зависть неразрывно связана с обманом. Она глубоко противна Богу. Всякий раз, когда между человеком и Богом устанавливаются истинные, добрые отношения, диавол из зависти старается воспрепятствовать этому. Многие препятствия, возникающие на нашем пути к Богу, связаны прежде всего с завистью диавола. Диавол не только однажды позавидовал людям и совратил их с истинного пути. Он завидует им и сейчас. Он завидует каждому из нас прежде всего потому, что мы являемся членами Церкви, приобщаемся Святых Христовых Таин и потому, что путь, по которому ведет нас Господь, является путем ко спасению, тогда как диавол этого спасения лишился.

Зависть существует и на человеческом уровне. Вспомните библейский рассказ о том, как Каин позавидовал Авелю:

Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его... И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли (Быт. 4:3—5, 8—10).

Этот рассказ говорит нам о том, что зависть, которая была принесена в мир диаволом, уже во втором поколении людей становится причиной убийства. Мы никогда не узнаем, почему Господь призрел на жертву Авеля и не призрел на жертву Каина. Может быть, это было связано с внутренним расположением сердца обоих братьев. Видимо, один приносил жертву искренне, другой – формально, без любви. Как бы там ни было, в очах Господа они оказались не равны. И когда Каин увидел, что его жертва отвергнута, это не только огорчило и опечалило его, но и подвигло к убийству брата.

Зависть ослепляет человека. Она заставляет его думать, что преградой между ним и Богом или между ним и какими-то материальными или духовными благами является другой человек, и что как только этот человек будет устранен, все препятствия исчезнут. На самом же деле все обстоит иначе – человек, как правило, не достигает цели по собственной вине, а не по вине другого. Завистник думает, что на этой земле есть только одно место, и это место должно принадлежать ему, а не его конкуренту. На самом же деле на земле есть место для каждого человека, и каждый может реализовать свой потенциал – и духовный, и профессиональный, и человеческий. И если мы не реализуем его по каким-то причинам, то причины эти в нас самих, а не в других людях.

Прочитаем еще один библейский рассказ – об Иосифе и его братьях. Речь в нем идет о том, как Промысел Божий нередко вмешивается в человеческие взаимоотношения и исправляет катастрофические последствия зависти.

Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его; и сделал ему разноцветную одежду. И увидели братья его, что отец их любит его более всех братьев его; и возненавидели его, и не могли говорить с ним дружелюбно. И видел Иосиф сон, и рассказал братьям своим: и они возненавидели его еще более. Он сказал им: выслушайте сон, который я видел: вот, мы вяжем снопы посреди поля; и вот, мой сноп, встал и стал прямо; и вот, ваши снопы стали кругом, и поклонились моему снопу. И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать над нами? неужели будешь владеть нами? И возненавидели его еще более за сны его и за слова его. И видел он еще другой сон, и рассказал его братьям своим, говоря: вот, я видел еще сон: вот, солнце, и луна, и одиннадцать звезд поклоняются мне. И он рассказал отцу своему и братьям своим; и побранил его отец его, и сказал ему: что это за сон, который ты видел?.. Братья его досадовали на него; а отец его заметил это слово ([Быт. 37:3—11](#)).

Однажды, когда братья Иосифа пасли скот в пустыне, отец послал его к ним. Братья «увидели... его издали, и прежде нежели он приблизился к ним, стали умышлять против него, чтобы убить его. И сказали друг другу: вот, идет сновидец; пойдем теперь, и убьем его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его; и увидим, что будет из его снов». Один из братьев, Рувим, сказал: «Не проливайте крови; бросьте его в ров, который в пустыне, а руки не налагайте на него».

Когда Иосиф пришел к братьям своим, они сняли с Иосифа одежду его, одежду разноцветную, которая была на нем, и взяли его и бросили его в ров; ров же тот был пуст; воды в нем не было ([Быт. 37:12—24](#)).

Вы помните, что последовало далее. Братья продали Иосифа в рабство измаильтянам, шедшим с караваном в Египет. Прошло много лет, Иосиф претерпел многие испытания. Он был и рабом, и свободным, был брошен в тюрьму, но в конце концов стал вторым, после фараона, лицом в государстве. И именно тогда произошло то, о чем Бог сказал Иосифу в его пророческих снах. В земле израильской настал голод, и Израиль и его сыновья отправились в Египет, чтобы купить хлеб. Там они встретили Иосифа. И мы помним, как Иосиф узнал своих братьев и как они не узнали его, как долго он испытывал их, пока, наконец, не открылся им и не простил их.

Эта история говорит нам не только о примирении человека со своими завистниками и предателями, но и о том, как Бог таинственно вплетает Свой Промысел в человеческие судьбы. Бог всегда направляет человеческое зло к добрым последствиям. Люди предали своего брата и продали его в рабство, а Господь поставил его господином над всей землей.

Вот еще один рассказ из Библии – о том, как царь Саул позавидовал Давиду и чуть не убил его:

Давид действовал благоразумно везде, куда ни посылал его Саул, и сделал его Саул начальником над военными людьми; и это понравилось всему народу и слугам Сауловым. Когда они шли, при возвращении Давида с победы над Филистимлянином, то женщины из всех городов Израильских выходили на встречу Саулу царю с пением и плясками, с торжественными тимпанами и с кимвалами. И восклицали игравшие женщины, говоря: Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч! И Саул сильно огорчился, и неприятно было ему это слово, и он сказал: Давиду дали десятки тысяч, а мне тысячи; ему недостает только царства. И с того дня и потом подозрительно смотрел Саул на Давида. И было на другой день: напал злой дух от Бога на Саула, и он бесновался в доме своем, а Давид играл рукою своею на струнах, как и в другие дни; в руке у Саула было копье. И бросил Саул копье, подумав: пригвозжду Давида к стене. Но Давид два раза уклонился от него. И стал бояться Саул Давида; потому что Господь был с ним, а от Саула отступил ([1 Цар. 18:5—12](#)).

Это пример зависти, которая происходит по соображениям, если так можно выразиться,

карьерного характера. Саул был обеспокоен тем, что Давид стал его соперником, что, имея большую популярность в народе, он сможет претендовать на царство. И Саул вообразил, что лучшим способом решить эту проблему будет умертвить соперника. И в тот момент, когда Давид был беззащитен, безоружен, когда в руках его была лишь арфа, Саул пытается копьем пригвоздить его к стене. Но, опять же, Бог вмешивается в историю: Давид дважды уклоняется от копья. Тогда Саул начинает понимать, что здесь действует Бог, что причина его неудач и успехов Давида в том, что Бог отступил от него, и что Бог теперь с Давидом. А почему Бог отступил от Саула? Именно из-за его зависти, которая фактически парализовала его, сделала неспособным к исполнению воли Божией.

Вспомним теперь несколько эпизодов из земной жизни Спасителя. Когда Иисус родился в Вифлееме и волхвы, придя к Ироду, спросили его, где родившийся Царь иудейский, первой мыслью Ирода было: «А не посягнет ли Он на царство?» И Ирод предпринимает беспрецедентный акт – убивает всех младенцев в Вифлееме и его окрестностях от двух лет и ниже. Но и тут побеждает Бог, потому что в конечном итоге убитые младенцы стали мучениками за Христа и пошли прямым путем в Царство Небесное, Сам же Христос был сохранен божественным действием для Своего служения.

Зависть окружала Христа, следовала за Ним по пятам в течение всего времени Его пребывания на земле. Вспомним, как относились к Нему фарисеи, архиереи и книжники. До того, как пришел Христос, все было в их руках. Но когда Он начал проповедовать, их авторитет стал стремительно падать. Он нередко в жесткой форме обличал их – за то, что они останавливались на углах улиц и молились напоказ, за то, что устроили торговлю во дворе храма. Он опрокидывал их столы и рассыпал деньги. Они учили людей тому, как нужно соблюдать традиции и предания старцев, а Он говорил, что главное – поклоняться Богу в глубине сердца. Они видели, что за Ним идут тысячи людей, а от них отступают. И архиереи и книжники, задачей которых было служить Богу и учить народ, возгорелись завистью против Иисуса. Они поняли, что, пока Он жив, их учение не будет иметь силы, их нравственный пример не будет убедителен. Слишком яркая Звезда взошла на их небосклоне, затмив их всех. И они приняли радикальное решение – предать Его смерти. И сделали все, чтобы этого добиться. Пошли против существовавшего тогда закона, запрещавшего им предавать смерти человека. Не погнушались даже обратиться к римским властям, к «оккупантам», которых они ненавидели, то есть пошли на нарушение своих же политических установок, чтобы предать смерти Иисуса Христа.

Христос стал жертвой человеческой зависти. Но божественный Промысел действовал и тут: смерть Иисуса стала спасением всего человечества. Конечно, те люди, которые предавали Христа на смерть, распинали Его на кресте, насмехались над Ним, которые, когда Он уже был пригвожден к кресту, говорили: «Если Ты Сын Божий, сойди с креста... Пусть теперь сойдет с креста и уверуем в Него» ([Мф. 27:40—42](#)) – те, кто лжесвидетельствовал против Него, – они не понимали, что драма, которая разыгрывалась в Иерусалиме, гораздо более значительна, чем все то, что могло придти в их скудные завистливые умы. Они не понимали, что решается судьба всего человечества и каждого человека и что, вопреки их злобе, и здесь вмешается Провидение, и конечная победа будет за Богом.

Многочисленные примеры из истории Ветхого и Нового Заветов показывают нам, с каким коварством, с каким расчетом действуют люди, одержимые завистью. Но эти примеры показывают нам и другое: божественная правда и божественная справедливость в конечном итоге торжествуют. Даже если человек был не только опорочен завистниками, лишен всего, но и предан смерти, есть будущий век, есть Страшный суд, когда каждому воздастся за его деяния. И завистник будет посрамлен; тот же, кто стал жертвой зависти, будет утешен Господом.

Обратимся теперь к себе и подумаем, как все сказанное выше соотносится с нашей жизнью.

Прежде всего мы должны помнить, что в наши дни зависть столь же реальна, как во времена Христа, во времена Давида и Саула, Каина и Авеля. Много веков прошло, но человек не изменился. Поэтому, если в наше сердце закрадывается зависть к кому-то, нужно бороться с ней всеми силами. Чтобы не поддаваться действию зависти, никогда не следует сопоставлять свою жизнь с жизнью других. Нельзя задавать себе вопрос, почему этот человек имеет больше, чем я, почему он преуспевает больше, чем я, почему он достиг какой-то высоты, а я нет, почему он более угоден Богу, чем я, и т. д. Мы должны смотреть на себя, как мытарь, а не как фарисей. Мытарь предстал перед Богом как человек недостойный, заслуживающий наказания, но надеющийся на милосердие Божие. Он ни с кем себя не сравнивал, и сердце его было свободно от зависти. Будем благодарить Бога за то, что нам дано, а не хулить Его за то, чего нам не дано. Будем благодарить тех людей, которые встречаются на нашем пути и помогают нам, а не осуждать или ненавидеть тех, кто добился в этой жизни большего, чем мы, кто взошел выше нас.

Что делать, если зависть окружает нас и мы становимся ее жертвой? Прежде всего, перед нашим мысленным взором всегда должен быть пример Самого Христа. Всякий раз, когда на нас обрушиваются несправедливость, клевета или осуждение, мы должны помнить, что Христос прошел через все это. Если люди из зависти готовы предать нас не только на позор или поругание, но и на смерть, мы должны помнить, что и Он пережил то же самое. Очевидно, в этом мире невозможно прожить без того, чтобы кто-то нам не завидовал, чтобы кто-то нас не ненавидел. И если мы христиане, мы должны смириться с этим и нести это как свой крест.

Хочу сказать еще об одном. Зависть особенно сильна там, где лицом к лицу сталкиваются в схватке божественное и дьявольское. Это прежде всего Церковь. В Церкви зависть действует с особой силой и особым коварством. Здесь можно встретиться с такими невероятными проявлениями зависти, которые мы, пожалуй, не встретим вне Церкви. Но это не должно нас смущать. Ведь Церковь – это поле брани, где решаются судьбы человеческие, где битва идет за каждую душу. [Судьба](#) каждого человека взвешивается здесь на весах Божиих, это битва за духовное выживание, за спасение, и именно потому зависть здесь особенно сильна.

Ведь и Христос жил в глубоко религиозной среде. И главными Его врагами были не светские люди, далекие от духовной жизни, а именно те, в чьих руках находилось духовное руководство людьми, – архиереи, книжники и фарисеи. Именно под их давлением Пилат, человек светский, был вынужден предать Иисуса смерти. Он искал возможности освободить Арестованного, Который был ему симпатичен, Которому он сочувствовал, ибо понимал, «что предали Его из зависти». А движущей силой убийства были люди религиозные – первосвященники, книжники и старейшины народа – те, кто принимал непосредственное участие в битве за души человеческие.

У зависти множество производных – прежде всего осуждение и клевета. Когда человек ослеплен завистью, он не останавливается ни перед чем – он может оклеветать человека, унижить его, опозорить. Но если клевета обрушивается на нас, нужно помнить, что мы не первые и не последние, кто через это прошел. К сожалению, жизнь так устроена. «Блажени есте егда возненавидят вас человецы, и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы...»

В заключении этой беседы я хотел бы прочитать отрывок из книги священномученика [Киприана Карфагенского](#) «О зависти и ревности»:

И какой это червь для души, какой яд для помыслов, какая ржавчина для сердца – ревновать доблесть или счастье другого, то есть ненавидеть в нем или собственные его заслуги, или благодеяния Божии, обращать в свое зло благо других, мучиться благополучием знатных людей, славу других делать для себя казнью и к сердцу своему приставлять как бы

неких палачей, к помыслам и чувствам своим приближать мучителей, которые терзали бы их внутренними мучениями. Не радостна для таковых пища, и питье не может быть приятным, они постоянно вздыхают, стонут, скорбят. И как ревность никогда не оставляет завидующего, то сердце, днем и ночью обладаемое ею, терзается непрерывно. И чем более обстоятельства благоприятствуют тому, на кого обращена зависть, тем более завидующий возгорается пламенем зависти. Отсюда – угрюмый вид, суровый взгляд, бледное лицо, дрожащие губы, скрежет зубов, свирепые слова, неистовые ругательства, руки, готовые на убийства и, хотя свободные на время от меча, но вооруженные бешеной завистью, бешеной ненавистью. Поэтому-то Дух Святой говорит в псалмах: «Не ревнуй спящему в пути своем», и еще – «назирал грешный праведного и поскрежещет нань зубы своими, Господь же посмеется ему зане прозирает яко приидет день его».

В конечном итоге Господь всегда останется победителем. Только бы каждому из нас оказаться на стороне Бога, а не на стороне диавола.

Вопросы и ответы

— В конфликте между Давидом и Саулом явно присутствует вмешательство Божие, а между Каином и Авелем – нет. Должны ли мы пытаться понять и объяснить действия Бога, или это не человеческого ума дело? И можем ли мы рассчитывать на вмешательство Божие в нашу жизнь?

— Рассчитывать на то, что Бог будет вмешиваться всегда и во все именно здесь, на земле, нельзя. Есть вещи, которые Он оставляет на жизнь будущую. Мы ведь верим, что жизнь наша не кончается здесь. Господь отвел копье от Давида, потому что сохранил Давида для служения на земле. А от Авеля Бог не отвел руку брата его, потому что Авель сразу же был призван Им в жизнь вечную. Мы не знаем, почему иногда происходит так, а другой раз иначе. Знаем только, что в конце концов каждый человек за перенесенные скорби будет вознагражден Богом, а тот, кто вынашивал злобу или зависть, будет наказан. Иногда такое наказание настигает грешника в жизни настоящей, а иногда в жизни будущей.

— Мне как историку понятно, что двигателем классовой борьбы всегда являлась зависть. Механизм недовольства масс правительством основан на зависти.

— Вспомним, что происходило после революции 1917 года. Сначала было решено уничтожить всю аристократию. Почему? Потому что эти люди были богаты, получили свое богатство по наследству, а бедняки им завидовали. Несомненно зависть была здесь движущей силой. Но она на этом не остановилась. Покончив с аристократией, стали «раскулачивать» тех зажиточных крестьян, которые ничего не получили по наследству, а свое материальное благополучие создали сами. Те, кто работал хуже и заработал меньше, стали завидовать тем, кто работал лучше и получил больше. К чему это привело? Страна превратилась в государство сплошной нищеты, где уже не было ни наследственного дворянства, ни зажиточного крестьянства. Остались одни босяки, голь. Затем стала создаваться своя, советская аристократия – уже на совершенно другой основе. Но потом и ее стали «раскулачивать» и расстреливать.

Сейчас мы видим: то, что было сделано со страной после 1917 года, добрых плодов не принесло. Потому что секрет успеха не в том, чтобы лишить другого человека, сословие, класс того, чего он достиг, но в том, чтобы самому чего-то достичь. И по-настоящему преуспевающим может быть только то общество, где не пытаются отнять у того, кто имеет больше, якобы в пользу обездоленных, но где каждому человеку дается возможность развиваться в ту меру, в какую он способен, где создаются условия для развития материального, духовного и иного потенциала человека. И в мире есть такие государства, где этот принцип действует, и в экономической сфере они гораздо успешнее тех стран, которые из-за «раскулачивания» были ввергнуты в нищету и до сих пор из этой пропасти не могут выкарабкаться.

— Хочу напомнить, что и Иоанна Крестителя подталкивали к тому, чтобы он завидовал Иисусу Христу, но он отверг это искушение...

— Каждый человек, мне кажется, должен знать свое место в жизни, оценивать себя реалистически. Очень часто мы переоцениваем себя, свои силы, свои возможности. Иоанн Креститель прекрасно знал, в чем заключается его миссия: он знал, что призван «приготовить путь Господу, прямыми сделать стези Его» ([Мк. 1:2](#)), то есть подготовить людей к пришествию Христа. И когда Христос пришел, он выразил это понимание в следующих словах: «Ему должно расти, а мне умаляться» ([Ин. 3:30](#)). Это прекрасный пример для любого человека, в том числе и для священника.

В начале поста мы говорили о духовничестве, о том, как священники иногда склонны превышать свою власть, свои полномочия. Есть священнослужители, которые чувствуют себя слишком высоко поставленными, слишком выделенными из среды прихожан. Стоящий на амвоне пастырь ощущает себя как бы отделенным от паствы, и это порождает чувство собственной исключительности. Такого быть не должно – каждый священник должен помнить, что он, как Предтеча, должен приводить людей ко Христу. Но Христу «должно расти», а священнику – «умаляться». Если человек встал на ноги в духовном отношении, нашел свой путь ко Христу, его духовник не должен постоянно вмешиваться, настаивая на исполнении своей воли и своих советов. Подобно Иоанну Крестителю, он должен дать возможность каждому из своих духовных чад свободно идти ко Христу. Когда народ приходил к Иоанну креститься и спрашивал, что делать, Иоанн отвечал: «У кого две одежды, отдай неимущему; у кого есть пища, поделись с ближним». Когда с тем же вопросом пришли сборщики налогов, он сказал: «Ничего не требуйте более определенного вам». Пришли воины – и получили ответ: «Никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованием» ([Лк. 30:10—14](#)). Иоанн Креститель давал простые нравственные советы. И не претендовал ни на что большее.

— Должен ли верующий активно участвовать в социальном переустройстве общества?

— Никакого запрета на активное участие в общественной жизни Церковь ни на кого не налагает. Другое дело, что не у каждого человека есть к этому данные и склонность. Есть Марфы и есть Марии. Есть люди, которые занимаются только тем, что вчитываются в слово Божие, вслушиваются в слова молитв – это, например, монахи, многие из которых не только удалялись от социальной вовлеченности, но вообще уходили из мира и жили в пустынях, где их никто не видел. Казалось, никакой пользы обществу они не приносили, но духовное влияние их на общество было огромно. А есть люди, которые более склонны к активной социальной деятельности. Церковь этого никогда не запрещала, более того – она это поощряла. И участие в политической деятельности Церковь не запрещает. Но, включаясь в активную политическую борьбу, человек должен понимать, на что идет и в какой мир входит, с какими силами может столкнуться. Он должен быть готов к тому, что в какой-то момент ему трудно будет сочетать свои религиозные убеждения с тем, что происходит в мире, с борьбой за выживание, за свое место в обществе или в политике.

Церковь не должна занимать какую-то определенную политическую позицию, поддерживать ту или иную партию или государственный строй. В то же время каждый церковный человек, в том числе и священнослужитель, может придерживаться тех или иных политических взглядов. Церковь, безусловно, должна возвышать голос, когда дело касается жизни людей, когда необходимо «печаловаться» за людей перед гражданскими властями. Церковь может иметь социально активную позицию, но от участия в политической борьбе она воздерживается. Церковь во все времена стремилась быть лояльной гражданским властям, даже если власти были ее гонителями. Церковь существует в этом мире как «соль земли» и «свет мира». Что бы ни происходило, каким бы ни был политический режим в той или иной стране,

Церковь должна искать способ выжить и нести свое духовное свидетельство.

О ДИАВОЛЕ И ДЕМОНАХ

Диавол – существо, которое Бог создал благим, добрым, светоносным (греческое слово «Эосфорос» и латинское «Люцифер» означают «светоносец»). В результате противления Богу, божественной воле и божественному Промыслу светоносец отпал от Бога. С тех пор, как произошло отпадение светоносца и некоторой части ангелов от Бога, в мире появилось зло. Оно не было создано Богом, но было привнесено свободной волей диавола и демонов.

Часто спрашивают: почему Бог допустил зло? Нет ли хотя бы косвенной вины Бога в том, что зло было привнесено в мир? Ответить на этот вопрос трудно. Церковь предлагает нам учение, которое мы должны принять на веру, но которое человеческий ум не в состоянии осмыслить. Единственное, что можно сказать в объяснение этого учения, – давайте смотреть на себя и судить по себе. Каждый из нас – существо, созданное по образу и подобию Божию. Мы это сознаем, сознаем и то, в чем заключается наше религиозное призвание. И тем не менее нередко оказываемся не на стороне Бога, а на стороне диавола, и делаем свой выбор не в пользу добра, а в пользу зла. Нечто подобное произошло и с самим диаволом: созданный благим и светоносным, он добровольно избрал зло и стал врагом Бога.

Отпав от Бога, диавол и демоны стали носителями зла. Означает ли это, что связь между ними и Богом прервалась? Нет. Между Богом и диаволом сохранились личные взаимоотношения, которые продолжаются и сейчас. Мы можем это видеть по начальным страницам Книги Иова, где говорится о том, что диавол предстал перед Богом вместе с ангелами, в числе других «сынов Божиих», и Господь сказал ему: «Обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова?» ([Иов 1:8](#)). Если можно так выразиться, этим вопросом Бог провоцирует диавола на некие действия по отношению к Иову. И сатана говорит: «Да, действительно Иов праведен, верен Тебе, но это потому, что Ты создал для него такие условия; измени эти условия, и он падет, как падают прочие люди». На это Господь ответил ему, что отдает ему тело Иова, но запрещает касаться его души. Одни понимают это повествование как притчу, другие – как реальную историю, но суть дела в том, что, согласно Библии, диавол, во-первых, находится в зависимости от Бога и не свободен в своих действиях, во-вторых, он действует только в тех границах, в которых Бог это ему позволяет.

Каким должно быть отношение христианина к диаволу? Сегодня мы наблюдаем две крайности. С одной стороны, среди современных христиан немало тех, кто вообще не верит в реальность диавола, не верит в его способность влиять на их жизнь. Некоторые думают, что диавол – это мифическое существо, в котором персонифицировано мировое зло. С другой стороны, есть немало людей, которые придают диаволу преувеличенное значение, которые убеждены, что диавол влияет на все стороны жизни человека, и всюду видят его присутствие. Такие верующие постоянно боятся, что диавольские силы так или иначе на них подействуют.

На этой почве существует множество суеверий, от которых не свободны и люди церковные. Придумано множество «народных средств», которые препятствовали бы сатане проникнуть в человека. Например, некоторые люди, зевая, крестят рот, чтобы через него не вошел диавол. Иные успевают за один зевок перекрестить рот трижды. Мне приходилось слышать разговоры о том, что на правом плече у нас сидит ангел, а на левом – бес: осеняя себя крестным знамением, мы крестимся справа налево, перебрасывая ангела с правого плеча на левое, дабы он вступил в борьбу с бесом и победил его (соответственно, католики, которые крестятся слева направо, перекидывают беса на ангела). Кому-то это может показаться смешным и нелепым, но ведь есть люди, которые в это верят. И, к сожалению, это не анекдоты, а реальные разговоры, которые можно слышать в некоторых монастырях, духовных семинариях, приходах. Люди, которые так

мыслят, живут в уверенности, что вся жизнь пронизана дьявольским присутствием. Я слышал однажды, как иеромонах, выпускник духовной академии, учил верующих: когда вы встаете утром, то, прежде чем засунуть ноги в тапочки, перекрестите тапочки, потому что в каждом из них сидит бес. При таком отношении, вся жизнь превращается в пытку, потому что вся она пронизана страхом, постоянным опасением, что человека «испортят», сглазят, что на него наведут нечистую силу и т. д. С христианским отношением к дьяволу все это ничего общего не имеет.

Чтобы понять, каким должно быть истинно христианское отношение к дьяволу, мы должны обратиться, во-первых, к нашему богослужению, к таинствам, и, во-вторых – к учению Святых Отцов. Таинство Крещения начинается с заклинаний, обращенных к дьяволу: смысл этих заклинаний – в том, чтобы изгнать дьявола, гнездящегося в сердце человека. Затем новокрещаемый вместе со священником и восприемниками обращается к западу. Священник спрашивает: «Отрекаешься ли ты от сатаны, и всех дел его, и всего воинства его, и всей гордыни его?», Тот отвечает трижды: «Отрекаюсь». Священник говорит: «Дунь и плюнь на него». Это символ, в котором содержится очень глубокий смысл. «Дунь и плюнь на него» значит «относись к дьяволу с презрением, не обращай на него внимания, он не заслуживает ничего большего».

В святоотеческой, в частности, монашеской, литературе отношение к дьяволу и демонам характеризуется спокойным бесстрашием – иногда даже с оттенком юмора. Можно вспомнить историю о святом Иоанне Новгородском, который оседлал беса и заставил его свозить его в Иерусалим. Вспоминается и история из жизни [Антония Великого](#). К нему пришли путники, которые долго шли через пустыню, и по дороге от жажды у них умер осел. Они приходят к Антонию, а он им говорит: «Что ж вы осла-то не уберегли?» Они с удивлением спрашивают: «Авва, откуда ты знаешь?», – на что тот спокойно отвечает: «Мне бесы рассказали». Во всех этих историях отражено подлинно христианское отношение к дьяволу: с одной стороны, мы признаем, что дьявол – это реальное существо, носитель зла, но, с другой, мы понимаем, что дьявол действует лишь в рамках, установленных Богом, и никогда не сможет эти рамки преступить; более того, человек может взять дьявола под контроль и управлять им.

В молитвах Церкви, в богослужебных текстах и в творениях Святых Отцов подчеркивается, что сила дьявола иллюзорна. В арсенале дьявола есть, конечно, разнообразные средства и способы, с помощью которых он может влиять на человека, у него есть огромный опыт всякого рода действий, направленных во вред человеку, но применить его он может лишь в том случае, если человек ему это позволит. Важно помнить, что дьявол не может ничего нам сделать, если мы сами не откроем ему вход – дверь, форточку или хотя бы щель, через которую он проникнет.

Приведу в пример случай, который произошел лет десять назад. Ко мне обратилась немолодая женщина, учительница литературы. В какой-то газете она прочла, что с помощью иголки, листа бумаги и особых заклинаний можно вызывать духов умерших и беседовать с ними. Она решила вызвать дух Чехова. И, представьте, «Чехов» ей явился. Поначалу все было очень занятно, она даже приглашала гостей и устраивала у себя в квартире «литературные вечера». Но потом «Чехов» начал появляться уже без приглашения, портить мебель, бить посуду; возвращаясь домой, женщина обнаруживала, что все перевернуто вверх дном, обои порваны и т. д. Вся семья была в панике. Муж и дети боялись возвращаться в свою квартиру. Жизнь превратилась в ад, они были на грани самоубийства. К счастью, женщина вовремя поняла, что сама впустила в свою квартиру нечистого духа и теперь не может от него избавиться. Вся семья пришла в церковь. Первое, что я сказал им: «Вы должны перестать бояться». Приехав к ним, я освятил квартиру, потом они исповедовались и причастились. «Чехова» как ветром сдуло.

Это один из примеров, подтверждающих, что, если человек открывает вход дьяволу через

какие-то действия вроде магии, колдовства, лечения у экстрасенсов, либо через наркоманию, алкоголизм и другие формы зависимости, через тяжкие грехи, которые он совершает сознательно, человек оказывается подвержен влиянию темных сил. Если же он твердо стоит на страже своего ума и сердца, своей нравственности, если ходит в церковь, исповедуется и причащается, носит святой крест, то ему не страшны никакие бесовские страхования.

Диавол прекрасно сознает свою немощь и бессилие. Он понимает, что реальной власти воздействовать на людей у него нет. Именно поэтому он старается склонить их к сотрудничеству, к содействию. Найдя в человеке слабое место, он пытается тем или иным способом на него воздействовать, и нередко ему это удается. Прежде всего диавол хочет, чтобы мы боялись его, думая, что он обладает реальной властью. И если человек попадает на эту удочку, он становится уязвимым и подверженным «демонским стреляниям», то есть тем стрелам, которые диавол и демоны пускают в душу человека.

Приведу еще один пример. Пришла как-то ко мне женщина с дочкой, девочкой лет восьми. Девочке постоянно являлись какие-то бесовские существа, пугали ее, она видела их и днем и ночью. Девочка исповедовалась и причащалась, ничего не менялось. А началось все с того, что в каком-то монастыре они купили книжку про диавола. В этой книжке было сказано, что если диавол на какого-то человека напал, то уже не отстанет никогда, и средств избавления от него нет никаких, разве что «отчитывание», но и оно не всегда помогает. Они, конечно, от всего переживаемого были в шоке. Я побеседовал с девочкой, спросил ее: «Ты боишься их»? – «Боюсь». – «А ты можешь в следующий раз, как только они тебе явятся, сказать им: «Я вас не боюсь, я на вас не обращаю внимание, у меня своя жизнь, у вас своя, убирайтесь вон». И живи так, как будто их вовсе не существует». Примерно через неделю мать с дочкой снова пришли и говорят: «Они исчезли». Значит, единственное средство, которым в данном случае обладал сатана, был страх. Он хотел, запугав ребенка, сделать его своей жертвой.

Приходится сожалеть о том, что книжки и брошюры, в которых роль диавола всячески преувеличивается, издаются и продаются в церковных лавках. Происходит это от невежества, от духовной нечуткости, от незнания учения Святых Отцов. Православное учение о диаволе выражено преподобным Иоанном Дамаскиным в тридцати строках. А наши доморощенные богословы пишат книжку за книжкой о диаволе и демонах, запугивают народ Божий, портят людям жизнь.

Вход диаволу в душу человека открывают, как я уже сказал, магия, чародейство, лечение у экстрасенсов и колдунов. Я не утверждаю, что все экстрасенсы и так называемые «народные целители» действуют исключительно под влиянием демонических сил. Но в подавляющем большинстве это люди, в чьих руках концентрируются силы и энергии, природу которых они сами не знают. Нередко, исцеляя одно, они повреждают другое. Были случаи, когда человек избавлялся с их помощью от головных болей, но при этом делался психически больным. И самое ужасное, что эти «целители» делают человека зависимым от себя, а всякая форма зависимости – это та самая дверь, через которую может проникнуть диавол. Наркотическая, алкогольная, сексуальная, психическая и иные формы зависимости представляют огромную духовную опасность. Христиане должны всячески заботиться о том, чтобы ни от чего в этой жизни не быть в зависимости, чтобы духовно и телесно быть максимально свободными. Человек, который контролирует свой рассудок, свое сердце, свои поступки, всегда может противостоять сатане. Тот же, кто оказывается рабом какой-либо страсти или порока, становится неспособным отразить натиск диавола.

Вы можете спросить: насколько диавол вообще способен воздействовать на нашу мысль? Насколько он вообще знает, что происходит в наших мыслях и в нашем сердце? Насколько он компетентен в вопросах духовной жизни? У меня сложилось убеждение – отчасти под влиянием

того, что я читал у Святых Отцов, отчасти на основе личных наблюдений, – что у дьявола нет прямого знания о наших внутренних процессах. В то же время, будучи весьма опытным, – он ведь в течение истории имел дело с миллиардами людей и с каждым «работал» индивидуально, – он использует эти свои навыки и по внешним признакам распознает, что происходит у человека внутри. И ищет наиболее уязвимые места. Скажем, когда человек пребывает в унынии, дьяволу очень легко воздействовать на него. Но единственное, на что дьявол способен, – это подбросить человеку какой-либо греховный помысел, например, мысль о самоубийстве. И делает он это не потому, что ему открыт внутренний мир человека, его сердце, но лишь ориентируясь на внешние признаки. Внушив человеку какие-то помыслы, дьявол не способен проконтролировать, что произойдет с ними дальше. И если человек умеет различать, какая мысль пришла от Бога, какая от его собственного человеческого естества, а какая от дьявола, и отвергать греховные мысли при самом их появлении, дьявол ничего сделать не сможет. Дьявол становится сильнее по мере того, как греховный или страстный помысел проникает в человеческий ум.

У Святых Отцов есть учение о постепенном и поэтапном проникновении греховного помысла в душу человека. С этим учением вы можете познакомиться, прочитав «Добротолюбие» или «Лествицу» святого Иоанна Синайского. Суть этого учения в том, что греховный или страстный помысел поначалу появляется лишь где-то на горизонте человеческого ума. И если человек, как говорят Отцы Церкви, «стоит на страже своего ума», он может отвергнуть этот помысел, «дунуть и плюнуть» на него, и он исчезнет. Если же человек заинтересуется помыслом, начнет рассматривать его, беседовать с ним, он завоевывает в уме человека все новые и новые территории – до тех пор, пока не охватит все его естество, – душу, сердце, тело, – и не подвигнет на совершение греха.

Путь дьяволу и демонам к душе и сердцу человека открывают различного рода суеверия. Хотел бы подчеркнуть: вера прямо противоположна суеверию. С суевериями Церковь всегда вела жесткую борьбу – именно потому, что суеверие – суррогат, подмена истинной веры. Истинно верующий человек сознает, что есть Бог, но есть и темные силы; он разумно и сознательно строит свою жизнь, ничего не боится, возлагая всю надежду на Бога. Суеверный человек – по слабости, или по глупости, или под влиянием каких-либо людей или обстоятельств – подменяет веру набором верований, примет, страхов, из которых складывается какая-то мозаика, которую он и принимает за религиозную веру. Нам, христианам, надлежит всячески гнушаться суевериями. Нужно относиться ко всякому суеверию с тем презрением, с каким мы относимся к дьяволу: «Дуни и плюни на него».

Вход дьяволу в душу человека открывается и через грехи. Конечно, мы все грешим. Но грех греху рознь. Есть человеческие слабости, с которыми мы боремся, – то, что мы называем мелкими грехами и пытаемся преодолеть. Но есть грехи, которые, даже совершенные один раз, открывают ту дверь, через которую дьявол проникает в ум человека. К этому может привести любое сознательное нарушение нравственных норм христианства. Если человек систематически нарушает, например, нормы супружеской жизни, он теряет духовную бдительность, теряет трезвение, целомудрие, то есть целостную мудрость, которая защищает его от нападений дьявола.

Опасна, кроме того, всякая раздвоенность. Когда человек, подобно Иуде, начинает, помимо основной ценности, составляющей религиозную сердцевину жизни, прилепляться к другим ценностям, и его совесть, его ум и сердце раздваиваются, человек становится весьма уязвимым для действия дьявола.

Я уже упомянул о так называемом «отчитывании». Хотел бы остановиться несколько подробнее на этом явлении, имеющем глубокие исторические корни. В Древней Церкви, как

известно, существовали экзорцисты – люди, которым Церковь поручала изгонять бесов из одержимых. Церковь никогда не воспринимала беснование как психическую болезнь. Мы знаем из Евангелия немало случаев, когда в человеке поселялся бес, несколько бесов, или даже целый легион, и Господь Своею силою их изгонял. Затем дело изгнания бесов продолжили апостолы, а позже – те самые экзорцисты, которым Церковь поручала эту миссию. В последующие столетия служение экзорцистов как особое служение внутри Церкви практически исчезло, но все-таки сохранялись (и до сих пор сохраняются) люди, которые занимаются изгнанием бесов из одержимых либо по поручению Церкви, либо по собственной инициативе.

Нужно знать, что, с одной стороны, бесноватые – это реальность, с которой Церковь сталкивается в повседневной жизни. Действительно, есть люди, в которых живет бес, проникший в них, как правило, по их вине – потому что они тем или иным способом открыли для него доступ внутрь себя. И есть люди, которые молитвой и специальными заклинаниями, подобными тем, что священник читает перед совершением таинства Крещения, изгоняют бесов. Но на почве «отчитывания» существует множество злоупотреблений. Я, например, видел двух молодых иеромонахов, которые по собственному почину занимались изгнанием бесов из одержимых. Иногда они оказывали эту услугу друг другу – один отчитывал другого в течение двух часов. Никакой видимой пользы от этого не было.

Известны случаи, когда священники самовольно берут на себя роль экзорцистов, начинают привлекать бесноватых и создают вокруг себя целые общины. Не сомневаюсь в том, что есть священнослужители, владеющие божественной исцеляющей силой и действительно способные изгонять из людей бесов. Но у таких священнослужителей должна быть на это официальная санкция Церкви. Если человек возлагает на себя такую миссию по собственной инициативе, это чревато большими опасностями.

Однажды в частной беседе один достаточно известный экзорцист, православный священнослужитель, вокруг которого собираются толпы людей, признался: «Я не знаю, как это происходит». Кому-то из посетителей говорил: «Если у тебя нет уверенности в том, что ты действительно бесноватый, лучше туда не приходи, а то бес может выйти из другого человека и войти в тебя». Как видим, даже этот известный и уважаемый экзорцист не владел в полной мере теми процессами, которые происходят на почве «отчитывания», и не вполне понимал «механику» изгнания бесов из одного человека и вхождения их в другого.

Нередко люди с теми или иными проблемами – психическими или просто жизненными – приходят к священнику и спрашивают, могут ли они поехать к такому-то старцу на отчитку. Ко мне однажды обратилась женщина: «Мой пятнадцатилетний сын меня не слушается, я хочу его повезти на отчитку». То, что ваш сын непослушный – ответил я, – еще не означает, что в нем бес. Непослушание в какой-то степени даже естественно для подростков – через это они взрослеют, самоутверждаются. Отчитка – не панацея от жизненных трудностей.

Бывает также, что у человека появляются признаки психического заболевания, а близкие видят в этом влияние бесов. Конечно, психически больной человек более уязвим для действия бесов, чем человек духовно и умственно здоровый, но это еще не значит, что он нуждается в отчитке. Для лечения психически больных необходим психиатр, а не священник. Но очень важно, чтобы священник умел различать явления духовного и психического порядка, чтобы не принимал психическую болезнь за беснование. Если он пытается исцелять дефекты психики путем отчитывания, результат может быть обратный, прямо противоположный ожидаемому. Человек с неуравновешенной психикой, попадая в ситуацию, где люди кричат, визжат и т. п., может нанести непоправимый вред своему духовному, душевному и психическому здоровью.

В заключение хотел бы сказать о том, что действие, власть и сила дьявола имеют временный характер. На какое-то время дьявол отвоевал себе у Бога некую духовную

территорию, некое пространство, на котором он действует так, будто является там господином. По крайней мере, он старается создать иллюзию того, что есть область в духовном мире, где он властвует. Таким местом верующие считают ад, где оказываются люди, погрязшие в грехах, не принесшие покаяние, не вставшие на путь духовного совершенствования, не обретшие Бога. В Великую субботу мы услышим замечательные и очень глубокие слова о том, что «царствует ад, но не вечнует над родом человеческим», и о том, что Христос Своим искупительным подвигом, Своей [смертью](#) на кресте и сошествием во ад уже одержал победу над диаволом – ту самую победу, которая станет окончательной после Его Второго пришествия. И ад, и смерть, и зло продолжают существовать, как они существовали до Христа, но им уже подписан смертный приговор, диавол знает, что его дни сочтены (я говорю не о его днях как существа живого, но о той власти, которой он временно располагает).

«Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим». Это означает, что человечество не всегда будет находиться в том положении, в котором находится сейчас. И даже тот, кто оказался в царстве диавола, в аду, не лишается любви Божией, потому что и в аду присутствует Бог. Преподобный Исаак Сирийский называл богохульным мнение о том, что грешники в аду лишены любви Божией. Любовь Божия присутствует всюду, но она действует двояко: на тех, кто находится в Царстве Небесном, она действует как источник блаженства, радости, вдохновения, для тех же, кто находится в царстве сатаны, это бич, источник мучений.

Мы должны помнить и о том, о чем говорится в Откровении святого Иоанна Богослова: окончательная победа Христа над антихристом, добра над злом, Бога над диаволом, будет одержана. В Литургии Василия Великого мы слышим, что Христос сошел Крестом во ад, чтобы разрушить царство диавола и привести всех людей к Богу, то есть Своим присутствием и благодаря Своей крестной смерти Он пронизал Собою все то, что мы субъективно воспринимаем как царство диавола. А в стихирах, посвященных Кресту Христову, мы слышим: «Господи, оружие на диавола Крест Твой дал еси нам»; там же говорится, что Крест – это «ангелов слава и демонов язва», это орудие, перед которым трепещут демоны, «трепещет и трясется» диавол.

Значит, мы перед диаволом не беззащитны. Наоборот, Бог делает все, чтобы максимально оградить нас от влияния сатаны, Он дает нам Свой Крест, Церковь, таинства, Евангелие, христианское нравственное учение, возможность постоянного духовного совершенствования. Он дает нам такие периоды, как Великий пост, когда мы можем особое внимание уделять духовной жизни. И в этой нашей духовной борьбе, в борьбе за самих себя, за наше духовное выживание, Бог Сам находится рядом с нами, и Он будет с нами во все дни до скончания века.

Вопросы и ответы

— У меня вопрос по поводу компьютерных игр. Есть игра, которая называется «Диаболо», ею увлечены сейчас многие дети и подростки. Как к этому относиться?

— Компьютерные игры опасны прежде всего потому, что это род зависимости – ребенок может привыкнуть к играм, как к наркотику. Он начинает жить в иллюзорном мире вместо того, чтобы жить в мире реальном, и чем больше он приобретает в мире иллюзорном, тем больше утрачивает в мире реальном. В иллюзорном мире он побеждает своих врагов одного за другим, они падают, обливаясь кровью, в реальном же мире он беспомощен. Более того, многие игры воспитывают в человеке безнравственные инстинкты, жестокость. Бывает, что в самой игре уже заложено нечто демоническое, то есть она так устроена, что человек невольно подвергается воздействию диавола. Надо стараться оберегать от этого детей. Но нельзя держать детей как в тюрьме, под замком, все им запрещать, ничего не позволять. В детях нужно воспитывать

способность самостоятельно отличать добро от зла. С раннего возраста нужно прививать ребенку любовь к прекрасному и учить гнушаться всем безнравственным, демоническим. Вообще религиозное воспитание ребенка должно состоять именно в том, чтобы научать его ориентироваться в многообразной и сложной области духовных явлений.

— *В мировой литературе есть такой сюжет: человек продает свою душу дьяволу. Как Вы считаете, это относится только к гениям или касается и простых смертных?*

— Для того, чтобы продаться дьяволу, вовсе не обязательно быть гением. Человек продается сатане, когда сознательно отвергает то, что предлагает ему Бог. Но к людям одаренным дьявол приступает с особенным усердием, потому что понимает: такой человек может влиять на тысячи людей. Массовое воздействие демонических сил происходит, например, через некоторых рок-музыкантов, которые сами по себе, может быть, и талантливы, но поставили свой талант на службу темным силам и человеческим страстям. Их музыка возбуждает в человеке звериные, хищнические инстинкты. Я не хотел бы, впрочем, чтобы мои слова были понятны в том смысле, что любой эстрадный певец – это служитель дьявола. Есть и среди эстрадных певцов люди верующие и благочестивые.

— *Как в Западной, так и в Восточной Европе в последние годы активизировались сатанинские секты. В чем причина увлечения сатанизмом?*

— Причина того, что люди, особенно молодежь, попадают в эту паутину, – пустота, которая существует в каждом человеке и которую заполнить может только Бог. Если человек выходит на путь к Богу, эта пустота постепенно заполняется. А если встреча с Богом не происходит, то чувство пустоты, бессодержательности и бесцельности жизни остается. Если пустота не заполнена Богом, она заполняется чем-то другим, какими-то суррогатами. Вспомните притчу Христа о том, как из души человека был изгнан нечистый дух, а потом эта душа стала, словно горница выметенная и убранная, и дьявол взял с собою «семь других духов, злейших себя» и снова вселился в эту душу. «И бывает для человека того последнее хуже первого» ([Лк. 11:24—26](#)). Эта притча о той самой пустоте, которая заполняется либо Богом, либо темными силами.

— *Что будет происходить с грешниками до Второго Пришествия Христа?*

— Предположений и частных мнений на этот счет много. Единственное, что на эту тему можно сказать с определенностью – это то, что Бог «хочет всем спастись и в разум истины прийти». И до тех пор, пока человек существует, – будь то здесь, или в ином мире, – для него сохраняется надежда на спасение. Именно потому мы молимся об усопших, «о иже во аде держимых». И мы верим, что до тех пор, пока не произошло окончательное разделение на «овец» и «козлищ», пока не состоялся Страшный суд, в судьбе каждого человека возможны перемены.

Сегодня я хотел бы сказать несколько слов о спасении в миру: не о спасении «от мира», но о том, как, живя в миру, пользоваться тем, что предлагает мир, для духовной пользы. Мне бы хотелось вместе с вами подумать о том, как мы можем и как должны воспринимать окружающий нас мир. Начну с цитаты из анонимного раннехристианского текста, который называется «Послание к Диогнету» и датируется предположительно II веком:

Христиане не отличаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями. Они не населяют где-либо особенных городов, не употребляют какого-либо необыкновенного языка и ведут жизнь, ничем не отличную от других. Только их учение не есть плод мыслей и изобретения людей, ищущих новизны, они не привержены какому-либо учению человеческому, как другие, но, обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни. Живут они в своем отечестве, но как пришельцы. Имеют участие во всем как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество – чужая страна... Одним словом, что в теле душа, то в мире христиане. Они любят всех и всеми бывают преследуемы. Их не знают, но осуждают. Они всего лишены, но всем изобилуют. Их бесчестят, но они тем прославляются. Клеветают на них, но они оказываются праведны. Злословят, а они благословляют. Их оскорбляют, а они воздают почетом. Они делают добро, но их наказывают, как злодеев. Будучи наказываемы, радуются, как будто бы им давали жизнь.

Итак, «что в теле душа, то в мире христиане». Каждый из нас, христиан, помещен Богом в определенный исторический и локальный контекст. Мы живем в конкретном городе, в конкретную эпоху, нас окружают конкретные люди, на жизнь нашу влияют конкретные обстоятельства. И слова Христа «вы – соль земли», «вы – свет мира» – относятся к нашей жизни в мире сем. Мы не призваны отречься от мира, отвергать мир, гнушаться миром: мы призваны, живя внутри мира, быть «солью земли» и «светом мира», то есть, как душа в теле, оживотворять мир, преображать его. Но чтобы быть способными оказывать положительное влияние на мир, надо научиться правильно пользоваться всем тем, что мир сей предлагает нам. Надо научиться творчески подходить к миру. Говоря сегодня о жизни в миру, я буду не только излагать собственные мысли, но и комментировать некоторые высказывания одного из замечательных пастырей XX столетия – священника Александра Ельчанинова. Вся сознательная жизнь этого человека была связана с Православной Церковью. Юность он провел в Грузии и России, священником стал в эмиграции. Он не написал значительных богословских трудов, но от него остались разрозненные дневниковые записи, собранные в книжку после его смерти. Отец Александр всю жизнь провел в миру, среди людей, и достиг больших духовных высот. Вот одна из его мыслей о том, как христианин должен воспринимать окружающий мир:

Условия, которыми окружил нас Господь, – это первая ступень в Царствие Небесное, это единственный для нас путь спасения. Эти условия переменятся тотчас же, как мы их используем, обративши горечь обид, оскорблений, болезней и трудов в золото терпения, безгневия и кротости... Постоянно, ежедневно, ежечасно Бог посылает нам людей, обстоятельства, дела, с которых должно начаться наше возрождение, а мы оставляем их без внимания, и этим ежечасно противимся воле Божией о себе. В течение всей нашей жизни Господь помогает нам, посылая тех или иных людей, те или иные обстоятельства. Если бы мы каждый час нашей жизни принимали как час воли Божией о нас, как решающий, важнейший, единственный час нашей жизни, какие дотоле скрытые источники радости, любви и силы

открылись бы на дне нашей души!

Вот ключ к христианскому восприятию окружающей нас действительности: всегда видеть во всем, что с нами происходит и что нам сопутствует, промыслительный перст Божий. Ибо ничто в нашей жизни не происходит случайно. Если мы поставлены в определенные условия, если оказываемся в трудных обстоятельствах, это значит, что Богу так угодно. Посылая нам благодеяние или испытание, Бог каждый раз ставит перед нами те или иные задачи, которые нам предстоит решить. Радость и скорбь, здоровье и болезнь, друзей и врагов – все это Бог посылает нам для научения и совершенствования, и мы должны учиться извлекать из всего этого пользу, использовать это для духовного возрастания.

Другой ключ к духовной жизни – всегда находиться на той глубине, где происходит таинственная встреча нашей души с Богом. Если мы не познаем эту глубину, мы не сможем стать настоящими, полноценными христианами. Внешние обстоятельства жизни могут меняться; на внешнем уровне могут происходить различные вещи, но главное – то, что происходит внутри человека. Если мы не научимся тому, что Отцы Церкви называли «внутрипробытием», мы рискуем остаться на поверхности христианской жизни, так и не поняв, в чем суть того пути, идти по которому мы призваны.

В жизни всегда так много того, что нас пугает или вызывает беспокойство, раздражение, негодование. Если человек не умеет отрешаться от всего этого, если он позволяет обстоятельствам «засосать» себя, поглотить, ему никогда не удастся достичь того внутреннего глубокого покоя, в котором заключается тайна христианской жизни и тайна встречи между человеком и Богом. Когда внешние обстоятельства заслоняют то, что происходит на глубине, тогда у человека не остается сил на то, чтобы работать над собой, на то, чтобы возделывать землю своего сердца.

Работа над собой и над своими анархически автономными нервами очень облегчается, – пишет отец Александр Ельчанинов, – делается совсем легкой от правильной установки внимания и воображения. Мы непременно будем спотыкаться на каждом пустяке, пока в нашей душе не станет отчетливо, ярко и убедительно то, что не пустяк, когда влечение к этому главному всей душой, всем сердцем, всем разумением поставит на место те пустяки, которые отравляют нам повседневную жизнь.

Многие люди настолько зациклены на внешних, иногда и в самом деле «пустячных», обстоятельствах, что вся их жизнь превращается в непрерывную погоню за чем-то заведомо недостижимым. Они все время ждут «лучших времен»: вместо того, чтобы насладиться нынешним днем и нынешним часом, – часом, когда Господь рядом, потому что Он всегда рядом с нами, – эти люди живут иллюзорными надеждами на лучшее будущее. Но жизнь проходит, и будущее не успевает наступить, как уже уходит в прошлое. А человек скользит по поверхности жизни, не успевая сойти в те глубины, где только и стоит жить, где жизнь обретает свою изначальную ценность. Как возможно в наш век, когда темп жизни ускорен до предела, время до крайности спрессовано и, как кажется, летит гораздо быстрее, чем в прежние эпохи, – как возможно сохранять духовное равновесие, внутренний покой? Единственным способом: схождением в глубины – в глубины собственной внутренней жизни, туда, где душа соприкасается с Богом.

Пугает течение времени, когда стоишь на месте, – пишет Ельчанинов. – Надо погрузиться в глубину, где время безразлично.

Еще один ключ к духовной жизни – правильная расстановка приоритетов. Очень важно, чтобы в жизни человека все было поставлено на свои места, чтобы была соответствующая иерархия ценностей. Часто человек нервничает, раздражается, испытывает неудовлетворенность именно потому, что на первое место ставит то, что должно стоять, может быть, на десятом,

забывая о главном – о предстоянии перед Богом. Если душа человека предстоит перед Богом, у него нет причин нервничать, беспокоиться, раздражаться, волноваться, потому что душа его уже обрела «единое на потребу» и упокоилась в предстоянии Богу.

Это предстояние Богу должно быть постоянным – даже не фоном, скорее – стержнем жизни. Когда в человеке есть крепкий внутренний стержень, тогда не страшны ему никакие невзгоды, которые могут с ним приключиться. *Наша жизнь на земле, – говорит Ельчанинов, – есть подобие высшей жизни.*

И наша задача здесь, на земле – все более и более приближаться к тому образу и подобию, по которым мы созданы Самим Богом. Мы должны ежедневно словно бы расчищать в себе образ Божий, оскверненный грехами и всей той суетой, которая нас окружает. Ставя главное на первое место, а второстепенное – на второе, мы можем, живя среди суеты мира сего, из всего извлекать духовную пользу. В мире сем не так много вещей, которые по своему качеству были бы или безусловно отрицательными, или безусловно положительными. Как правило, все, что нас окружает, может приносить нам как пользу, так и вред. Если мы научимся извлекать пользу из всего, что нас окружает, весь мир вокруг нас преобразится. Мы увидим, что, не уходя, подобно Марии Египетской, в пустыню, не живя в монастыре, не предпринимая каких-то особых аскетических усилий, но просто живя в этом мире, мы можем достичь духовных высот. В связи с этим хотелось бы затронуть несколько вполне конкретных тем. Большинство из нас живет в городе, нам редко удастся выбираться на природу. И все-таки бывают у нас просветы – выходные, отгулы, отпуск – когда мы можем, отрешившись от всего и забыв обо всем, куда-нибудь уехать на день-два, на несколько дней или недель, чтобы побыть наедине с природой. Это очень важный опыт, которым не нужно пренебрегать, потому что, живя в условиях большого, многомиллионного города, мы невольно оказываемся вовлеченными в его искусственный ритм – ритм погони за материальными благами. Когда хотя бы на несколько дней удастся нам вырваться из этого круга, мы чувствуем дыхание вечности, соприкасаемся с природой, в которой присутствует и дышит Сам Бог. Находясь в лесу, в горах, на берегу реки или на берегу моря, мы можем вслушиваться в это дыхание Духа Святого, Который в момент сотворения земли, неба и моря «носился над водою», Который и сейчас все Собою пронизывает и оживотворяет.

Еще одна тема – образование, наука, ученость. Каждый из нас имеет ту или иную «специальность»: в той или иной области мы что-то знаем. Всякая наука и всякая специализация могут иметь утилитарное, прикладное значение: в этом смысле они нейтральны по отношению к духовной жизни. Но наука, – коль скоро она раскрывает глубины мироздания, открывает законы, действующие среди людей, в природе, в космосе, – может обрести религиозный смысл, она может открывать нам Бога. И чем глубже мы погружаемся в ту или иную науку, тем больше она может способствовать богопознанию. Как сказал один мыслитель, «малое знание уводит от Бога, большое возвращает к Нему». У человека с узким кругозором, с ограниченными познаниями нередко и религиозные представления бывают примитивными. Многие Отцы Церкви, такие как Григорий Богослов, Василий Великий, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, тратили годы и десятилетия на то, чтобы овладеть науками и познаниями в разных областях – философии, риторике, медицине, астрономии, математике, геометрии. Они были одними из самых образованных людей своего времени. Потом, став священнослужителями, они все свои знания отдавали на служение Богу, Церкви и людям.

Существует взгляд, согласно которому вера и наука несовместимы: образованность и ученость якобы вообще чужды Церкви христианской, где все берется простотой и смирением. Существует страх перед диалогом, обменом мнениями, перед разумом как таковым. Даже к богословской науке некоторые относятся с недоверием. На эту тему можно было бы многое

говорить, но я думаю, что достаточно будет привести здесь слова отца Александра Ельчанинова:

Обычный в наше время страх перед мыслью, философией, богословствованием никак нельзя оправдать ни Евангелием, ни Святыми Отцами, которые очень много размышляли и рассуждали. Я не могу припомнить ни одного Святого Отца, у которого был бы страх перед человеческим разумом, рассуждением, различием мнений...

Еще одна важная тема – материальные блага. Хотя Христос сказал, что трудно богатому войти в Царство Небесное, это не значит, что богатство само по себе является препятствием к духовной жизни: препятствием является порабощенность человека материальным благам. Можно быть нищим, но всю жизнь превратить в погоню за деньгами; можно, не имея денег, непрестанно томиться жаждой их. А можно, наоборот, быть достаточно обеспеченным, но использовать свое богатство для пользы ближних, делиться с ними. Богатый человек из притчи Христа о богаче и Лазаре не за то оказался в аду, что был богат, но за то, что, проходя мимо нищего, лежавшего у его ворот, не замечал его.

Есть разные виды богатства, которые могут как препятствовать, так и способствовать достижению Царства Небесного. Отец Александр Ельчанинов говорит:

Не нужно думать, что есть только один вид богатства – деньги. Можно быть богатым богатством молодости, иметь сокровища таланта, дарований, обладать капиталом здоровья. Все эти богатства тоже препятствия к спасению. Богатство материальное порабощает нас, обостряет наш эгоизм, смущает наше сердце, гнетет нас заботами, страхами, требует жертв себе, как ненасытный демон. Не оно служит нам, а мы обычно служим ему. Но не то же ли с богатствами здоровья, силы, молодости, красоты, таланта? Не так ли и они усиливают нашу гордость, берут в плен наше сердце, отводя его от Бога? Но как же быть, если Бог послал нам то или иное из земных богатств? Неужели мы не спасемся, пока не освободимся от него? Можно оставить при себе, но не для себя свое богатство и спастись, но только надо внутренне освободиться от него, оторвать от него свое сердце, владеть своим богатством как бы не владея, обладать им, но не давать ему обладать собой, принести его к ногам Христа и послужить Ему им.

Телесное здоровье отец Александр Ельчанинов называет богатством. Не правы те, кто считает, что христианину противопоказано заботиться о своем здоровье, заниматься спортом. Еще в III веке [Климент Александрийский](#) говорил: «Юношам полезны гимнастические состязания, а также игра в мяч: все это укрепляет тело». Здоровье телесное способствует гармоничному росту и возрастанию человека. Древнегреческие воспитательные системы уделяли развитию тела такое же внимание, как и духовному развитию. Поэтому христианин может и должен заботиться о своем здоровье, о своем теле. И если нас посетила болезнь, мы не должны оставлять ее «на волю Божию»: надо идти к врачу и выполнять его предписания. Это, казалось бы, столь очевидная вещь, что и говорить о ней не следует, но ведь есть у нас в Церкви «ревнители», которые считают лечение у врачей грехом и призывают в случае болезни лишь молиться и уповать на Божию милость.

Что же касается духовного значения болезни, то нередко бывает, что болезнь посылается нам для духовного оздоровления. Как правило, мы живем в ритме, который не оставляет пауз, необходимых для того, чтобы сосредоточиться, собраться с мыслями, осмыслить свое прошлое, попытаться услышать голос Божий. Отец Александр Ельчанинов много болел и умер, не дожив до пятидесяти лет. Незадолго до смерти, будучи уже тяжело больным, он написал такие строки:

Болезнь – самое благоприятное время для возвращения в свое сердце, к Богу, с выздоровлением эта возможность опять отходит в бесконечную даль. Болезнь – вот школа смирения, вот, где видишь, что нищ и наг и слеп.

Не только болезнь, но и старение, старость могут стать источником духовной пользы.

Часто огорчаешься, – пишет отец Александр, – замечая, что близкие тебе люди поблекли, постарели. Но ведь это есть истлевание человеческой душевной стихии, которая открывает путь к подниманию из глубины сил благодатных, духовных. То цветение, умаление которого мы с болью в себе и других видим, блеск глаз, румянец щек, грудные мелодичные голоса, – все это цветение нашей плотской душевной стороны, и оно не ценно. Чем больше внешне человек теряет, тем более внутренне возрождается. Но хорошо, если так, хорошо, если постарение не ведет к унынию, страху старости и смерти, к духовному упадку.

Людям, находящимся на пороге старости или уже переступившим этот порог, надо благодарить Бога за то, что они достигли преклонных лет, за то, что прожили жизнь, которая их чему-то научила. А годы старости надо использовать для исправления ошибок молодости, для приближения к Богу, что пожилому человеку во многих отношениях бывает легче, чем молодому, – хотя бы потому, что меньше остается соблазнов, искушений, больше времени, больше покоя.

Перейдем к следующему вопросу. Как относиться к светским развлечениям – театру, кино, телевидению? Невозможно, конечно, дать здесь рецепт на все случаи жизни. Но нужно помнить, что ни театр, ни кино, ни телевидение Церковь в принципе не отвергает. Конечно, в сочинениях некоторых Святых Отцов, в частности, у святителя Иоанна Златоуста, можно встретить немало горьких и резких слов в адрес театра. Но нужно знать, что театр времен Иоанна Златоуста был местом, где совершались языческие представления. В театрах происходили гладиаторские бои: сцена становилось местом убийства – не сыгранного актерами, а реального убийства реального человека, которое совершилось на глазах у публики. Поэтому отождествлять современный театр, кино и телевидение с театром, о котором говорил Иоанн Златоуст, неправомерно. Однако и в современном кино и телевидении есть немало такого, на что христианину смотреть не следует. Фильмы ужасов, фильмы, содержащие пропаганду насилия и убийства, фильмы, пропагандирующие разврат, – все это противоречит христианской морали.

Вообще к телевизору следует относиться с осторожностью, выбирая только те программы, которые не вредят духовному здоровью: новости, научно-познавательные передачи, содержательные в художественном и нравственном отношении фильмы. И детям, как мне кажется, не надо запрещать смотреть телевизор, но их нужно учить самостоятельно разбираться в том, что стоит, а чего не стоит смотреть. Для многих людей телевизор стал средством, с помощью которого можно оторваться от реальности, уйти в иллюзорный мир или просто «убить время». Нередко люди, приходя на исповедь, каются в том, что смотрели телевизор. Я думаю, грех заключается не в том, что человек смотрит телевизор, но в том, что он бездарно растрчивает собственное драгоценное время. Никому не известно, сколько каждому из нас осталось жить: может быть, кому-то и совсем немного. Человек, знающий, что завтра умрет, вряд ли стал бы сегодня смотреть фильм ужаса. Растрчивать, «убивать» время – великий грех. Но посмотреть высокохудожественный фильм, который нас чему-то научит, что-то откроет нам о жизни, о любви, о дружбе, о верности – это, конечно, не грех, как не грех читать художественную литературу, читать светскую поэзию или слушать светскую музыку, потому что из всего этого можно извлечь пользу. По поводу светской музыки прекрасно сказал митрополит Сурожский Антоний:

Мы можем смотреть на партитуру, но если мы не музыканты, мы ничего не видим, кроме листа бумаги и знаков, которые нам не постижимы. Мы можем читать ноты, но только читать, не связывая в настоящую мелодию. Мы можем развиваться и глазами читать знаки, а внутренним нашим слухом слышать мелодию. Если мы слушаем эту же партитуру на концерте, мы можем уйти в звуки, звуки могут нас унести куда-то, и через эти звуки мы

можем приобщиться к миру иному. За этими звуками стоит композитор с его опытом не музыки, а жизни, с опытом самого себя, с опытом красоты и безобразия, радости и горя, надежды и отчаяния, с опытом всей глубины человеческой жизни – и своей, и чужой. А за этим еще лежит весь простор жизни... целое море...

Очевидно, можно научиться и музыку слушать, и стихи читать, и даже телевизор смотреть так, чтобы все это выводило нас к каким-то новым рубежам, открывало новые горизонты, духовно обогащало и помогало видеть богатство и глубину мира, которые отражены в искусстве. Но и здесь надо быть предельно разборчивым и видеть, какие виды искусства способствуют, а какие явно препятствуют духовному возрастанию человека. Есть, например, такие виды современной музыки, как тяжелый рок, который разрушительно действует на душу, психику и сознание: вовлекая человека в противоестественный ритм, он лишает его возможности жить естественно и просто, в гармонии с самим собой и природой.

Следующий вопрос: как относиться к тому, что предлагает нам мир компьютеров? Нет сомнения, что компьютер чрезвычайно полезен человеку думающему, пишущему, занимающемуся научными изысканиями. Компьютер облегчает и упрощает человеческий труд. В этом смысле появление в конце XX века компьютеров – великий подарок тем людям, которым раньше приходилось писать от руки или печатать на машинке, много раз переписывая или перепечатывая одни и те же тексты. Компьютер облегчает и удешевляет доступ к информации. Теперь уже нет нужды покупать дорогостоящие справочники и словари: их можно найти на компактных дисках или в Интернете. Но в мире компьютеров для христианина кроются и большие опасности. В частности, Интернет представляет собой царство вседозволенности, где право высказывания предоставлено любому человеку, вне зависимости от его нравственных установок. В Интернете вообще нет никаких ограничений, кроме коммерческих. Войдя в Интернет, человек становится полностью открытым для всякого рода соблазнов: он может натолкнуться на такие вещи, соприкосновение с которыми осквернит его. Поэтому, заходя в это царство, христианин должен быть особенно внимательным, особенно трезвенным, чтобы вовремя закрыть глаза на то, чего он не должен видеть. Многие сегодня увлекаются компьютерными играми, и это весьма пагубное явление. К концу XX века у человечества накопилось слишком много проблем, с которыми оно не справляется: для того, чтобы уйти от их решения, оно изобрело «виртуальную реальность», где можно забыться. И для каждого человека, не справляющегося с трудностями реальной жизни, появилась возможность погрузиться в жизнь виртуальную, иллюзорную, выдуманную. Компьютерные игры по своей сути мало чем отличаются от алкоголя или наркотиков – они тоже дают ощущение выхода из реальности. Человек может быть глубоко несчастлив в «реальной реальности»: он может быть неудачником, у которого все в жизни не клеится. При этом в «виртуальной реальности» тот же человек превращается в удачливого бойца, побеждающего своих соперников, в игрока, поражающего одну цель за другой.

Компьютерные игры особенно опасны для детской психики: они развивают в ребенке животные инстинкты, страсть к насилию и убийству. В большинстве компьютерных игр человек, сидящий перед экраном компьютера, все время убивает воображаемых соперников. В отличие от шахмат, которые развивают способность к логическому мышлению, от спортивных игр, способствующих развитию тела, компьютерные игры не только ничем не обогащают ребенка, не развивают его, наоборот, на каком-то этапе его развития они вырывают его из реальной жизни, погружая в столь заманчивый, но столь губительный и духовно опасный мир иллюзий.

Стоило бы сказать несколько слов об алкоголе и курении. «Вино веселит сердце человека», – говорится в 103-м псалме. В отличие от [ислама](#), в православном христианстве нет запрета на

употребление вина: апостол Павел даже советует своему ученику Тимофею пить вино для пользы желудка ([1 Тим. 5:23](#)). Но тот же апостол говорит: «Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство» ([Еф. 5:18](#)). Грех заключается не в употреблении вина, но в злоупотреблении им, в пьянстве, в утрате человеческого облика под влиянием алкоголя. Грех заключается также в том, чтобы в вине искать возможность ухода от жизненных трудностей. Грехом, наконец, является пристрастие к алкоголю, порабощение ему. Алкогольный напиток, который может украсить праздничный стол, нередко, когда его употребляют сверх разумной меры, приводит к распаду личности, разрушению семьи и даже к насилию и убийству.

Что же касается курения, то эта привычка не является, конечно, препятствием к вступлению в Церковь и пребыванию в Церкви. Курение, на мой взгляд, категорически недопустимо для священнослужителей и монахов. Впрочем, на этот счет есть разные мнения: в современной греческой Церкви многие священники и епископы курят, а в прошлом веке и некоторые русские клирики баловались табаком. (Святитель Игнатий Брянчанинов считал, что курение не является препятствием для принятия монашества, впрочем, он советовал монахам, которые не в силах отказаться от курения, переходить на нюхательный табак.) Как бы там ни было, если есть возможность бросить курить, лучше это сделать. Тем же, кто не пристрастился к курению, привыкать не следует: бросить курить гораздо труднее, чем вовсе не начинать. Среди мальчиков десяти-пятнадцати лет курить модно и престижно: подросток думает, что с сигаретой в зубах он выглядит взрослее. Он, может быть, не знает, что у взрослых модно бросать курить. Не осознает он и того, что курение стало для многих причиной смертельных болезней и стоило им жизни.

По поводу курения есть хороший рассказ из жизни преподобного [Силуана Афонского](#). Когда он был еще молодым человеком и мирянином, он ехал в поезде с каким-то купцом, который утверждал, что курение не является грехом, а потому вполне допустимо. Силуан ответил: «А вы перед каждой сигаретой помолитесь Богу и потом курите». «Молиться перед курением как-то не идет», – сказал купец. «Итак, всякое дело, перед которым не идет молитва, лучше не делать», – ответил Силуан.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Христианину должно во всем держаться золотой середины, идти «царским путем». Не стоит отвергать то, что предлагает нам мир, но надо учиться из всего избирать полезное, а вредное отвергать и отбрасывать. Как говорит апостол Павел: «Все испытывайте, хорошего держитесь» ([1 Фес. 5:21](#)). Если мы научимся воспринимать мир подобным образом, он раскроется перед нами совершенно по-иному; мы увидим, как многое из находящегося в нашем распоряжении становится нашим помощником и союзником в духовной жизни. Каждое событие, каждая вещь, каждая жизненная ситуация, каждая встреча может стать для нас духовным уроком, способствуя нашему продвижению на пути к Богу.

Беседа с родителями

Одна пожилая женщина как-то, подойдя ко мне в храме, сказала: «Батюшка! Не могу больше терпеть мужа! Скорей бы умереть и в [Рай](#) попасть, чтобы только его больше не видеть». Я ей говорю: «Дорогая моя! Единственная возможность для вас попасть в рай – это вместе с мужем. Без мужа вы можете рассчитывать только на ад». Она тогда сказала: «Не хочу в рай с ним. Куда угодно – только подальше от него!»

Часто люди думают, что можно оказаться в раю и при этом избавиться от других людей, можно быть с Богом и при этом забыть о ближнем. Многие и к Церкви относятся как к месту, где можно спрятаться, закрыться, уединиться в укромном уголке, чтобы никого вокруг не замечать. Но разница между Церковью и миром как раз и заключается в том, что в Церкви люди обращены лицом друг к другу, они открыты друг другу, тогда как в миру они могут враждовать, ненавидеть или просто игнорировать друг друга. И разница между раем и адом именно в том, что в раю все находятся вместе, объединенные любовью к Богу и друг ко другу, тогда как в аду каждый оказывается отсеченным от Бога и от других людей, каждый томится в изоляции, в одиночестве и оставленности.

Как полюбить ближнего? В первую очередь нужно за внешним обликом человека попытаться увидеть его внутреннюю, глубинную сущность. Нужно попытаться прозреть туда, где в каждом человеке сокрыт образ Божий. Часто мы видим лишь внешнего человека, поруганного грехом, утопающего в страстях, и не замечаем того образа Божия, который сокрыт под внешними наслоениями. А именно его мы должны увидеть и ему поклониться в каждом из наших ближних.

Очень распространенная ошибка, становящаяся корнем многих конфликтов между людьми, заключается в том, что мы не принимаем человека таким, каков он есть, а хотим увидеть его другим: с нашей точки зрения, ему чего-то не хватает, он в чем-то мог бы стать лучше. Мы создаем искусственную схему и хотим, чтобы человек в нее вписался, а так как он в нее *не* уместается, мы живем в постоянном конфликте между нашим представлением о том, каким он должен быть, и реальностью.

Если бы мы научились исходить из того, что нам дано в каждом человеке, а не из того, что нам *хочется* в нем увидеть, наше отношение к людям переменилось бы кардинальным образом. Нужно помнить, что Бог любит всякого человека именно таким, каков он есть. Да, Бог ждет, пока грешник покается, исправится, обратится к Нему; Бог хочет, чтобы каждый человек стал лучше, чем он есть; Бог страдает от несовершенства человека, от его грехов, от того, что человек оставляет и забывает Его. Но все это не мешает Богу любить человека еще до того, как человек обратится, покается и исправится. По учению преподобного Исаака Сирина, любовь Бога к человеку не уменьшается даже тогда, когда не встречается взаимности. Вспомним отца из притчи о блудном сыне: даже когда сын, оставив его, ушел «на страну далече», отец продолжает его любить и ждать.

Часто члены одной семьи живут в постоянном конфликте из-за того, что один обвиняет другого в недостатке любви. Например, мужу начинает казаться, что жена его недостаточно любит: на этой почве он испытывает к ней неприязнь, разыгрываются ссоры. И любовь его слабеет от того, что, как ему кажется, не встречается взаимности... Но конфликт может возникнуть и от «преизбытка» любви: когда любовь становится страстной, слепой, эгоистичной, когда человек начинает относиться к другому как к своей собственности. Отсюда рождается ревность, возникают неоправданные подозрения, незаслуженные упреки. Как от недостатка, так

и от «преизбытка» любви разрушаются семьи.

Нередко родители бывают недовольны своими детьми, считают, что дети занимаются не тем, чем надо, не слушаются, не проявляют достаточного внимания и заботы. Да, дети должны слушаться родителей и заботиться о них. Да, родители несут ответственность за своих детей и в каких-то случаях обязаны вмешаться, чтобы помочь, чтобы с высоты своего большого опыта указать детям на то, что они, по своей незрелости, не видят. Но родителям нельзя забывать, что их ребенок – свободная личность, имеющая право самостоятельно выбрать свой путь, определять свои интересы, круг друзей. Часто мать держит ребенка в строгости, лишая его развлечений, контролируя круг его общения, запрещая ему встречаться с тем или иным из друзей. Бывает, что из нравственных соображений верующие родители запрещают детям смотреть телевизор, ходить в кино, гулять на улице. При этом они не всегда умеют объяснить, в чем смысл такого воздержания, не дают детям положительного наполнения жизни, а лишь запрещают те или иные вещи. Никакой запрет, никакое ограничение не может стать стержнем духовной жизни. И до какого-то момента ребенок терпит, а потом вдруг (в шестнадцать, двенадцать лет или даже раньше) сбрасывает с себя это иго, а вместе с ним теряет и веру.

Иногда христианин, живущий в семье, где не все разделяют его религиозные убеждения, стесняет жизнь других членов семьи, препятствуя им заниматься тем, что, с его точки зрения, является предосудительным и нехристианским. Например, в семье глубоко верующая мать, неверующий отец, и дети, которые, хотя и ходят в церковь вместе с матерью, однако не настолько разделяют ее интересы, чтобы вовсе отказаться от развлечений. Приближается Новый год: мужу и детям хочется праздника. Но мать, считая этот праздник «языческим», запрещает детям веселиться, кормит их постной пищей (ведь Новый год выпадает на Рождественский пост). Может быть, лучше было бы в этом случае пожертвовать собой и своим благочестием, устроить мужу и детям настоящий праздник, а потом еще один праздник – на Рождество. Затем – еще и еще, пока вся жизнь семьи не превратится в сплошной, ежедневный праздник. Ведь именно в этом заключается христианство, в этом проявляется наивысшая любовь к ближнему – забыв о себе, пожертвовать собой и жить для других, стараясь принести им радость.

Нередко любовь родителей к детям становится игом, от которого дети не могут освободиться всю свою последующую жизнь. Любовь не должна перерасти в насилие над личностью. Мне вспоминается страшный, трагический случай, происшедший с тринадцатилетней девочкой. Мать требовала от нее абсолютной искренности, считая, что у нее с дочерью «особые» отношения и дочь не имеет права от нее ничего скрывать. Однажды девочка получила двойку, но побоялась сказать об этом матери. Та каким-то образом об этом все же узнала и пришла в школу, чтобы выяснить отношения с дочерью и с учителями. Девочка, которая томилась страхом, что ее разоблачат, увидела из окна идущую в школу мать. Подождав, пока она войдет в здание, девочка выбежала из здания черным ходом и на глазах у других детей бросилась под колеса первого проезжавшего мимо автомобиля. Она умерла через несколько часов в больнице. Очнувшись перед смертью, девочка сказала, что хотела вовсе не покончить с собой, а лишь «напугать» мать, отвлечь ее внимание.

Не всегда и не всякий человек способен на абсолютную взаимность, абсолютную верность, абсолютную честность. И нельзя требовать от человека то, чего он не может дать, даже если это ваш сын или дочь, брат или сестра, муж или жена, друг или подруга. Пусть каждый человек раскроется вам в ту меру, в какую он хочет и может это сделать. Нельзя «лезть в душу» человека, ибо душа – это святое святых, и туда можно войти только если вам отворят и пригласят внутрь. Иногда можно стоять у двери и стучать, как Христос стучится в души людей, но тихо и ненавязчиво. Если же дверь не отворяется, лучше отойти.

Любовь к ближнему должна быть *мудрой*. Она должна быть жертвенной, как любовь

Христа, Который возлюбил нас такими, какие мы есть. Она должна приносить радость ближним, а не быть для них «бременем неудобноносимым». Она должна быть абсолютной, но не должна требовать адекватной любви со стороны ближних. Она не должна вырождаться в ревность, приводить к ссорам и обидам, стеснять свободу ближних, не должна быть эгоистичной, не должна уменьшаться, если не встречает ответа. Апостол Павел говорит: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует... любовь... не ищет своего... все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...» ([1 Кор. 13:4—8](#)).

О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ И ПРИЗВАНИИ ЧЕЛОВЕКА.

Беседа с молодежью

Помните, что говорит лермонтовский Печорин?

Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший цвет жизни.

Это слова о несбывшейся, несостоявшейся жизни, о жизни, растроченной без цели, погубленной. А сколько людей на каком-то этапе с ужасом осознают, что они растратили лучшие годы впустую и пришли к зрелости или старости опустошенными и бесплодными? Как часто случается, что благородные стремления и надежды юности не осуществляются в зрелые годы из-за того, что человек не сумел вовремя угадать свое призвание и пойти в правильном направлении. И как важно, стоя на перепутье, найти свою дорогу – ту, что предначертана Богом лично тебе. Как важно вовремя услышать призывающий голос Бога и отозваться на него.

Сегодня я хочу говорить с вами о призвании. И прежде всего напомним вам несколько эпизодов из Библии, где речь идет о том, как Бог призывает людей на пророческое служение.

Вот рассказ о призвании Моисея, который пас овец в пустыне и вдруг увидел вдалеке терновый куст, охваченный пламенем: куст горел, но не сгорал. Подойдя ближе, Моисей услышал голос Бога: «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая... Я Бог отца твоего... Я увидел страдание народа Моего в Египте... и иду избавить его от руки Египтян... Итак, пойди: Я пошлю тебя к фараону... и выведи из Египта народ Мой». Начинается долгий спор Моисея с Богом. Моисей говорит: «Кто я, чтобы мне идти к фараону?» Бог отвечает: «Я буду с тобою». Моисей сомневается: «А вдруг они скажут мне: как имя Его?» Бог называет имя Свое: «Я есмь Сущий. Так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам». Моисей снова спрашивает: «А если они не поверят мне... и скажут: не явился тебе Господь?» Бог обещает Моисею силу чудотворения: «Это для того, чтобы поверили тебе, что послал тебя Господь». Моисей все еще колеблется: «Господи! человек я не речистый, я тяжело говорю и косноязычен». Бог отвечает: «Кто дал уста человеку? кто делает немым, или глухим, или зрячим? Не Я ли, Господь? Я буду при устах твоих». Наконец, Моисей, исчерпав все аргументы, воскликнул: «Господи! пошли другого, кого можешь послать». Тогда возгорелся гнев Божий на Моисея, и Бог сказал ему, что он будет общаться с народом через посредство брата своего Аарона: Бог будет говорить Моисею, Моисей – Аарону, а Аарон – народу ([Исх. 3–4:16](#)).

Мы видим, что Бог хочет использовать Моисея как орудие для спасения народа: Бог Сам идет избавить Израиля, Он Сам будет «при устах» Моисея. Моисей колеблется, сознавая свое несовершенство, вступает в пререкание с Богом. В конце концов он принимает миссию, возложенную на него Богом, но принимает как крест, как бремя, которое суждено ему нести вопреки его воле. Миссия, которую возлагает на человека Бог, бывает по человеческим меркам неподъемной, неисполнимой. Но Бог Сам приходит на помощь человеку и помогает ему нести его служение.

Другой рассказ – о призвании пророка Исаии. Находясь в храме, он увидел Господа на престоле, окруженного серафимами. В изумлении и ужасе он восклицает: «Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами... и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа». К нему спускается один из серафимов, прикасается горящим углем к его устам и говорит: «Вот, это

коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен». В этот момент Исаия слышит голос Бога: «Кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?» И отвечает: «Вот я, пошли меня». И Бог говорит: «Пойди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего» ([Ис. 6:1—10](#)).

В отличие от Моисея, который чувствовал себя не готовым к миссии пророка и вождя, Исаия не только готов – он сам предлагает себя в качестве посланника Божия. Но не может человек «с нечистыми устами» пойти к народу и говорить от лица Божия: он должен очиститься и переродиться. Поэтому уголь прикасается к его устам в знак очищения от греха, и он получает от Бога новые уста и новый язык. Это перерождение, сделавшее человека пророком, прекрасно выражено Пушкиным в известном стихотворении:

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык...
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Еще один рассказ – о призвании Иеремии, который слышит слово Господне: «Прежде, нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде, нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя». Иеремия отвечает: «О, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я еще молод». Но Господь отвечает: «Не говори: я молод, ибо ко всем, к кому пошлю тебя, пойдешь, и все, что повелю тебе, скажешь. Я буду с тобою, чтобы избавлять тебя». Господь касается уст пророка, говоря: «Вот, Я вложил слова Мои в уста твои». Здесь та же тема: человек чувствует себя неготовым к высокой миссии, отказывается от нее, но Господь властно говорит: «Ты пойдешь и возвестишь» ([Иер. 1:4—9](#)).

Наконец, рассказ о призвании Иезекииля. Увидев славу Господню, он падает на землю. Но Бог говорит: «Сын человеческий! Я посылаю тебя к сынам Израилевым». И протягивает ему книжный свиток, на котором написано «плач, и стон, и горе», требуя съесть его. Иезекииль съедает свиток, ощутив вкус его, сладкий, как вкус меда. Тогда Бог говорит: «Встань и пойдешь... к сынам народа твоего... и скажи им: так говорит Господь Бог! будут ли они слушать, или не будут» ([Иез. 2:1—3:11](#)). Здесь как бы подчеркивается, что пророк должен, прежде чем он выйдет к народу и будет говорить с людьми от лица Бога, впитать в себя все горе людское, весь человеческий опыт страдания.

Теперь можно спросить: какое отношение все сказанное имеет к нам? Самое прямое. В какой-то решающий момент нашей жизни Господь обращается к каждому из нас с призывом «пойди». Одни из нас напряженно ждут этого момента и чувствуют себя готовыми немедленно вступить на указанный путь; другие оказываются застигнутыми врасплох и, услышав зов Бога, сомневаются и колеблются. И в том, и в другом случае самое важное – услышать голос Бога, обращенный к нам, отозваться на него. Самое важное – понять, что Бог хочет тебе сказать, не упустить момент, когда Бог говорит с тобою. На зов Божий можно отозваться сразу, ни минуты не раздумывая, со всей горячностью сердца. Но можно откликнуться и после продолжительного

размышления, «на трезвую голову», тщательно взвесив все «за» и «против». Бог терпелив: Он не торопит человека, оказавшегося не готовым откликнуться на зов. Главное – отозваться рано или поздно и пойти туда, куда Бог зовет тебя.

Иногда жизнь складывается так, что человек очень рано начинает осознавать, к чему он призван. Тогда вопрос о выборе пути решается сам собой: человек становится тем, чем он всегда хотел быть.

Но нередко юноша на пороге зрелости не знает, чему посвятить жизнь. У него либо слишком много вариантов, и он колеблется, не зная, что выбрать. Или, наоборот, ему кажется, что он ни на что не способен, и он в нерешительности стоит на перепутье. Как в таком случае быть? Как молодому верующему человеку найти свое призвание и не обмануться, не ошибиться, не вступить на ложный путь?

Прежде всего, нужно помнить, что «от Господа пути человека исправляются». Твоя жизнь будет по-настоящему достойной и драгоценной только в том случае, если ты проживешь ее так, как это угодно Богу. Бог всегда считается с твоей волей, но попробуй и ты узнать Его волю: может быть, Его воля и твоя совпадут. «Скажи мне, Господи, путь, вонже пойду, яко к Тебе взях душу мою». Эти слова или другие подобные им могут стать ежедневной молитвой христианина, который еще не нашел своего пути. Не надо бояться молиться Богу своими словами, изливать перед Ним чувства сердца. Если ты усердно молишься о том, чтобы Господь Сам открыл тебе твое призвание, такая молитва не останется не услышанной.

Для того, чтобы найти свое призвание, нужно учиться, нужно работать над собой, воспитывать себя. Без кропотливого и многолетнего труда нельзя достичь высот ни в одном деле.

Пытаясь найти ответ на вопрос о своем призвании, ты можешь и, наверное, должен советоваться со своим духовником. Но здесь важно помнить, что никакой, даже самый опытный духовник не вправе брать на себя решение твоей судьбы. Главные, кардинальные решения – такие, как выбор профессии, выбор будущего спутника жизни, – ты должен принимать сам и нести за них полную ответственность. Если ошибешься, тебе придется впоследствии исправлять свою ошибку; если же другой ошибется, ты будешь ценой собственной жизни, собственного счастья исправлять чужую ошибку. Духовник – это советник, помощник, спутник и проводник на твоем пути к Богу. Он – не оракул, слово которого не подлежало бы обдумыванию и обсуждению. Советы духовника надо сверять со своим внутренним голосом, а также с многовековым опытом Церкви и со Священным Писанием.

Думая о выборе пути, нужно вслушиваться и в свой внутренний голос, который нередко оказывается более безошибочным руководителем, чем кто бы то ни было из людей. Нельзя жить просто так, «убивая» время: нужно дорожить временем настоящей жизни, которое так драгоценно! Каждый день нужно думать: ради чего я живу, каковы плоды моей жизни, в чем мое призвание? Если же ты уже нашел свое призвание, нужно всегда думать: верен ли ты ему, достоин ли возложенной на тебя миссии?

В день моего рукоположения в сан священника одна старушка подошла ко мне в храме и сказала: «Помни, сынок, что ты получил великий дар. Ты теперь каждый день должен спрашивать себя: для чего ты стал священником?» С тех пор я каждый день спрашиваю себя: для чего я принял сан, достойно ли я несу великое звание служителя Божия, в чем смысл этого служения для меня?

Скажу несколько слов о том, как я решил стать священником. С самого раннего возраста я занимался музыкой – играл на скрипке, фортепиано, потом учился по классу композиции в школе и консерватории. Музыка была, да и сейчас остается неотъемлемой частью моего естества. Но уже в пятнадцатилетнем возрасте я «влюбился» в Православную Церковь – прежде

всего, в ее Литургию. Прислуживая в алтаре, я чувствовал, что присутствую при самом важном, самом значительном таинстве, которое совершается на земле, – таинстве Евхаристии: перед этим таинством бледнело даже самое высокое искусство.

Именно тогда я стал задумываться о священстве. Проповедь, исповедь и другие аспекты деятельности священника не особенно привлекали меня, но предстояние алтарю, возможность совершать Литургию влекли неотразимо. После нескольких лет раздумий – продолжить музыкальную карьеру или стать священником – я избрал последнее. И никогда еще, ни одного дня, ни одной минуты не пожалел о принятом тогда решении.

Оглядываясь назад, вижу, что это решение было принято мною прежде всего под воздействием внутреннего голоса: это был ответ на зов сердца. Но, конечно, я также советовался с опытными старцами и духовниками и молился о том, чтобы Господь открыл мне мой путь. И в какой-то момент Бог Сам направил мою ладью к тихой гавани, войдя в которую я обрел душевный покой, ибо нашел то, что искал.

Рассказывая об этом, я вовсе не хочу сказать, что служение Церкви – единственное достойное занятие. Можно быть христианским музыкантом, христианским художником; можно иметь и не очень почетную профессию, но при этом достичь духовных и нравственных высот. Не забудем, что Сам Христос был плотником, о Котором говорили с презрением: «Не плотник ли Он, сын Марии?» ([Мк. 6:3](#)). Каждая профессия может быть христианизирована, и каждый человек, вне зависимости от своей профессии, может быть не только достойным христианином, но и святым.

Вопрос о призвании вообще не сводится к вопросу о выборе профессии. В конечном итоге, каждый христианин на всяком месте призван быть пророком и апостолом Христа, призван «глаголом жечь сердца людей», всей своей жизнью свидетельствовать о Боге. Каждый христианин должен быть солью земли и светом мира. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» ([Мф. 5:16](#)). Именно в этом – главная миссия христианина, его наивысшее предназначение и призвание.

СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ: ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ

Лекция в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже

Мне предстоит нелегкая задача представить перед вами в немногих словах основное содержание моей монографии о святителе Григории Богослове (Жизнь и учение свт. Григория Богослова. М., 1998.). Сразу оговорюсь, что, в отличие от самой книги, мое сегодняшнее изложение отнюдь не будет исчерпывающим. Я лишь заострю внимание на некоторых темах, подробно рассмотренных в монографии.

Прежде чем говорить о содержании книги, скажу несколько слов о причинах, побудивших меня к ее написанию.

Во-первых, причиной написания книги была моя глубокая любовь к святителю Григорию как человеку и богослову. Эта любовь зародилась у меня в юности, когда я впервые познакомился с его Словами и стихотворениями в русском переводе. Мне хотелось написать *живую* книгу о Григории: не его житие, не сухой научный анализ его богословских взглядов, но его биографию как человека и мыслителя на основе его собственных сочинений. Я не считал нужным сглаживать те противоречия его жизни и личности, которые, может быть, не вписываются в рамки житийного канона. Я не считал необходимым говорить о Григории особым возвышенным «православным» языком, несмотря на мое глубочайшее и благоговейное почтение к этому великому Отцу Церкви. Сам Григорий писал о себе откровенно и прямо: так стремился писать о нем и я, используя его собственные сочинения в качестве основного источника.

Во-вторых, многолетнее изучение восточно-христианской богословской традиции убедило меня в том, что Григорий занимает в ней абсолютно центральное и неоспоримое место: без основательного знания его наследия невозможно по-настоящему понять эту традицию. Мне представлялось в связи с этим чрезвычайно важным систематизировать взгляды Григория на различные аспекты христианской и общественной жизни, дать анализ его богословия и мистики.

В-третьих, на русском языке не существует монографии о святом Григории, которая давала бы достаточно полное представление о его личности и письменном наследии. В современной западной науке такие монографии существуют, однако, как мне представляется, значение Григория как мыслителя, богослова, философа и мистика еще по настоящему не оценено. В XX веке восточно-христианское богословие было заново открыто Западом, однако интерес сосредотачивался вокруг нескольких имен – главным образом, вокруг [Оригена](#), святителя [Григория Нисского](#) и автора Ареопагитского корпуса. В настоящее время объектом особенного внимания становится преподобный [Максим Исповедник](#). Что же касается святителя Григория Богослова, то, хотя его роль в истории христианского богословия никем не оспаривается, ему уделяется несравненно меньше внимания, чем он заслуживает.

В-четвертых, изучая сочинения Григория, я встретил в них немало неожиданных и ярких мыслей, обнаружив в Григории необычную широту взглядов. Эта широта характеризует многих великих Отцов Церкви, но ее очень не хватает некоторым сегодняшним православным христианам, которые уверены в несовместимости православия с ученостью, творчеством, искусством, которые выступают против открытого и творческого отношения к жизни. По моему глубокому убеждению, в православии никому не должно быть душно: в нем должно найтись место и для ученого, и для поэта, и для художника. Православие не должно превращаться в «охранительную» религию, отгородившуюся толстыми стенами от мира: напротив, необходима тесная, живая и творческая связь между Церковью и миром. Именно так смотрел на вещи святой

Григорий, в котором безусловная преданность православной вере и личная святость сочетались с открытостью ко всему лучшему, что накоплено человечеством вне христианства.

В книге пять глав, каждая из которых, в свою очередь, состоит из нескольких разделов. В Главе I дается подробное жизнеописание святителя. Глава II посвящена различным аспектам жизни человека в Церкви и обществе: речь в ней идет об отношении святого Григория к учености и философии, к браку, девству и монашеству, к священству и епископству, к церковным праздникам и таинствам. Отдельно рассмотрены наиболее характерные для святого Григория социальные темы. В Главе III рассматривается догматическое богословие святителя Григория; детальному исследованию подвергнуты учение святого Григория о богословии, о Боге, о божественных именах, о Святой Троице, о Христе, о Святом Духе, о творении, о человеке, о грехопадении и искуплении. IV Глава монографии посвящена мистическому богословию святителя: рассматриваются темы божественного света, молитвы, боговидения и обожения. Глава V посвящена литературным портретам, созданным святым Григорием: подробно анализируются похвальные, надгробные и обличительные слова святителя.

Жизнь святителя

Говоря о жизни святого Григория в Главе I, я пользуюсь в качестве первоисточника автобиографическими сочинениями святителя. Среди его автобиографических произведений основное место занимает книга под общим названием «О себе». Она содержит девяносто девять стихотворных произведений, в том числе монументальную поэму «О своей жизни». Кроме того, автобиографическими являются некоторые Слова Григория – как те, что посвящены отдельным событиям его собственной жизни (иерейской хиротонии, удалению в пустыню, удалению с епископского престола), так и те, что посвящены его ближайшим родственникам и друзьям (отцу, брату Кесарию, сестре Горгонии, Василию Великому). Обширная переписка Григория тоже проливает свет на некоторые детали его биографии.

Приведу краткую биографию святого Григория. Он родился между 326 и 330 годом в Арианзе, в фамильном имении своего отца, который был епископом каппадокийского города Назианз. Григорий получил прекрасное по тем временам классическое образование: он учился сначала в Назианзе, затем в Кесарии Каппадокийской, Кесарии Палестинской, Александрии и, наконец, в Афинах, где его соучеником был Василий Великий, с которым его связывали узы дружбы. В 361 или 362 году Григорий вопреки своему желанию был рукоположен в сан священника и в течение около 10 лет помогал своему отцу в Назианзе. В 372 году, опять же, вопреки своей воле, Григорий был рукоположен [Василием Великим](#) в сан епископа Сасимского, однако своей епархией не управлял, продолжая оставаться в Назианзе и занимаясь пастырской, проповеднической и литературной деятельностью. В 379 году он получает приглашение возглавить православную общину Константинополя и в 380 году торжественно утверждается на престоле архиепископа Константинопольского императором Феодосием. Однако уже на следующий год Второй Вселенский Собор смещает Григория с архиепископского престола. Последние годы жизни Григорий проводит в своем фамильном имении в Арианзе, где и умирает около 390 года.

В жизни святителя Григория я выделяю несколько важных моментов. Прежде всего я подробно останавливаюсь на его дружбе с Василием Великим, которая наложила отпечаток на всю его жизнь. Григорий познакомился с Василием еще в Кесарии Каппадокийской, однако по-настоящему сблизился с ним в Афинах. Страницы, которые Григорий посвятил своей дружбе с Василием, являются одним из самых ярких во всей патристической литературе описаний дружбы:

Мы стали друг для друга все – друзья, соотрапезники, родные... Равные надежды руководили нами в деле самом завидном – в учебе; впрочем, зависть была далека от нас, ревность же делала еще более усердными. Оба мы боролись не за то, чтобы кому-либо из нас самому стать первым, но за то, чтобы уступить первенство другу, ибо каждый из нас славу друга считал своей собственной. Казалось, одна душа в обоих носит два тела... Одно занятие было у нас обоих – добродетель и жизнь для будущих надежд... Мы были друг для друга и правилом и отвесом, с помощью которых распознается, что прямо, а что – нет...

Кажется, что по-человечески Григорий был больше привязан к Василию, чем Василий к нему. Отношения между Василием и Григорием строились на основе взаимной преданности друг другу и равенства в правах; тем не менее Григорий всегда воспринимал Василия как старшего и главного. Это был тот случай, когда дружба в каком-то смысле перерастала в ученичество: «Мое дело – следовать за ним, словно тень за телом», – говорил Григорий. Он искренне считал Василия «в жизни, слове и нравственности превосходящим всех», кого он когда-либо знал.

Дружба между Григорием и Василием подверглась тяжелым испытаниям. Григорий, как кажется, до конца своих дней не мог простить Василию тот факт, что Василий вопреки его воле рукоположил его во епископа, поставив церковные интересы выше уз дружбы. Неоднократно Григорий письменно и устно упрекал Василия за это; в течение какого-то времени они даже практически перестали общаться друг с другом. Тем не менее после смерти Василия Григорий написал в память его «Надгробное слово» – одно из лучших произведений подобного рода во всей византийской литературе. В этом Слове Василий предстает перед нами не только как великий епископ Церкви, богослов и учитель, подвижник и мыслитель, но и как человек, еще в земной жизни достигший обожения. Личные обиды как бы отступают на второй план, и Григорий создает образ истинного пастыря, отдавшего жизнь служению Церкви и поднявшегося до вершин святости.

Еще один важный момент в жизни святителя Григория – его борьба за «никийскую веру» и его конфликт с Отцами Второго Вселенского Собора. Молодость святителя совпала по времени с почти повсеместным распространением арианства на православном Востоке. Вместе с Василием Великим и Григорием Нисским Григорий Богослов принял непосредственное участие в борьбе за восстановление никейского исповедания и горячо отстаивал догмат о Божестве Сына, который был торжественно подтвержден Вторым Вселенским Собором. В отличие от Василия Великого, который по тактическим соображениям избегал говорить о Святом Духе как Боге, дабы не оттолкнуть от себя так называемых «подобосущников» (тех, кто в Символе веры вместо термина «единосущный» употребляли термин «подобосущный»), Григорий в своих сочинениях открыто говорил о Божестве Святого Духа.

Возможно, именно вопрос о Божестве Святого Духа стал причиной конфликта между Григорием и Отцами Второго Вселенского Собора, многие из которых принадлежали к числу «подобосущников». По крайней мере, сам Григорий считал причиной своего низложения на этом Соборе именно догматические расхождения между ним и членами Собора по вопросу о Божестве Святого Духа. Григорий полагал, что на Соборе догмат о Божестве Святого Духа не прозвучал достаточно четко. На Соборе слова из Никейского Символа «И в Духа Святого» были существенно расширены: «И в Духа Святого, Господа Животворящего, от Отца исходящего, со Отцом и Сыном споклоняемого и сславимого, вещавшего через пророков». Однако в этих словах нет ни прямого утверждения о Божестве Святого Духа, ни утверждения о «единосущии» Духа Сыну и Отцу.

Отцам Второго Вселенского Собора Григорий дал нелестную характеристику в своих стихотворениях:

Восстали беззаконно вожди народа друг против друга.
Вооружившись, вместо оружия, гневом и завистью,
Кипя гордыней, как свирепым огнем,
Они восстали, и разделилась вся вселенная...
Христос, осмелюсь сказать то, что у меня на сердце.
Завидуют они моим подвигам и камням, которые в меня метали;
А может быть, Дух всему причиной, скажу ясно -
Дух как Бог, слышите ли? Скажу снова:
«Ты мой Бог!» И в третий раз возглашу: «Он – Бог!»
Бросайте, цельтесь в меня камнями.
Стою непоколебимо, как мишень истины,
Презирая свист и слов, и стрел.

Мне представляются весьма существенными те уроки, которые можно извлечь из этого конфликта. Прежде всего он показывает, что история Церкви не является только историей свершений, побед и подвигов. В ней человеческое переплетено с божественным, греховное и страстное с благородным и великим. Но Церковь смотрит на свою историю не так, как на эту историю смотрят светские сторонние наблюдатели. Не случайно все участники этой драмы причислены Церковью к лику святых – не только Григорий Богослов, но и Отцы II Вселенского Собора.

В благодарной памяти Церкви остаются не человеческие немощи тех или иных богословов и церковных деятелей, но то великое, что им удалось сделать для нее. Именно поэтому Церковь нередко канонизирует лиц, которые при жизни оказывались во враждебном противостоянии друг другу – Григория Богослова и Отцов II Вселенского Собора, Иоанна Златоуста и [Епифания Кипрского](#), [Кирилла Александрийского](#) и [блаженного Феодорита](#) (список может быть продолжен). Обращаясь к истории Церкви, мы не должны закрывать глаза на то, что действующие лица этой истории были людьми со своими слабостями и немощами, не должны упрощать чрезвычайно сложную и неоднозначную картину богословских споров эпохи Вселенских Соборов. Но необходимо помнить, что, несмотря на эти человеческие немощи, в Церкви никогда не ослабевало присутствие Духа Святого и что именно Дух вел и продолжает вести Церковь. История Церкви в конечном итоге творится не усилиями людей, но совместным творчеством человека и Бога – творчеством, при котором все второстепенное и наносное отступает на второй план.

Взгляды на ученость и философию

Анализу литературного наследия святителя Григория посвящены главы II-V моей книги. В Главе II я прежде всего рассматриваю его взгляды на ученость и философию. Григорий был одним из самых образованных людей своего времени. В молодости он увлекался трудами Оригена, от которого унаследовал уважительное отношение к античной учености. Впрочем, такое отношение было характерно и для его семьи, и для того круга, в котором он всю жизнь вращался. Его ближайшие друзья, Василий Великий и Григорий Нисский, оба внесли значительный вклад в пропаганду античной учености на христианской почве. Великие Каппадокийцы признавали, что живут в то время, когда все научное и интеллектуальное богатство, унаследованное от античной культуры, должно быть поставлено на службу христианству. Подчеркивая превосходство христианства над эллинизмом и настаивая на неспособности античной культуры удовлетворить всем исканиям человеческого разума и сердца, они, тем не менее, считали необходимым для христианства полностью ассимилировать

все лучшее, что было накоплено человеческой цивилизацией вне христианства.

По мнению Григория Богослова, язычество и идолопоклонство должны быть отвергнуты, потому что это для человечества – пройденный этап. Однако все то, что может послужить духовному возрастанию человека, должно быть с благодарностью воспринято христианином из языческой учености. Григорий резко критиковал тех своих современников, которые считали ученость ненужной для христиан. Григорий полагает, что обскурантизм, необразованность, невежество, нежелание и неспособность впитать в себя все многообразие культурного достояния человечества несовместимы с христианством. Ему глубоко чуждо такое восприятие христианства, при котором оно мыслится как некая полукатакомбная секта, враждебно настроенная ко всему окружающему миру. Напротив, христианство должно быть открытым по отношению ко всему лучшему из накопленного в истории; оно должно быть достаточно всеобъемлющим, чтобы вместить в себя достижения человеческого разума.

В соответствии с этими представлениями Григорий выдвигал идею о том, что языческая культура и эллинская мудрость не принадлежит язычникам: будучи языческой по происхождению, она теперь принадлежит христианству, так как оно оказалось способным творчески воспринять и усвоить ее. Григорий гневно обличал Юлиана Отступника за то, что тот хотел лишить христиан возможности получать хорошее светское образование, отсутствие которого и должно было, по мысли Юлиана, превратить христианство в маргинальную секту, состоящую из малограмотных и малокультурных людей. Такое отношение воспринималось Григорием как нарушение законного права всякого человека на образование. Не только античная словесность, но и вся мировая цивилизация является достоянием христианской Церкви, считает Григорий Богослов.

Все эти мысли характеризуют широту и открытость Григория. Идеалом Григория был человек разума – христианин высокой интеллектуальной культуры, энциклопедической образованности, отличающийся обширными познаниями в разных областях и открытым взглядом на мир. Способность разумного мышления (логос) роднит человека с Божественным Словом (Логосом). В стихотворениях Григория немало строк посвящено восхвалению разума и учености. «Светильником всей своей жизни признавай разум (логос)», – говорит он. «Ничего не считай лучше учености», – пишет он в другом месте.

Однако Григорий любил подчеркивать, что образованность не является самоцелью: она нужна для того, чтобы привести человека к богопознанию и послужить его возрастанию в вере. О себе Григорий говорит, что свою ученость он полностью принес в жертву христианству:

Одна слава была для меня приятна – преуспеть

в науках, которые собрали

Восток и Запад, и слава Эллады – Афины.

Над этим я трудился много и долгое время, но и это,

Повергнув к стопам Христа, положил я перед Ним,

Чтобы оно уступило слову великого Бога,

которое затмевает собой

Всякое утонченное и многообразное измышление
человеческого ума.

Брак, девство, монашество

Чрезвычайно интересны взгляды Григория на брак, девство и монашество. Время его жизни совпало с формированием монашества в Каппадокии, где его распространение связано прежде всего с именем Евстафия Севастийского, который на протяжении многих лет, вплоть до 373 года, был другом и наставником Василия Великого. Последний разделял многие идеи Евстафия. Однако ему было глубоко чужд тот крайний индивидуализм, который характеризовал общины

аскетов, руководимые Евстафием и осужденные Гангрским Собором. Напротив, он всячески подчеркивал «церковный» характер монашеского движения. Он стремился к тому, чтобы формирующееся монашество не оказалось в оппозиции к Церкви, не превратилось в некую секту аскетов-ригористов, но чтобы оно стало интегральной частью церковного организма. «Правила» Василия были адресованы всем аскетически настроенным христианам; лишь впоследствии, когда монашество окончательно сформировалось как институт, они стали восприниматься как специфически монашеские правила и легли в основу всех монастырских уставов православного Востока. Во многом благодаря Правилам Василия монашеское движение ни в его время, ни впоследствии не противопоставило себя Церкви, но осталось внутри нее. Заслугой Василия следует считать и то, что идеал монашеской жизни проник в широкие слои византийского общества и способствовал формированию так называемого «монашества в миру»: многие миряне вдохновлялись аскетическими нормами монашества и заимствовали отдельные элементы монашеской духовности в свою собственную практику.

Каково место Григория Богослова в истории раннего каппадокийского монашества? В строгом смысле слова он вообще не был монахом, так как не являлся членом какой-либо конкретной общины каппадокийских аскетов, хотя и проводил некоторое время в подобных общинах. Григорий понимал монашество не как принадлежность к определенному церковному институту, а прежде всего как внутреннюю устремленность к Богу, постоянное пребывание в молитве, стремление к уединенной и безмолвной жизни. Монашество для Григория – это также возможность посвящать время размышлениям о Боге, о смысле человеческой жизни, возможность вести жизнь безмятежную и лишенную забот, уходить в горы или совершать прогулки вдоль берега моря. Кроме того – и, может быть, прежде всего остального – это возможность беспрепятственно заниматься учеными трудами – читать Писание, книги Отцов Церкви, античных философов, поэтов и историков, писать богословские, нравственные и автобиографические трактаты, проповеди, стихи и письма. В этом смысле Григорий, так же как [блаженный Иероним](#) на Западе, может быть назван родоначальником *ученого монашества*.

Священство

Весьма значительным является вклад святителя Григория в развитие церковного учения о священстве. Он был первым восточно-христианским автором, написавшим специальный трактат о священстве: до него эта тема затрагивалась церковными писателями лишь эпизодически. Трактат Григория, написанный на заре его церковной карьеры, сразу после иерейской хиротонии, оказал прямое влияние на многие позднейшие сочинения на ту же тему, такие как «Шесть слов о священстве» Иоанна Златоуста (IV в.), «Пастырское правило» [Григория Двоеслова](#) (VI в.), Слово «К пастырю» Иоанна Лествичника (VII в.). В Православной Церкви трактат Григория и по сей день остается настольной книгой служителей Церкви; его изучают будущие священники в духовных семинариях.

Священство, по Григорию, это прежде всего пастырство, забота об овцах, руководство стадом: Григорий пользуется образом, традиционным для библейского богословия. Труд священника сравнивается также с работой художника, который должен опасаться того, чтобы стать «плохим живописцем прекрасной добродетели», или – что еще хуже – плохой моделью для других живописцев. Наконец, священство сравнивается с врачебным искусством; если последнее направлено на материальное и временное, то первое заботится о душе, которая по происхождению нематериальна и божественна.

Григорий прекрасно понимал, что далеко не все священники и епископы его времени соответствовали высоте своего сана. Контраст между представлением Григория о священстве и

теми священнослужителями, которых ему приходилось встречать в жизни, был разителен. Разочарование клириками своего времени возрастало у Григория с годами – по мере того, как он узнавал все большее число своих собратьев.

Критика Григория касалась прежде всего нравственного состояния современного ему епископата и клира. Он жалуется на то, что епископы захватывали власть силой, что своими пороками и своей богословской беспринципностью они подавали отрицательный пример мирянам, что их строгость или снисходительность по отношению к народу диктовалась лишь меркантильными соображениями, а не соображениями пастырской пользы. Кроме того, Григорий возмущается тем, с какой легкостью епископы его времени меняли одну богословскую ориентацию на другую, переходили из православия в арианство и обратно. В эпоху догматических споров (IV-VIII вв.) тяжелейшей болезнью Церкви была постоянная миграция большого числа представителей епископата и клира из одной богословской партии в другую – чаще всего в прямой зависимости от того, какую партию в данный момент поддерживали гражданские власти (император). Некоторые епископы меняли свою богословскую ориентацию по несколько раз, под давлением светских властей подписывая еретические символы веры. Григорий возмущается вмешательством гражданских властей в церковные дела; впрочем, он гораздо больше обеспокоен и опечален нетвердостью архиереев, которые становятся марионетками в руках людей, далеких от Церкви.

Не сан делает человека святым, повторяет Григорий, не иерархическая степень, не место у престола, но добродетельная жизнь. Григорию представляется несправедливым то, что временщики оказываются у кормила церковного корабля, тогда как люди, отличающиеся святостью жизни, остаются в тени. О епископате и клире своего времени Григорий говорит как о «мастерской всех пороков», где зло председательствует и где те, которые должны быть «учителями добра», учат людей пороку. Григория возмущает рукоположение в священный сан лиц, не прошедших должную подготовку, не научившихся аскетическому образу жизни и остающихся светскими по духу и поведению: тот, кто еще вчера забавлялся мимами и бегал по театрам, был страстным поклонником конного спорта и на скачках подбрасывал вверх землю, кто кружился среди женоподобных танцоров и напивался до потери чувств, сегодня становится председателем церковного народа, молитвенником за людей и учителем благочестия. «Вчера Симон-маг, сегодня Симон Петр. Не верю такой внезапной перемене! Не верю львам в овечьей шкуре!» – восклицает Григорий.

Взгляд Григория на священнослужителей своего времени весьма пессимистичен. Может даже показаться, что он сгущает краски, что он слишком субъективен в оценках. Свергнутый с константинопольского престола братьями-епископами, Григорий был на них сильно обижен: в этом, несомненно, одна из причин его обличений в их адрес. Однако неверно было бы сводить весь пафос Григория к личным обидам. В том, что произошло с ним самим, он видел не столько свою личную трагедию, сколько отражение общей кризисной ситуации, складывавшейся в Восточной Церкви конца IV века. На его глазах происходило порабощение Церкви миром, массовое обмирщение епископата и клира. Образ епископа как пастыря, духовного наставника и старца, обладающего, в силу своих высоких духовных качеств, непререкаемым авторитетом в глазах паствы, постепенно сменялся образом епископа как государственного сановника, участвующего в светских церемониях, послушно следующего указаниям гражданских властей не только в церковно-административных, но также и в догматических вопросах. Грань между Церковью и миром, между «царством духа» и «царством кесаря» постепенно стиралась: так, во всяком случае, считал Григорий.

Обличения Григория в адрес недостойных клириков звучат как пророческое предупреждение всем будущим поколениям священнослужителей. В XI веке с подобными

обличениями к епископам и священникам своего времени обращался Симеон Новый Богослов, явно находившийся под влиянием Григория. До тех пор, пока в Церкви остаются архипастыри и пастыри, недостойные своего призвания, позорящие высокий сан, слово Григория сохраняет свою актуальность.

Единство Церкви и христианские разделения

Чрезвычайно интересными представляются мне мысли святого Григория Богослова относительно единства Церкви и церковных разделений. То, что он говорит в своем 21-м Слове, посвященном памяти святителя [Афанасия Александрийского](#), не утратило актуальности и по сей день:

...Как от почерпнутой воды отделяется не только то, что отделилось от руки, ее почерпнувшей, но и то, что вытекает сквозь пальцы из остающегося в руке, так и от нас отделяются не только нечестивые, но и самые благочестивые, причем не только из-за догматов незначительных, которыми можно и пренебречь... но даже из-за выражений, имеющих один и тот же смысл... Суетный спор о звуках приняли за различие в вере!

В цитированном тексте Григорий выдвигает несколько весьма важных тезисов. Во-первых, он подчеркивает, что разница в догматической терминологии не всегда означает разногласие в понимании самих догматов, и далеко не все догматические споры, возникающие между Церквями, являются следствием различия в вере; многие из них – всего лишь «суетные споры о звуках». История Церкви знает много случаев, когда исповедание веры одной Поместной Церкви, переведенное на другой язык или понятое в контексте иной богословской традиции, воспринималось как еретическое и отвергалось другой Церковью. На этой почве возникали расколы, прекращалось евхаристическое общение между Церквями, их главы предавали друг друга анафеме. Потом проходило время, и люди понимали, что говорили на разных языках, но исповедовали одну веру: тогда церковное общение восстанавливалось. Впрочем, расколоть Церкви оказывалось гораздо легче, чем потом воссоединить их. Многие разделения, возникшие в эпоху Вселенских Соборов и позднее, остаются неуврачеванными до сего дня.

Не менее важен другой тезис Григория: существуют «незначительные» догматы, по поводу которых допустимы разногласия. Это те догматы, которыми, по его мнению, можно «пренебречь» ради церковного единства.

Третий тезис Григория, содержащийся в цитированном тексте: от Церкви нередко отсекаются не только «нечестивые» (еретики), но и те «самые благочестивые» христиане, которые или отвергли какую-то догматическую формулировку, заподозрив в ней ересь, или уклонились в неправильное понимание одного из «незначительных догматов». Эти люди, очевидно, остаются верными Церкви, хотя и оказываются вне общения с ней. Таким образом, не все христиане, отделившиеся от Церкви, непременно являются еретиками. Современный богослов, сравнивающий догматические традиции двух Церквей, некогда отделившихся одна от другой, нередко оказывается в ситуации, когда от него требуется определить, является ли то или иное учение ересью, несовместимой с общецерковным учением, или разногласием по поводу «незначительного догмата», допустимым в рамках единой церковной традиции, или вообще «спором о звуках», возникшим в результате недоразумения и непонимания.

Сколько церковных расколов Древняя Церковь могла бы избежать, если бы в ней было достаточно людей, которые, подобно Григорию, были способны возвыситься над терминологическими спорами и увидеть, что во многих случаях один и тот же догмат выражается в различных богословских традициях при помощи различных формулировок! Сколько церковных разделений можно и в наши дни уврачевать, если богословы сумеют,

пользуясь методологией, разработанной Григорием, четко определить, что есть ересь, что – незначительное догматическое разногласие, а что – лишь терминологический спор.

Догматическое и мистическое учение

Время не позволит мне сколько-нибудь подробно остановиться на догматическом учении святителя Григория, анализу которого я посвятил третью – самую значительную по объему – главу своей книги. Скажу лишь, что Григорий является одним из творцов православного догматического богословия. Его имя стоит первым в списке источников, которыми пользовался преподобный Иоанн Дамаскин при написании «Точного изложения православной веры» – сочинения, до сих пор остающегося главным в восточной традиции систематическим разъяснением христианских догматов. Григорий Богослов, в отличие от Дамаскина, не был богословом-систематиком и не ставил перед собой задачу создания исчерпывающего руководства по догматике. Тем не менее в его Словах содержится столь богатый догматический материал, а его богословские формулировки столь отточены, что его творчество оставило неизгладимый отпечаток на всей последующей догматической традиции Православного Востока. Многие его изречения даже вошли в богослужение Православной Церкви.

Мне хотелось бы теперь сказать несколько слов о мистическом богословии святителя Григория. Мне представляется, что современная патристическая наука не уделяет достаточного внимания мистическому богословию святителя Григория. Говоря о Великих Каппадокийцах, обычно указывают на Григория Нисского как «мистика»: что же касается Григория Богослова, то его рассматривают в лучшем случае как выдающегося догматиста и церковного ритор. Между тем, через весь корпус творений святителя Григория проходит несколько тем, являющихся абсолютно центральными в мистическом богословии Восточной Церкви. Это прежде всего темы божественного света и обожения.

Тема божественного света была лейтмотивом всего творчества Григория. По справедливым наблюдениям ученых, сама природа Божества в произведениях Григория чаще всего характеризуется термином «свет», причем «терминология света» остается одним из основных элементов богословского языка Григория в течение всей его литературной деятельности. Наиболее полно учение Григория о Боге как свете раскрыто в Слове 40-м, произнесенном на второй день праздника Крещения Господня, называемого также «днем светов». Григорий говорит здесь о свете Святой Троицы, который, с одной стороны, находится за пределами всего чувственного и умопостигаемого, с другой же – возглавляет всю иерархию светов от духовного до материального. Свет Святой Троицы абсолютно трансцендентен тварному бытию, вместе с тем он пронизывает собою весь тварный мир, так что все существующее есть различные уровни причастности этому свету:

Бог есть свет высочайший, недоступный, несказанный, ни умом не постигаемый, ни словом не изрекаемый, просвещающий всякую разумную природу. Он – то же в духовном мире, что солнце – в чувственном. По мере нашего очищения Он представляется нами, по мере представления возбуждает к Себе любовь, по мере любви нашей вновь умопредставляется; Он созерцаем только Сам Собою и постижим лишь для Самого Себя, изливаясь лишь в малой степени на то, что вне Его. Я говорю о свете, созерцаемом в Отце, Сыне и Святом Духе.

Помимо Самого Бога, Который является верховным и первичным светом, есть еще «второй свет» – ангел; человек также является светом. Более того, вся история человечества, как она описана в Библии, является не чем иным, как непрерывным и разнообразным откровением божественного света. Идея божественного света лежит как в основе всего мировосприятия Григория, так и в основе его видения истории. Григория с полным правом можно назвать одним

из создателей «богословия света» в христианской традиции. Тема божественного света получила свое дальнейшее развитие у последующих мистических писателей, таких как Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, Григорий Палама. Богословы византийского исихазма ссылались на Григория Богослова как наиболее авторитетного автора, чьи произведения стали одним из первоисточников исихастской доктрины. Характерно, что, если тема божественного света стала после Григория Богослова центральной в восточной мистической традиции, то тема «божественной тьмы», столь характерная для Григория Нисского, осталась где-то на периферии мистического богословия Восточной Церкви. Византийская традиция вообще отдавала предпочтение [Григорию Богослову](#) перед Григорием Нисским не только в догматических вопросах, но и в вопросах мистики и духовной жизни.

Учение об обожении

Центральной идеей богословской и мистической системы Григория является идея обожения.

Учение об обожении человека воплотившимся Богом содержится уже у [Иринейя Лионского](#), по словам которого, Сын Божий «сделался тем, что и мы, дабы нас сделать тем, что и Он». Афанасию Александрийскому удалось выразить учение об обожении в еще более лаконичной форме, чем это делал Ириней: «(Слово) вочеловечилось, чтобы мы обожились».

Однако именно у Григория Богослова тема обожения становится центральной и именно после него она станет сердцевинной всей религиозной жизни христианского Востока и идеей, вокруг которой будут вращаться основные вопросы догматики, этики и мистики. Как отмечают ученые, «ни один христианский богослов до Григория не употреблял термин «обожение» (греч. теосис) столь часто и последовательно, как это делал он; и в терминологическом, и в концептуальном смысле он шел далеко впереди своих предшественников в постоянном обращении к теме обожения».

Формулы Иринейя и Афанасия возникают в сочинениях Григория в разных модификациях: «Будучи Богом, Ты стал человеком, смешавшись со смертными; Богом был Ты от начала, человеком же стал впоследствии, чтобы сделать меня богом после того, как Ты стал человеком»; «Христос сделал меня богом через Свою человеческую природу»; «Слово было Богом, но стало человеком, как мы, чтобы, смешавшись с земными, соединить с нами Бога».

В «Словах о богословии» Григорий делает существенное уточнение к формуле Афанасия: человек становится богом «настолько же, насколько» Бог стал человеком. Таким образом, устанавливается прямая связь не только между Воплощением Бога и обожением человека, но и той *мерой*, в какую Бог стал человеком и человек становится богом. Григорий делает это уточнение в противовес ереси Аполлинария: если Бог не стал *всецелым* человеком, то и человек не может *всецело* стать богом. В одном из стихотворений, направленных против Аполлинария, Григорий идет еще дальше и ставит Боговоплощение в прямую зависимость от обожения человека: «Бог настолько стал человеком, насколько меня делает из человека богом». Вера в полноту человеческой природы во Христе, таким образом, предполагает веру в обожение всецелого человека, состоящего из ума, души и тела; и наоборот, идея обожения предполагает веру во Христа как полноценного человека с умом, душой и телом.

Учение об участии тела в обожении является одним из основных отличий христианской идеи обожения от ее неоплатонического двойника – идеи Плотина о стремлении человека к тому, чтобы «стать богом». В философии Плотина обожение тела невозможно: материя всегда остается злой и враждебной всему божественному. Григорий, напротив, утверждает, что во Христе плоть обожена Духом: воплотившийся Бог «един из двух противоположных – плоти и

духа, из которых один обоживает, другая обожена».

По учению Григория, обожение человека начинается и совершается в земной жизни, но полностью реализуется в будущем веке. Согласно Григорию, «здесь» человек готовится к обожению, однако лишь «там», после перехода в иной мир, достигает его: это и составляет «предел таинства» христианской веры.

В своих эсхатологических воззрениях Григорий Богослов гораздо более осторожен, чем его друг Григорий Нисский. В отличие от последнего, он никогда не доводит эсхатологические прозрения до их логического конца: эсхатология для него – область вопросов, а не ответов, область догадок, а не утверждений. Григорий Богослов нигде не говорит о «восстановлении всего» (апокатастасисе), хотя и допускает возможность «более человеколюбивого» толкования посмертных мучений грешников. Говоря о воскресении мертвых, Григорий спрашивает: «Все ли впоследствии встретят Бога?» И оставляет вопрос без ответа. Эсхатологическое обожение человечества является одной из многочисленных тайн христианской веры, находящихся за пределами рационального познания.

Святоотеческое учение о человеке

Лекция в Свято-Димитриевском училище сестер милосердия

Святоотеческое богословие рассматривает человека в трех аспектах, трех состояниях. Оно, во-первых, говорит нам о человеке первозданном, созданном по образу и подобию Божию. Во-вторых, о человеке падшем, чья природа искажена грехом. В-третьих, о человеке искупленном, идущем по пути к обожению. Сегодня мы затронем все эти три аспекта святоотеческого учения о человеке.

Антропология Отцов Церкви складывалась на протяжении многих столетий. Она впитала в себя не только то, что было сказано и написано о человеке, его природе и судьбе в иудео-христианской традиции, то есть, в Ветхом и Новом Заветах, но и многое из того, что было разработано античной философией и медициной. В святоотеческой антропологии мы постоянно встречаемся, с одной стороны, с тем, что заимствовано из Библии, с другой стороны – с наследием античной традиции.

Что есть человек?

Отцы Церкви говорят о человеке с интонацией глубокого изумления. Как благоговеет человек перед Богом, так же он благоговеет и трепещет перед величием того, что Богом создано. И человек как наивысшее из творений Божиих представляет одну из самых значительных загадок для самого себя.

С этой интонацией изумления начинает свое «Слово о человеке» святитель [Игнатий \(Брянчанинов\)](#): «Кто я? Что я? Кто создал меня, зачем я существую, как разрешить эту загадку?» А святитель Григорий Богослов в одном из стихотворений рассказывает, как однажды в теплый летний день он сидел в тенистой роще на берегу реки, опустив ноги в прохладную воду, и мысли его были в смятении и недоумении: «Кем я был? Кто я теперь? И кем буду? Ни я не знаю этого, ни тот, кто умнее меня. Я существую, но что это значит? Иная часть меня уже прошла, иное я теперь, и иным буду... И ты, душа моя, что такое? Откуда ты, и кто соединил тебя с телом?» От величия этих мыслей, от невозможности дать на них ответ святитель Григорий приходил в большее и большее изумление.

Бог непостижим для человеческого ума. Но и то, что создано Богом, по своей сущности – непостижимая и сокровенная тайна. Мы можем иметь какие-то частичные знания и

представления о сотворенном Богом мире, так же как мы имеем некоторые знания и о Самом Боге, но сущность вещей, их сокровенный и изначальный смысл от человеческого ума сокрыты. И потому, чтобы понять, в чем заключается смысл жизни каждого из нас, мы вновь и вновь обращаемся к Священному Писанию и к учению Отцов Церкви. Что же открывает нам библейское и святоотеческое предание?

Сотворение человека: Предвечный Совет

Прежде всего, из Библии мы узнаем о сотворении мира и человека. «В начале сотворил Бог небо и землю» ([Быт. 1:1](#)), то есть духовный и материальный миры. Далее творение совершается поэтапно – от простейших материальных вещей и существ до высших представителей животного мира. «И сказал Бог: да будет...» – и стало так. Бог говорит, и Его слово, Его мысль тут же воплощается.

Но когда автор Книги Бытия переходит к рассказу о сотворении человека, здесь возникает как бы некая пауза между замыслом о творении и самим творением. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» ([Быт. 1:26](#)). К кому обращается [Бог](#)? С кем советуется? Когда Он создал небо, землю, светила, когда творил растения и животных, Он ни с кем не советовался. И вдруг мы слышим это загадочное: «Сотворим».

Ветхий Завет не дает нам ответа на вопрос о том, с кем совещается Создатель: Ветхому Завету еще недоступна тайна Святой Троицы. Но святоотеческое богословие отвечает: это был Предвечный Совет Трех Лиц Святой Троицы, Которые совещались между Собой о сотворении самого высшего и самого значительного из всех живых существ. Бог не мог советоваться с ангелами, потому что человек не создан по подобию ангелов и потому что [ангелы](#) – лишь служебные духи. Тем более не мог Он советоваться с какими-либо представителями материального мира – неразумными животными или растениями. Бог советовался с Самим Собой.

Священное Писание в какой-то степени приоткрывает нам, о чем шла речь на этом Предвечном Совете. Речь шла о судьбе человека. Человек создается по образу и подобию Божию: это значит, что в своей природе он будет иметь характерные черты троичного Бога, будет обладать свойствами, которыми в абсолютной степени обладает только Бог. И конечно, человек будет обладать богоподобной свободой. Эта свобода, означающая для него возможность выбора собственной судьбы, будет настолько неограниченной, что человек, если захочет, сможет отделиться от Бога и свое желание жить так, как ему хочется, противопоставить воле Божией и Промыслу Божию о нем самом. По словам [Владимира Лосского](#), творя человека, Бог шел на определенный риск. Всякое творческое дело сопряжено с дерзанием и риском, и сотворение человека было предприятием рискованным, потому что на карту была поставлена сама судьба человека, его спасение. Поэтому Бог взял на Себя спасение и искупление человека в случае, если человек не захочет жить по Его воле и Его заповедям.

В Евангелии от Иоанна говорится: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» ([Ин. 3:16](#)). Это значит: Бог Отец настолько возлюбил человека, что отдал Своего Сына на смерть и муки ради спасения человека. И Христос говорит о Себе, что Он пришел исполнить волю Отца ([Ин. 6:38](#)). А воля Отца состоит в том, чтобы никто не погиб – ни один из созданных им людей. И еще Христос говорит: «Если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам» ([Ин. 16:7](#)).

На основании этих слов можно «реконструировать» – разумеется, в совершенно условном, гипотетическом плане и лишь в той мере, в какой подобные вещи доступны человеческому

восприятию, – то, что происходило на Предвечном Совете. Бог Отец, Который является причиной всего, Который обладает первенством внутри Самой Троицы, желая сотворить человека по образу и подобию Своему, обращается к Сыну, тем самым вопрошая Его, готов ли Он и хочет ли Он взять на Себя ответственность за судьбу человека, вплоть до того, чтобы, если понадобится, Самому стать Человеком и разделить судьбу человечества. Святой Дух также участвует в этом совещании, и сошествие Святого Духа на людей, Его присутствие в мире ставится в прямую зависимость от искупительного подвига Иисуса Христа. Иначе говоря, Предвечный Совет означает согласие всех Лиц Святой Троицы взять на Себя ответственность за судьбу человека.

Только после того, как было решено, что Бог Сам становится залогом, гарантом спасения человека, Он приступает к сотворению человека.

Образ и подобие

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» ([Быт. 1:27](#)). Эти слова ставят перед святоотеческой мыслью вопрос: в чем же заключаются образ и подобие Божии? На это Отцы Церкви отвечали по-разному.

1. Любовь как образ Божий в человеке

С самого начала в Библии речь идет о том, что Бог сотворил не одного человека, не одинокую самозамкнутую монаду, единицу, а «мужчину и женщину». Человек создается по образу триипостасного Бога. И как Бог един в трех Ипостасях, точно так же и человек создается как существо многоипостасное. Адам, [Ева](#) и их последующие потомки – это всечеловек, человечество. У всех людей одна природа и одна сущность, но одновременно каждый человек представляет собой неповторимую личность.

Если бы Бог не был Троицей, мы не могли бы сказать вместе с Иоанном Богословом, что «Бог есть Любовь» ([1 Ин. 4:16](#)). Ничто самоизолированное, самозамкнутое не может быть любовью. И никакая изолированная от других монада не может быть настоящей личностью. Каждый из нас реализуется как живая личность через общение с другими личностями. Представим себе человека, который родился и рос в полной изоляции, никогда не видя людей, не слыша их речи: такой человек не сможет ощущать себя полноценной личностью. Он не научится человеческим чувствам, человеческим знаниям, человеческому слову, и его существование ничем не будет отличаться от существования животного.

Человек становится человеком благодаря своему общению с другими людьми, благодаря жизни среди людей. И именно через других людей он опытно познает, что такое любовь. Еще младенцем он тянется к матери, и узы любви соединяют его с нею, с ближайшим окружением, с семьей самым тесным, нерасторжимым образом.

Позже человек взрослеет, и происходит то, о чем также сказано в первых главах Книги Бытия: «Оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей» ([Быт. 2:24](#)). И нет ничего дерзкого в утверждении, что любовь между мужчиной и женщиной – это тоже любовь по образу любви божественной. Любовь – это то, что человек вынес с собой из рая. За время своего краткого пребывания в раю Адам научился двум вещам: любить Бога и любить женщину. И эти две любви для него были одной и той же любовью: он не разделял их. Несмотря на то, что он не сохранил верность в своей любви к Богу, а многие сыны Адама впоследствии изменили своим женам и попрали закон любви, мы все же можем говорить, что любовь в ее высших проявлениях есть наследие рая; любовь – это то, что в естестве человека осталось от его первозданного блаженного и богоподобного состояния.

Посмотрим на себя, на людей в истории, на окружающих – многие люди, даже самые

мелкие, ничтожные, незначительные, благодаря любви бесконечно перерастают собственную меру и становятся великими. И только в любви, благодаря любви человек может уподобиться Богу. В улыбке, с которой мать смотрит на своего ребенка, есть нечто от образа Божия. Любовь между мужчиной и женщиной даже в ее теперешнем, искаженном и страстном состоянии, все-таки тоже сохраняет в себе некие черты, некие отблески первоначальной любви райской: в конечном счете она есть не что иное, как тоска по утраченному блаженству.

Все лучшее из созданного человечеством посвящено двум основным темам: любви к Богу и любви между мужчиной и женщиной. Самое величественное и самое прекрасное в литературе, музыке, живописи, поэзии создано благодаря этим двум движущим силам, которые в своей первоначальной основе были единой интегральной силой любви. И прав был Данте, который сказал, что любовь «движет солнце и светила». Действительно, любовь движет вселенной. Любовь Бога к миру дает жизнь миру, и любовь, которой обладает человек, дает жизнь всему человеческому обществу – как в масштабе семьи, так и в масштабе вселенной.

Итак, образ Божий в человеке заключается в том, что человек многоипостасен и способен любить. Благодаря этой многоипостасности, благодаря тому, что человек не один, реализуется полнота жизни в человеке, и он может жить той «жизнью преизбыточествующей», которая всецело захватывает его, дает ему счастье и блаженство, жизнью, которой внутри Себя, внутри Своего бытия и Своей сущности живет Святая Троица.

2. Душа и разум в человеке

Человек создается из двух стихий: взяв «персть от земли», то есть материю, Бог создает из нее тело человека, но Он также вдыхает в человека «дыхание жизни» – душу живую. По своей телесной природе человек – плоть от плоти земли, а по душе – «частица Божества», как говорит святитель Григорий Богослов. В человеческой душе, а точнее, в ее высшей части – разуме, или логосе, – Святые Отцы усматривают образ Божий.

Ни одно из животных не обладает разумом. У животных есть душа, есть чувства, есть способность любить, быть верными: нередко они бывают более верными по отношению к человеку, чем люди по отношению друг к другу. Но у животных нет той полноты бытия, которой обладает человек благодаря логосу (греческое слово «логос» означает «слово», «разум»). Человек, по учению Отцов Церкви, есть «зоон логикон» – «животное разумное», «животное словесное»: это одно из наиболее распространенных в святоотеческом богословии определений человека; заимствовано оно из античной философии.

Человека, «животное разумное», отделяет от животных неразумных непроходимая бездна. Только религия по-настоящему сознает это отличие между человеком и животным миром. Именно потому религиозное сознание отвергает идею о том, что человек – лишь эволюционировавшая обезьяна. Библейское Откровение, говоря о сотворении человека по образу и подобию Божию, подчеркивает величие человека.

Атеисты утверждают, что христианство унижает человека. Это свидетельствует либо о полном незнании христианского учения о человеке, либо о сознательном желании обмануть, ввести в заблуждение. Ибо именно христианство ставит человека так высоко, как не ставит его ни одна другая религиозная или философская система. Что такое человек в восприятии атеиста? Это обезьяна, только с более развитыми умственными способностями. Что такое человек в восприятии, например, восточных религий – индуизма, буддизма? Это одно из перевоплощений души, которая до своего вселения в человеческое тело могла обитать в теле собаки, свиньи или другого животного, а после смерти человеческого тела может опять оказаться в теле животного. Человек сам по себе – это ничто, некое переходное состояние между другими нестабильными состояниями.

И только христианство дает по-настоящему возвышенный образ человека – настолько

возвышенный, что мы даже не можем постичь его умом. Человек, сотворенный по образу Божию, является иконой Бога (греческое слово «икон» означает «образ»). Каждый из нас в своих чертах – в первую очередь, в душе, но и в теле тоже – имеет подобие совершенства Творца, является иконой невидимого Бога.

3. Творческая способность. Человек как посредник между Богом и миром.

Бог – Творец, но и человек наделен творческой способностью. Бог созидает из ничего, а человек творит из созданного Богом материала. Весь мир дан человеку, чтобы он творчески «возделывал» его, преображал, доводил до полноты совершенства, возвращая Богу еще более прекрасным и величественным, чем он был сотворен. Человек создан как продолжатель творческого дела Бога-Творца.

В первых главах Книги Бытия мы читаем, что Бог привел всех зверей к человеку, чтобы тот дал каждому имя. Способность человека нарекать имена тварям означает не что иное, как способность его проникать в суть вещей. Имя – символ его носителя, попытка в нескольких звуках охарактеризовать сущность того, кому оно принадлежит. Животное не может дать имя другому живому существу; оно может лишь откликаться на собственное имя. Человек же способен давать имена всему, что он видит вокруг себя, то есть способен умом проникать в сущность вещей. Не будучи творцом мира материального, мира животных, он становится со-творцом Бога, разделяя с Богом-Творцом радость обладания миром. И именно благодаря тому, что он разумен, что он есть «зоон логикон», то есть имеет в себе черты Божественного Логоса, Разума, Слова, он становится царем вселенной.

Древнегреческие философы называли человека малым миром, «микрокосмом», подчеркивая, что человек соединяет в себе элементы материального мира, является как бы синтезом всего мироздания. Отцы Церкви тоже пользовались этим термином, говоря о том, что человек объединяет в себе все стихии, из которых соткано мироздание. Этих стихий, как тогда думали, четыре: воздух, земля, огонь и вода.

Однако некоторые из Отцов в этом вопросе дистанцировались от античных философов, считая, что имя «микрокосма» унижает человека, что человек намного величественнее, чем космос. Как говорит святитель Григорий Нисский, древние философы, назвав человека микрокосмом и думая этим возвысить его, по сути дела «наделили его свойствами комара или мыши», ибо и комар, и мышь имеют в себе те стихии, из которых состоит материальный мир, и тоже являются плотью от плоти земли. Человек же, благодаря тому, что наделен способностью мыслить и говорить, оказывается на границе двух миров: мира материального, чувственного и мира ноуменального, духовного. Человек является посредником между Богом-Творцом и тварью: ногами он стоит на материальной земле, но разумом, сердцем выходит далеко за ее пределы и соприкасается с Богом. Поэтому святитель Григорий Богослов называет человека «макрокосмом» – великим космосом внутри «малого», то есть видимого, материального космоса.

Человек вводится Богом в материальную вселенную как посредник между Богом и тварью, как священник всего мироздания. Подобно тому как священник во время Литургии, произнося «Твоя от Твоих», возвращает Богу Его же дары с благодарением, человек был призван к обладанию этим миром для того, чтобы царствовать над ним, вести мир к совершенству и обожению. Через исполнение заповедей человек должен был возвращать мир, этот дар Божий, Самому Творцу, Который поставил его господином и царем над мирозданием.

В этом и заключался смысл заповеди о возделывании рая. Рай не нуждался в том, чтобы его возделывали, он и без этого производил плоды, необходимые человеку. В возделывании рая нуждался человек: он должен был научиться творчеству. И хотя человек, в отличие от Бога, не может творить «из ничего», он может брать Божии дары и совершенствовать их, доводя до еще

большей красоты и гармонии. Человек может сделать из дерева дом, из камня скульптуру, из глины кувшин. Творя, человек подражает Творцу и уподобляется Ему.

Высокое предназначение человека

В этом уподоблении Богу и заключалось изначальное предназначение человека. Весь мир был дан ему как поле деятельности. Судьба человека была в его собственных руках. Он не должен был стать пассивным обитателем рая, ему надлежало стать делателем, подобно тому, как Бог является Делателем. «Отец Мой доныне делает, и Я делаю», – говорит Христос ([Ин. 5:17](#)). Бог никогда не пассивен: Он всегда действует. И человек должен был научиться действовать подобно Богу. Возделывая рай, совершенствуя вверенное ему богатство, он должен был вместе с тем самосовершенствоваться, воспитывать собственную душу, чтобы она достигла подлинного и совершенного богоподобия.

По мысли преподобного Иоанна Дамаскина, образ Божий – это то, что дано человеку изначальное, что вложено в него Богом, а подобие – то, что дано в потенциале и чего человеку надлежало достичь своим трудом, деланием, верностью Божией заповеди. Взойти от образа к подобию, от богообразия к бого-уподоблению – это и означало взойти к обожению. Целью всей жизни человека было достижение наибольшей полноты богоуподобления: человек должен был стать по благодати тем, чем Бог является по природе, должен был приобщиться к божественному совершенству и войти в обладание божественными свойствами.

Почему Бог не создал человека обоженным, то есть уже полностью «готовым» к вечному блаженству? Потому что человек должен был усвоить божественные качества, сделать их «своими». Одно дело получить что-то в дар, другое – научиться пользоваться этим даром как своей собственностью. Одно дело иметь краски и кисти, и совсем другое – научиться рисовать. Сам Бог обещал быть руководителем человека, которому оставалось, вложив свою руку в руку Божественного Учителя, послушно водить кистью вслед за Учителем. Если бы человек всецело и безоглядно, как дитя, доверился Богу, если бы исполнил заповедь Божию и с самого начала пошел по пути, предначертанному Творцом, его судьба была бы иной.

Грехопадение

Но произошло то, о чем мы читаем в 3-й главе Книги Бытия, – отпадение человека от Бога. Человек отпал от Бога не сам по себе: он был соблазнен змеем. В еврейском тексте Библии об этом говорится: «Змей был хитрее всех зверей полевых» ([Быт. 3:1](#)). А в греческом переводе: «Змей был самым разумным (сметливым) из всех зверей полевых».

В образе змея перед человеком оказался сам диавол. Кто такой диавол? По учению Святых Отцов, диавол первоначально был одним из ангелов. Он был добрым и прекрасным, почему и имя ему было дано Эосфор, что значит «светоносец», «денница», «утренняя заря». Возгордившись собственным совершенством, Эосфор-Люцифер противопоставил свою волю воле Творца и из-за этого отпал от Бога. Почему и как это произошло, навсегда останется для нас тайной. Но мы знаем, что отпадение Люцифера и ангелов его от Бога было самой большой катастрофой в истории тварного мира. Именно тогда в мире появилось зло.

Когда Бог создал человека, зло уже существовало. Бог не сотворил зло и не является виновником его появления. Зло было привнесено свободной волей диавола. Приводя человека из небытия в бытие, Бог знал, что помещает его в том мире, где есть не только свет, но и тьма, не только добро, но и зло, не только блаженство, но и страдание, не только возможность достичь обожения, но и возможность гибели, отпадения. Потому Бог сразу указал человеку на древо, от

которого нельзя было вкушать, – дерево познания добра и зла. «Ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» ([Быт. 2:17](#)). И человек должен был исполнять эту божественную заповедь и обходить запретное дерево стороной. Он мог наслаждаться плодами всех деревьев, в том числе древа жизни, а значит, мог быть бессмертным. Но он должен был воздерживаться от познания и вкушения зла, потому что, как только он почувствовал бы вкус зла, как только он хотя бы на мгновение отпал от любви к Богу и верности Богу, он сразу потерял бы все то, чем обладал как сотворенный по образу Божию.

Почему лукавый совет змея оказался столь соблазнительным? Дело в том, что диавол сыграл на самых сокровенных чаяниях человека, воспользовался вложенным в человека стремлением достичь состояния богоподобия. Путь к обожению предлагали человеку и Бог, и диавол. И Тот, и другой обещали Адаму и Еве, что они будут, как боги. Но Бог говорит людям: если вы исполните заповедь Мою, если сохраните верность Мне, то Я введу вас в обладание Своим Царством, Я сделаю вас такими же по благодати, каким Я являюсь по природе. А диавол говорит: если вы нарушите заповедь Бога, вы станете такими же, как Бог, потому что Бог запретил вам вкушать от древа познания добра и зла из зависти. Бог предложил человеку прямой путь к обожению, а диавол, как говорит преподобный Иоанн Дамаскин, «искусил человека ложной надеждой на обожение». Диавол всегда старается прикрыть свои действия личиной добра. Он никогда не выступает в истории под своим истинным обликом, но всегда скрывается под разными масками. И для того, чтобы соблазнить человека, обмануть его, он пародирует Бога, обещая человеку то же, что обещал Бог.

Первой поддалась на искушение Ева: она вкусила от древа познания добра и зла, тем самым нарушив заповедь Божию. В Библии мы читаем: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз» ([Быт. 3:6](#)). Она почувствовала, что плод будет сладок и предпочла сладость запретного плода сладости исполнения божественной заповеди. Женщина почувствовала, что существуют ценности вне Бога и помимо Бога. И она решила пренебречь заповедью Божией, попробовать, каков вкус того, что вне Бога.

Вслед за Евой от древа познания добра и зла вкусил Адам. И вдруг оба они обнаружили свою наготу, увидели то, чего раньше не замечали. Они поняли, что помимо добра может существовать зло, помимо красоты – безобразие и нагота, помимо радости – стыд, помимо правды – ложь.

Услышав голос Бога, ходящего в раю, Адам захотел скрыться от Бога. Нарушив заповедь Божию, человек в одно мгновение лишился того целостного, интегрального знания о Боге, той врожденной прозорливости и мудрости, которыми обладал с момента своего появления на свет. Раньше человек знал, что скрыться от Бога невозможно, что Бог присутствует везде. Нарушив заповедь, он потерял это знание. Отойдя от Бога, он сразу же получил искаженное представление о Боге. Раньше он не знал и не мог даже предположить, что Бога следует бояться, что Бог может наказать его. Раньше Адаму не пришло бы в голову куда-то бежать от Бога и скрываться от Него. Теперь же он пытается скрыться, ищет убежища, потому что заповедь нарушена, связь между человеком и Богом расторгнута.

Но скрыться от Бога Адаму не удастся, и он встречается с Богом лицом к лицу. Встреча, которая раньше была источником величайшего блаженства и радости, теперь становится источником страдания. Увидев Адама, Господь изрекает Свой приговор: человек должен быть изгнан из рая – и не потому, что этого хочет Бог, но потому, что в раю нет места злу, непослушанию, неверности и неверию. Человек, вкусивший от древа познания добра и зла, уже не может находиться в раю, он стал чуждым раю. И изгнание Адама из рая было естественным следствием нарушения заповеди Божией: это был тот приговор, который подписал себе сам человек.

За богослужением в Прощеное воскресенье мы слышим о том, как Адам, покинув рай, сел у его дверей и начал оплакивать свое падение, оплакивать утрату райского блаженства. Он еще помнил шум листьев рая, запах и вкус плодов его, но уже знал, что все это более не принадлежит ему:

Адам был изгнан из рая через снесь; поэтому, сидя напротив него, он рыдал, восклицая умиленным голосом: горе мне! как пострадал я, жалкий! я преступил одну заповедь Владыки и лишился всех благ! О, рай святейший, насажденный ради меня... я уже не буду наслаждаться твоей сладостью и уже не увижу Господа Бога моего и Создателя, ибо пойду в землю, из которой был взят.

История падшего человечества

Все последующее существование человечества было исполнено тоски по раю; оно было поиском пути, следуя по которому можно было бы возвратиться к утраченному блаженству. Память о рае сохранялась в сердце Адама и от него передавалась многим поколениям его потомков. Однако поиск утраченного рая может идти двумя путями: либо тем, который был заповедан Богом, либо тем, который предложил диавол.

Книга Бытия показывает нам, что после изгнания Адама и Евы из рая человечество идет параллельно двумя путями. С одной стороны, развивается и умножается грех, с другой, в некоторых людях всегда живет память о Боге, и они стараются хранить верность Ему. Когда Адам и Ева были изгнаны из рая, они «познали» друг друга, и у них родились дети – Каин и Авель. И уже во втором поколении человечества, поколении детей Адама и Евы, возникает грех братоубийства. Грехом Адама и Евы было непослушание, а их потомки не только испытывают на себе все плоды этого греха, но и впадают в грех более тяжкий и страшный. Таким образом, уже второе поколение людей узнает, что такое убийство.

Диавол поревновал Адаму и Еве, позавидовал им. Точно так же из зависти и ревности Каин убил Авеля. С момента грехопадения зависть и ревность становятся неотъемлемой частью человеческого существования.

Потомки братоубийцы Каина создали цивилизацию. Сам Каин построил первый на земле город, которому дал имя своего сына – Енох. Один из сыновей Каина был ковачом из меди и железа, другой был строителем городов, третий был «отцом всех, играющих на гуслях и свирелях». То, что мы сейчас называем цивилизацией, культурой, искусством, – начало процветать среди потомков Каина. Цивилизация родилась как попытка чем-либо заменить утраченное блаженство. Можно сказать, что цивилизация, включая культуру и искусство, является суррогатом райского блаженства: будучи движимы тоской по раю, любовью и стремлением – пусть и неосознанным – к Богу, они несут в себе положительный, творческий заряд. И вместе с тем культура сама по себе, культура, как говорил священник Павел Флоренский, отторгнутая от культа, от своего первоначального назначения служить Богу, становится тем самым запретным плодом, который может привести человека к гибели.

Человек наделен способностью творить и он может употребить эту способность во славу Божию, может возвращать Богу то, что получил от Него в дар, может жить так, чтобы один полученный от Бога талант приносил десять талантов. Но человек может употребить свои творческие способности и во зло. Вместо того, чтобы всей своей жизнью и каждым творческим актом служить Богу, человек может попытаться своими силами, без Бога, здесь, на этой земле построить некое подобие рая, в котором Бога не будет, но в котором человек будет надеяться обрести счастье.

История человечества по сути и является таким бесконечным поиском никогда не

достижимого «царства Божия на земле». Примером тому служит история построения вавилонской башни. Человек думает, что может своими силами построить башню, которая достигнет неба, и тогда он сядет наравне с Богом (все тот же мотив: «будете, как боги») и станет управлять миром. Но, как мы помним, Бог посмеялся над этим намерением людей, потому что оно было абсурдно. Он смешал их языки, и они перестали понимать друг друга.

До сих пор человечество не перестает вновь и вновь строить вавилонские башни, пытаясь создать царство Божие на земле. И эти башни вновь и вновь рушатся, потому что построены они на песке, у них нет того твердого основания, каким может быть только Бог. Крушение одной из таких башен произошло на наших глазах, и мы все сейчас находимся под ее обломками. Людям было обещано, что через какое-то время, через двадцать лет, царство справедливости, равенства, всеобщего благополучия наступит в отдельно взятой стране: для достижения его нужно только окончательно изгнать из мира религию, якобы отвлекающую людей от активной созидательной деятельности, а также уничтожить всех, кто по тем или иным причинам не может войти в это царство. И люди десятилетиями трудились в надежде построить царство Божие на земле, но были жестоко обмануты.

Главная, ключевая ошибка подобных идеологий заключается в том, что их создатели не хотят знать о падшем состоянии человека, о том, что природа его искажена грехом. Идеалы свободы, равенства, братства, справедливости недостижимы до тех пор, пока человек не достигнет богоподобия и обожения. Пока люди остаются в состоянии падшего Адама, на земле всегда будет существовать зло, грех, несправедливость, неравенство, братоубийство. Всякая попытка создать рай на земле обречена на провал. Всякое стремление построить вавилонскую башню изначально порочно, потому что единственный путь для человека, отпавшего от Бога, вновь обрести рай – это вернуться к Богу.

Природа падшего человека

После грехопадения все способности человека, все его духовные и физические функции подверглись глобальному искажению. Его способность любить, которая была чистой и цельной, которая предполагала безусловную верность Богу и супружескую верность, была или утрачена, или искажена до такой степени, что превратилась в страсть. Любовь стала не только источником творческого вдохновения и счастья, но и источником греха. Ум человека, обладавший врожденным знанием Бога, способностью проникать в суть вещей, потерял это знание и эту способность. Наряду со всем добрым и святым, что приходит от Бога, ум стал воспринимать и все то греховное, что подбрасывает ему враг рода человеческого.

Душа, которая была бесстрастной и чистой, стала страстной. Вместе с тем добрым, что сохранилось в душе каждого человека от образа Божия, в ней появилось зло, привнесенное как общей испорченностью человеческой природы, так и собственными грехами каждого человека.

Тело человека, которое изначально было, хотя и материальным, но пронизанным энергией Бога, которое было создано руками Божиими, которое не было подвержено болезням и страданиям, стало теперь тленным и смертным. Как говорит преподобный Макарий Египетский, человек приобрел ту болезнь, от которой его не может исцелить никакой врач: тление. Жизнь человека в материальном теле есть лишь медленный путь к смерти. Чем дольше человек живет, тем больше стареет, тем больше его организм подвергается тлению, которое в конечном счете приводит к смерти. Люди стыдятся старения и используют все доступные им средства, чтобы скрыть этот процесс от других. Люди пытаются притормозить свое движение к смерти: каждый старается найти какие-то способы отдалить неизбежный конец. Но никто еще от этого конца не ушел: смерть – общий удел всего человечества.

После грехопадения в жизнь человека вошли болезни – неизбежное следствие греха. «Сделанный грех рождает смерть», – говорит Священное Писание ([Иак. 1:15](#)). А между грехом и смертью стоит болезнь как предвестница смерти. Христианское отношение к болезни двояко. С одной стороны, мы хорошо помним аскетические советы принимать болезнь как посланное Богом испытание, принимать ее с благодарением. С другой стороны, для каждого человека естественно желание исцелиться от болезни. И это желание одобряется Самим Богом, потому что болезни не Им созданы. И когда Бог воплотился, Он исцелял многих больных. Иногда Христос указывал и на источник болезни: о согбенной женщине Он сказал, что ее «связал сатана» ([Лк. 13:16](#)).

Искушение человека

История человека, о которой повествует Библия, – история его сотворения как существа прекрасного и великого и затем ниспадения до того состояния, в каком мы находимся сегодня, – была бы трагичной и абсурдной, если бы в ней не произошло событие, повернувшее весь ее ход. Это событие – Боговоплощение.

Сердцевиной нашей веры является истина воплощения Сына Божия, которая находится в центре христианской философии, богословия, антропологии, экклезиологии, сотериологии – всего, во что верует и чем живет Церковь. Бог воплотившийся стал, по выражению апостола Павла, «новым [Адамом](#)»: Он пришел, чтобы исправить ошибки первого Адама, исцелить его раны, восстановить то, что в человеческой природе было повреждено и искажено грехом. Для достижения этой цели Христос прошел весь тот путь, которым проходит каждый человек – путь страданий и скорбей. Чтобы утратить человека от болезни, греха и страдания, Христос «взял на Себя наши немощи и понес болезни» ([Мф. 8:17](#)).

Вся жизнь Христа, каждое событие Его жизни, каждое слово, произнесенное Им, – все это имеет абсолютное значение для жизни и спасения всякого из нас. Святитель Григорий Богослов говорит: «За каждый наш долг Христом воздано особо... Древо за древо и руки за руку. Руки, распростертые на Кресте – за руку, дерзко простершуюся к запретному плоду. Древо Креста – за древо, от которого вкусил Адам. Желчь – за вкушение. Терновый венец – за плохое владычество. Смерть – за духовную смерть Адама». Вся история земной жизни Христа рассматривается как история Адама, только как бы в обратной перспективе. Все, что было Адамом нарушено, Христом исправлено; все, что в Адаме пострадало, Христом утратено.

Сам Бог в Своем Предвечном Совете предназначал для Себя этот путь. Сам Он решился на то, чтобы сотворить человека и затем взять на Себя его спасение. Если бы человек не согрешил, воплотился бы Бог или нет? Это не праздный вопрос: некоторые из Отцов его ставили и отвечали на него положительно. Бог все равно воплотился бы, учит святой Максим Исповедник. Даже если бы человек не согрешил и не нуждался в утратении своей природы, все равно своими силами, даже путем исполнения заповедей Божиих, он не мог бы достичь того, к чему был предназначен, – обожения. Боговоплощение не является последствием греха, оно произошло бы так или иначе. Но если бы человек не согрешил, воплощение Сына Божия не было бы связано с необходимостью для Бога воплотившегося страдать и умереть, то есть не было бы Голгофы и всего того ужаса, который вошел в жизнь Бога, когда Он воплотился и стал человеком.

Христос – Бог воплотившийся – проходит через то, через что проходит каждый человек в этом мире. Он становится Младенцем; Он растет, живет в послушании у Своей Матери и нареченного отца; Он занимается человеческой работой – будучи «сыном плотника», учится ремеслу плотника; Он исполняет все религиозные обряды, предписанные иудею Его времени;

Он принимает на Себя роль Учителя – одного из многих учителей, которые странствовали тогда по Иудее; Он страдает, терпит насмешки, оскорбления, человеческую ложь и предательство; наконец, Он принимает смерть и нисходит в ад.

Христос проходит весь путь человеческого страдания, чтобы все на этом пути обожить и освятить. «Что не воспринято, то не исцелено», – говорил святитель Григорий Богослов. Как человек не мог воспринять божественное совершенство, не пройдя сам искуса и испытания, не усовершенствовавшись в делании добра, так и Бог не мог спасти человека без согласия на это самого человека и без участия его в этом. Спасение не могло быть просто сброшено с неба как дар, потому что человек, со своей стороны, должен приложить усилия для его достижения. Но и Сам Бог для того, чтобы у врачевать человеческую природу, должен был пройти через весь ужас земной человеческой жизни. И только во Христе воплотившемся человек обретает то восстановление своей природы, которое мы называем спасением и обожением, только через Христа человек может соединиться с Богом и достичь богоподобия.

Как происходит это воссоединение Бога с человеком во Христе? Во-первых, Сам Христос сделал все то, что зависело от Него, для спасения человека: Он не только простил человека, как отец прощает блудного сына, но Сам вышел на поиски его, как Добрый Пастырь выходит на поиски заблудшей овцы; Он не только не захотел наказывать человека, но Сам стал человеком и взял на себя наказание за грех человека. Не наказание по законам правосудия, но спасение по закону любви – вот что уготовал Бог человеку. Как говорит преподобный Исаак Сирин: «В чем же правосудие Божие? В том, что мы грешники, а Христос за нас умер?» Преподобный Исаак в этих словах выражает ту правду, которая открывается любящим Бога в христианстве: Бог, создав человека, не бросил его в этот мир на произвол темных сил, но взял на Себя ответственность за его последующую судьбу, позаботился о его спасении. И воплотившись, став человеком, Он совершает искупительный подвиг, то есть берет на Себя все человеческое, чтобы даровать человеку все божественное.

Человечество спасено Голгофской жертвой. Христос испытывает на Себе ужас человеческого страдания до последних его глубин. На Кресте Христос молился Своему Отцу: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» ([Мк. 15:34](#)). Ум замирает в изумлении перед этим воплем Христа на Кресте. Как могло произойти, что воплотившийся Бог испытывает богооставленность? Церковь верует, – об этом говорилось в эпоху христологических споров в IV и V веках, – что никогда, ни на одно мгновение Сын не был оставлен Отцом и человеческая природа Христа не была оставлена божественной. Но Христос добровольно принял на Себя самое великое и страшное страдание, какое только может выпасть на долю человека, – страдание богооставленности.

Ибо богооставленность и, как следствие ее, отчаяние – это самое большое страдание, не сравнимое ни с каким страданием физическим. Даже находясь в очень тяжелой болезни, даже испытывая невероятные физические муки, человек думает об одном – как бы ему выжить. А тот, кто испытывает богооставленность, уныние и отчаяние, думает о том, как бы ему умереть, потому что жизнь кажется ему ненужной и бессмысленной. Причиной самоубийства чаще всего бывает именно состояние глубокого отчаяния, безысходной богооставленности. Там, где есть вера, где есть чувство присутствия Бога, нет места мысли о самоубийстве.

И так как Христос захотел пройти через человеческое страдание по максимуму, Он добровольно испытал то, что испытывает человек в состоянии богооставленности. И после Своей смерти Христос сходит в ад для того, чтобы и ад увидеть изнутри и чтобы наполнить его Своим Божеством, Своим присутствием.

Во Христе человеческая природа получает то завершение, которого не только не хватает ей в падшем состоянии, но которым она не обладала даже в состоянии первозданном. Человеческая

природа была создана с таким абсолютным и безграничным потенциалом, что она способна вместить Божество. Однако ни Адам, ни его потомки этот потенциал не реализовали: его реализовал Христос. Мы исповедуем, что Христос есть совершенный Бог и совершенный человек: обе природы соединены в Нем «неслитно и нераздельно», они взаимно пронизывают одна другую. Всякое человеческое действие Христа пронизано Божеством и обожено, и всякое Его божественное действие соединено с человечеством.

Я уже говорил о том, что человек был предназначен к обожению: по своему потенциалу он является богом. Как говорил святитель Василий Великий: «Я – тварь, но я получил повеление стать богом». Животные и растения тоже сотворены Богом, но из всех тварей только человек способен возвыситься до состояния богоуподобления и обожения. Во Христе это обожение уже произошло: восприняв на Себя человеческую природу, Христос обожил ее изнутри. Христом уврачевана главная болезнь падшего человека – тление. По воскресении Он вознесся на небеса и воссел на престоле Отца – не только как Бог, но и как человек. С этого момента путь к обожению вновь открыт для каждого из нас. И обожение – не просто возвращение к состоянию первозданного Адама, но достижение того состояния, к которому Адам был предназначен и которого не смог достичь своими силами.

Христианская жизнь – путь к обожению

Во Христе человеческое естество обожено. Но каким образом мы можем достичь того обожения, которым обладал Христос как человек?

Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим на Божию Матерь, Которая через Христа, соединившись с Ним, достигла такой полноты обожения, что превзошла даже ангелов. Божию Матерь мы исповедуем «честнейшей Херувим и славнейшей без сравнения Серафим»: Она несравненно выше, чем ангелы, несопоставимо превосходит по Своей чистоте и святости херувимов и серафимов. Ибо, хотя ангелы выше нас по своим нравственным качествам, потенциально человек выше ангела. В лице Божией Матери этот потенциал был реализован: Она достигла полноты богообщения, приняв в Себя Бога, соединившись с Ним, так что обоженное тело Христа стало частью Ее собственного тела. Через Свою добродетельную жизнь, безгрешность, верность Богу и веру Она возшла к состоянию богоуподобления.

Но то была Божия Матерь, – скажет кто-нибудь, – Она была предызбрана Богом, Она, как верует Церковь, безгрешна. А что же мы? Оказывается, нам в Церкви дано не меньше, чем было дано Божией Матери. Она была предызбрана ко спасению, но и каждый из нас предызбран ко спасению. Она приняла внутрь Своего чрева Плоть и Кровь Христа, Сына Божия, но и каждый из нас в таинстве Святого Причащения принимает Тело и Кровь Сына Божия. Подобно тому, как Христос обожил тело Своей Матери, войдя в Ее утробу, подобно тому, как Он изнутри обожил человеческую природу, восприняв ее на Себя, Он изнутри обоживает природу каждого из нас, когда Его Тело соединяется с нашим телом и когда Его Кровь начинает течь в наших жилах. Таинство Причащения и другие таинства Церкви, являются залогом нашего обожения.

Поэтому Христос не только пострадал на Кресте, но и совершил Тайную Вечерю, поэтому Он основал Церковь, и «врата ада не одолеют ее» ([Мф. 16:18](#)). Христос совершил это, чтобы каждый из нас мог воспринять плоды спасения, усвоить дарованное Им обожение, чтобы Его обоженная человеческая Плоть стала и нашей плотью.

Мы исповедуем, что спасение невозможно вне веры во Христа и вне Церкви, потому что только в Церкви ежедневно совершается Евхаристия, возвращающая человечество к Богу, только в Церкви через это таинство человек может воспринять Божество внутрь себя и идти тем путем, которым Христос ведет все человечество навстречу Богу.

Это не значит, что все люди, живущие вне Церкви, обречены на погибель. Мы могли бы так подумать, исходя из слов Христа: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» ([Мк. 16:16](#)). Но эти слова не следует отрывать от того, что Христос сказал перед этим Своим апостолам: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» ([Мк. 16:15](#)). Сначала апостолы должны идти и проповедовать миру, и потом уже услышавшие, но сознательно отвергнувшие апостольскую проповедь будут за это осуждены, а принявшие благовестие – спасены. Но, как мы знаем, множество людей на земле никогда не слышали проповеди евангельской; есть люди и целые народы, которые никакого реального соприкосновения с евангельской Вестью не имели. Судьба этих людей – в руках Божиих, и никто из нас не вправе утверждать, что они заведомо обречены на погибель, потому что никто из нас не должен присваивать себе суд Божий. Один Бог знает, кто спасется, а кто погибнет. Мы знаем только, что Бог «хочет всем человекам спастися и в разум истины прийти».

Но мы также знаем с неменьшей ясностью, что полнота обожения невозможна там, где нет жизни во Христе, где человек в свою собственную плоть не принял Плоть Христову и где его кровь не соединилась с Кровью Христовой. Полнота обожения невозможна там, где человек не достиг созерцания Бога и жизни в Боге.

Господь говорит: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» ([Мф. 5:8](#)). Когда чистые сердцем узрят Бога? Не только после смерти, в будущей жизни, но и в настоящей жизни человек может узреть Бога, если очистится сердцем. Преподобный Симеон Новый Богослов говорит, что, как только человек становится чистым сердцем, он делается способным созерцать Бога духовными очами; как только он становится таким, о котором Христос говорит в Нагорной проповеди, – нищим духом, чистым сердцем, смиренным, плачущим, кротким, алчущим и жаждущим правды, милостивым, миротворцем, – он уже на пути к богоуподоблению. Принимая в таинстве Евхаристии обоженное человечество Христа, он все более и более приближается к Богу, все теснее и теснее соединяется с Ним, чтобы потом, в будущем веке, уже навсегда сочетаться со Христом и пребывать в Нем, никогда с Ним не разлучаясь.

Перед каждым из нас, христиан, открыт этот путь к обожению, так же как открыт и другой – ведущий в бездны ада. Выбор – за нами. Все, что зависело от Бога, Он совершил; спасение уже даровано Богом. Человеку остается лишь принять этот Божий дар с благоговением и радостью, отвергнуть зло и встать на сторону добра, отвергнуть смерть и встать на сторону жизни, отвергнуть соблазн диавола и встать на сторону Бога: «Жизнь и смерть предложил я тебе, человек, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» ([Втор. 30:19](#)).

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В ХРИСТИАНСКОМ ПОНИМАНИИ

Выступление перед учителями средних школ г. Волоколамска

Понятия духовности, христианства, культуры.

Прежде чем говорить о духовной жизни, я хотел бы прояснить понятие «духовность». Сегодня мы много слышим о духовности. О ней говорят люди самых разных профессий и мировоззрений, разного жизненного опыта, вкладывая в это понятие самое разное содержание. В православном, христианском понимании духовность прежде всего связана с понятием о Святом Духе. Духовность – это способность жить так, чтобы вся жизнь была пронизана присутствием Святого Духа, чтобы Святой Дух действовал в человеке. Таким образом, духовность – это прежде всего религиозное понятие. Вне [религии](#) этот термин лишен смысла.

Те, кто постарше, хорошо помнят, как в советское время в школах и вузах нас учили, что человек – это обезьяна, достигшая известной стадии интеллектуального развития, что человек – прежде всего существо материальное, живущее в материальном мире. Все, что при таком подходе вкладывалось в понятие духовности, было лишено религиозной сердцевины. Под духовностью понималась интеллектуальная деятельность, приобщенность человека к культуре, но не более.

Понятие культуры тоже требует объяснения. Слово «культура» произошло от латинского «культ» – «богослужение». По своим корням вся человеческая культура имеет религиозное происхождение. В древнем мире не было иной культуры, кроме той, что была непосредственно связана с религией. Из чего родилась музыка? Из богослужебного пения, из желания людей воспевать Бога. С чего началось изобразительное искусство? С того, что люди пытались изобразить в линиях и красках свой религиозный опыт. Можно проследить истоки любого культурного явления, любого вида искусства. И окажется, что все они – в религиозных верованиях, в религиозном культе.

С момента, когда культура отделилась от религии, приобрела самостоятельное бытие, а произошло это не так уж давно – на Западе в эпоху Возрождения, а у нас, в России еще позже, – и появилась так называемая светская культура. Всякая светская культура, как мне кажется, в той или иной степени либо противопоставляет себя чему-то божественному и религиозному, либо подменяет собой нечто божественное и религиозное, либо постепенно, мучительно ищет те корни, от которых она когда-то оторвалась. Иными словами, культура не может быть нейтральной по отношению к религии. Она может быть религиозной, причем здесь я имею в виду не только чисто религиозную, но и светскую культуру, которая пытается нащупать свой путь к Богу. Она может быть и антирелигиозной, в том смысле, что воинственно противопоставит себя религии, как это было с советской культурой. Но культура может быть антирелигиозной и в том смысле, в каком приставка «анти» употребляется в греческом языке, «вместо». Тогда эта культура, или, скорее, антикультура – попытка подменить собою религиозное содержание жизни.

И еще одно предварительное замечание – о смысле понятия «христианство». Казалось бы, здесь нет вопроса, мы все знаем, что такое христианство. И вместе с тем, если нас спросят, в чем сущность христианства, чем христианство отличается от других религий, зачем нужно христианство, то я думаю, не все сумеют правильно ответить. И это потому, что в понятие «христианство» тоже часто вкладывается совершенно разное содержание.

Христианство – одна из мировых религий, но этим далеко не исчерпывается его суть. Если

мы посмотрим на отдельные составляющие христианства, то увидим, что многие из них имеются и в других религиях. Например, вера в единого Бога разделяется христианами, иудеями, мусульманами – представителями монотеистических религий. Христианская нравственность тоже не является чем-то уникальным: в чем-то она близка иудейской, ветхозаветной нравственности; много общего у нее с исламским нравственным учением. На уровне аскетической и молитвенной практики у христианства тоже немало общего с другими религиями. Посмотрите, как молятся христиане в храме и мусульмане в мечети. Они произносят похожие слова в молитвах, используют похожие жесты. Одним словом, ни на одном из перечисленных уровней мы не найдем кардинальных отличий христианства от других религий.

Уникальность же христианства заключается в том, что это религия Бога Воплотившегося – Бога, ставшего Человеком. Именно живая [Личность](#) Христа стоит в центре христианской религии. Я подчеркиваю: не нравственное учение Христа, не те или иные аспекты духовной жизни, молитвенной, или аскетической практики, а именно живая Личность Христа есть центр и сущность христианства. Вся жизнь Церкви, вся духовная жизнь христианина, все, что мы называем духовностью в христианском понимании, – все это ориентировано на Христа и обусловлено стремлением к личному общению с Ним.

Уникальность христианства еще и в том, что то непреодолимое расстояние, которое существует между Богом и человеком и которое человек не может преодолеть собственными силами, уже преодолено Самим Богом – Богом, Который для того, чтобы мы могли узнать о Нем, полюбить Его, поверить в Него, для того, чтобы искупить нас от греха и зла, смерти и ада, стал Человеком, то есть одним из нас. Как говорили Отцы Церкви, Бог, оставшись единосущным Отцу по Божеству, стал единосущным нам по человечеству. Оставаясь всецело Богом, не утратив ничего из Своих божественных свойств, Он стал Человеком, добровольно принял на себя человеческую природу. Он остался тем, чем был, и воспринял на Себя то, чем не был. В результате человеческая природа настолько тесно и неразрывно слилась в лице Христа с Божеством, что всякое проявление этой человеческой природы было пронизано божественным присутствием. Иными словами, в лице Христа мы встречаем Человека, у Которого всякое Его человеческое проявление неразрывно связано с Божеством: Бог присутствует во всем, что делает, что думает и что говорит Христос-Человек.

Для христиан Христос – живой идеал, тот пример, которому мы должны во всем подражать. Не случайно в Православной Церкви почитают святых. Их почитают не потому, что они какие-то особые существа, созданные из другой материи. Это такие же люди, как мы с вами. Но это люди, которые прошли гораздо дальше, чем мы, по пути уподобления Христу. Они приобрели Бога внутрь себя, настолько естественно и неразлучно соединились и слились с Ним, что Бог чувствует Себя в каждом из святых как в собственном доме, и святые становятся как бы инструментами в Его руках, потому что Бог через них действует на других людей.

Каждый, кто становится христианином, вступает на путь, ведущий ко Христу. И у каждого своя дорога, своя тропа. Каждый человек подходит к цели со своей стороны. И чем ближе человек ко Христу, тем полнее он воспринимает Бога и тем более способен вместить в себя Бога. А приняв Бога внутрь себя, он может передавать знание о Боге и опыт присутствия Бога другим людям.

Вера в Христа Воскресшего

Теперь я хотел бы обозначить тему нашей сегодняшней беседы. Речь пойдет о христианской духовной жизни, о том пути, по которому христианин идет к своей цели. А цель эта – возможно более полное уподобление Богу и соединение с Ним.

Путь христианина обусловлен несколькими ключевыми моментами, без которых христианская духовность невозможна и немыслима. Прежде всего христианин – это член Церкви. Вне Церкви никакой христианской духовности быть не может, потому что Христос оставил после Себя не литературные произведения, которые мы могли бы изучать, не иные памятники Своего присутствия на земле, а именно Церковь – Церковь как реальность, в которой живут люди из поколения в поколение. В этом еще одно существенное отличие Христа от основателей других религий и нравственных учений.

Как правило, основоположники той или иной религии, того или иного философского или нравственного учения, были прежде всего учителями, которые заботились о том, чтобы оставить после себя письменное наследие. Сочинения каждого такого учителя становились фундаментом, на котором строилась жизнь основанной им школы. Христос же не написал ничего, ни одной строчки. Все, что мы знаем из письменных источников о Христе, – это свидетельства тех, кто видел Христа, или тех, кто слышал рассказы очевидцев. Среди тех, кто знал Иисуса Христа при Его земной жизни – прежде всего апостолы. Четверо из них – Матфей, Марк, Лука и Иоанн – стали авторами Евангелий, а Иаков, Петр и Иоанн – авторами посланий. Но был среди авторов Нового Завета человек, который, по-видимому, при жизни Христа не встречал – это апостол Павел. Именно с него начинается религиозный опыт тех людей, к которым принадлежат и сегодняшние христиане, не встречавшие Христа в своей физической жизни, но встретившие Его на своем духовном пути.

Вероятно, большинству из вас известна история обращения апостола Павла – человека, который из гонителя христианства превратился в его горячего апологета. Он был верующим иудеем и считал, что христианство противоречит основным нормам иудейской религии, что это опасная секта. Вооружившись письмами против христиан Дамаска, Савл (так звали Павла до обращения) шел в Сирию, чтобы бороться против христианства. Но когда он был на пути в Дамаск, ему неожиданно явился Христос в ослепительном свете. Савл «упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус...» ([Деян. 9:4](#)). С этой встречи – не на уровне физического бытия, но на уровне духовного прозрения, обращения – началась жизнь апостола Павла, который, не встретив Христа при жизни, стал одним из самых ревностных Его последователей.

Все будущие поколения христиан – это люди, которые Христа лично не знали, не имели возможности прочитать Его сочинения, потому что таковых не было. Их знание о Христе исчерпывалось тем, что они могли прочитать в Евангелиях как свидетельствах людей, которые Христа видели и слышали. Но каждый из них встречал Христа на собственном духовном пути: не просто узнавал о Его учении или был убежден словами, которые прочитал, но именно обретал внутри себя Живого Христа.

Эти встречи происходили и происходят по-разному. Нет двух людей, которые пришли бы к Богу одинаковым путем. Одни приходят ко Христу через внезапное обращение, как у апостола Павла, другие – через чтение книг. Но настоящий христианин – это тот, кто не просто что-то слышал, узнал о Христе, начитался книг о христианстве. Это человек, который знает через свой внутренний опыт, что Воскресение Христа – реальность, что Живой Христос присутствует в Церкви. И Церковь тем и отличается от всех известных философских школ, религиозных общин и сообществ, что дает людям возможность соприкоснуться с Живым Христом в реальном внутреннем духовном опыте.

Христианин – член Церкви

Церковь располагает многими средствами, которыми человек может воспользоваться,

чтобы выйти на путь, ведущий к личной встрече с Христом. Но прежде всего Церковь – это община. Когда человек приходит в Церковь, он перестает быть индивидуумом, стремящимся найти свой собственный, исключительный путь к Богу, к духовному совершенству. Попадая в Церковь, человек вливается в некий поток и начинает двигаться в его русле. Верующий человек оказывается идущим рука об руку с другими людьми. Став членом Церкви, человек становится членом общины и вместе с другими христианами начинает духовно возрастать.

Когда я говорю «человек стал членом Церкви», то не имею в виду людей, которые время от времени заходят в храм, чтобы постоять на службе, поставить свечку и уйти, ничего не поняв, оставаясь такими же чужими в храме, какими они были до этого. Нет. Стать членом Церкви значит приходить в Церковь как в свой собственный дом, участвовать в ее жизни, регулярно посещать богослужения, исповедоваться и причащаться. Становясь членом Церкви, человек преодолевает культурные и психологические барьеры, отделяющие его от церковной жизни, и пытается войти в эту жизнь полноценно и интегрально.

Если в Церковь приходит человек, который мало знает о ее жизни, первой его реакцией нередко бывает шок – он попадает в совершенно непонятную и незнакомую атмосферу, слышит песнопения и возгласы на малопонятном языке, видит странные облачения, кадильный дым, странные церемонии. И человек неискушенный может подумать, что здесь происходит какое-то магическое действо, а вся обстановка создана для воздействия на психику. Именно так воспринимали Церковь многие атеисты, которые приходили в храмы с заведомым желанием все опровергнуть и ниспровергнуть. Но и пение, и чтение молитв, и одежды священнослужителей – это лишь внешняя сторона, которая никогда не станет понятной, если человек не ощутит ту внутреннюю сердцевину Церкви, которой является Сам Христос.

Церковные таинства – исповедь и Причастие

Основой церковной жизни являются таинства. Из них три основополагающие: Крещение – таинство вступления в Церковь, исповедь – таинство нашего ежедневного, регулярного очищения, и Причастие – таинство нашего соединения со Христом.

Для чего нужна исповедь и почему духовная жизнь и подлинная духовность невозможна без этого таинства?

Христианство утверждает, что то состояние, в котором мы сейчас живем, – это состояние человека после грехопадения: каждый из нас живет между Богом и дьяволом, между добром и злом, каждый из нас ежедневно в своей жизни делает выбор между путем, ведущим ко спасению, к Богу, и путем, ведущим к духовной смерти и аду. В нашем нынешнем состоянии неизбежной раздвоенности, выбора между добром и злом мы духовно слепы, наше внутреннее зрение притуплено, мы часто не имеем правильных ориентиров, а потому не можем найти правильный путь. Мы не можем нащупать путь к свету именно потому, что находимся во тьме, не можем обрести путь к духовному исцелению именно потому, что не знаем, каков наш диагноз, каковы наши духовные болезни и как их лечить. Для всего этого и нужна исповедь.

Исповедь – это тот момент, когда мы ставим себя перед лицом Бога и производим честный, беспристрастный и беспощадный самоанализ; спрашиваем себя, что отделяет нас от Бога и от людей, что препятствует достижению духовных высот.

Из своей священнической практики могу сказать, что люди, которые исповедуются впервые или бывают на исповеди редко, как правило, не чувствуют своей греховности. Такой человек может прийти на исповедь раз в пять лет и сказать: «У меня больших грехов нет, я – как все, ничего не украл, никого не убил», то есть приходит с чувством удовлетворенности самим собою. И парадоксальным образом, людям, которые исповедуются, скажем, раз в месяц или

каждую неделю, на исповеди всегда есть что сказать, они видят свои грехи.

Почему это происходит? Потому что, чем ближе человек к свету, тем яснее ему все те недостатки, которые не видны во тьме. Если в комнате закрыть двери, зашторить окна и погасить свет, то невозможно будет увидеть, убрана она или в беспорядке, есть ли в ней грязь и пыль или нет. Если же распахнуть окно, в свете солнечных лучей сразу будут видны все места, где скопились грязь и мусор. Так же и с человеческой душой. Пока мы во тьме, пока далеки от Бога, пока варимся в собственном соку, мы не видим своих недостатков. Мы всегда уверены в своей правоте и только удивляемся, почему при всех наших прекрасных качествах так многое у нас не получается, так многое нас не удовлетворяет. И мы, как правило, виним окружающих, которые нас недооценивают, не замечают наши достоинства. От такого искаженного видения происходит много бед. И именно от этого помогает избавиться и исцелиться честная, полноценная и регулярная исповедь, которая приносится Богу, но свидетелем которой является священник. Итак, исповедь – одна из важнейших составляющих христианской духовной жизни.

Другая составляющая – таинство Причащения. По учению Церкви, в момент принятия Святых Христовых Таин мы духовно и телесно соединяемся с Живым Христом. В свое время известный философ-материалист говорил, что «человек есть то, что он ест». В каком-то смысле это действительно так: человек формируется тем, чем он питается. В христианстве верующие питаются Богом, причем не в переносном, духовном смысле, но в самом прямом: в таинстве Причащения под видом хлеба и вина они вкушают Тело и Кровь Христовы. При этом объяснить, что происходит в момент Причастия, невозможно: это можно пережить только на собственном опыте. С той же очевидностью, с которой апостол Павел ощутил присутствие Христа на пути в Дамаск, человек может почувствовать, что, когда он принимает Хлеб и Вино Евхаристии, он принимает в себя Самого Бога. Иначе говоря, расстояние, существующее между человеком и Богом, будучи однажды преодолено Богом, Который стал Человеком, основал Церковь и дал Свое Тело и Свою Кровь в пищу людям, – аннулируется в тот момент, когда мы духовно и телесно соединяемся с Богом в таинстве Причащения. В этот момент человек и Бог становятся «едино», потому что жизнь человека, принявшего в себя Тело и Кровь Христа, становится неразрывно связанной с Богом, пронизанной Его присутствием настолько, насколько таковой являлась жизнь Христа, насколько таковой являлась жизнь Божией Матери и многих святых, соединившихся с Богом и ставших с Ним «едино». Таким образом, Причастие – ключевой момент духовной жизни христианина.

О духовном наставничестве

На пути к Богу человек нуждается в духовном наставнике. Духовным наставником, или духовным отцом, духовником, может стать священнослужитель, которому вы доверяете. Он не может быть кем-то навязан. К выбору духовного руководителя нужно подойти очень ответственно. Прежде чем просить того или иного священника стать вашим духовным отцом, вы должны постараться понять строй его мыслей, его взгляды – не противоречат ли они вашим убеждениям. И если вы почувствовали, что это именно тот человек, которому вы можете доверить все самое сокровенное и взамен получить мудрый и честный совет, такой священник может стать вашим духовным наставником. При этом нужно помнить, что духовник не должен за вас решать ваши проблемы. Глубоко заблуждаются люди, которые воспринимают духовного отца как некоего оракула, способного решить все те проблемы, которые человек не может решить сам. Духовный отец может лишь помочь духовному сыну или духовной дочери прийти к правильным решениям, но не должен навязывать свои решения. Если же духовник действует иначе, если настаивает, чтобы любое его слово принималось к безоговорочному исполнению,

такой духовник стоит на ложном пути. Очень важно найти такого наставника, который был бы духовно опытным и вместе с тем давал бы своим духовным чадам свободу, позволял бы им самим развиваться в этой свободе, подавая в нужный момент советы, но оставляя людям право принять их или не принять.

Проблема здесь заключается еще и в том, что священников мало, гораздо меньше, чем людей, которые хотели бы пользоваться их непосредственным, личным духовным руководством. Священник ограничен в своих возможностях, прежде всего во времени, и это тоже осложняет выбор священника, который стал бы подлинным духовным наставником.

О духовной литературе

В православной традиции существуют и другие способы получения духовного руководства. Это чтение духовной литературы, которой очень богата Православная Церковь. Евангелия, Деяния и апостольские послания, включенные в Новый Завет, составляют священное для христиан Писание. Верующие читают его ежедневно, многократно, а некоторые даже заучивают Евангелие наизусть. Кроме того, существует обширная литература, которая создавалась в течение всех двадцати веков существования христианства. И если человек хочет непрестанно духовно возрастать, он должен пользоваться и этими путеводителями.

Очень важно научиться правильно ориентироваться в море духовной литературы, которой сегодня заполнены книжные лавки. Далеко не все, что выдается за православную литературу, в действительности является таковой. В советское время мы страдали от того, что религиозные книги были недоступны, их можно было найти лишь на «черном рынке», в «самиздате». Сейчас ситуация изменилась. Церковные, монастырские и даже светские книжные магазины и лавки предлагают богатый выбор духовной литературы. Кроме книг и брошюр, есть видеоматериалы и аудиокассеты. Нередко эту продукцию сопровождают внушительные надписи, например «Книга издана по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II»; на многих книгах, брошюрах и кассетах изображены иконы, православные символы. Все эти внешние признаки принадлежности к православной традиции заставляют неразборчивых покупателей воспринимать всякую такую книгу как слово Церкви. Между тем, не всякая книга, на которой написано «По благословию Святейшего Патриарха», действительно получила такое благословение. И не всякая брошюра, написанная православным автором, пусть даже священнослужителем, является подлинно православной.

Кстати, о «благословениях». Иной раз попадают книги, выпущенные по благословию иерарха, который в действительности уже несколько лет как умер. А недавно я видел книгу, изданную «по благословию святой горы Синай». Может ли «гора» благословлять издание книги? И не является ли попранием памяти того или иного иерарха издание книг и газет якобы по его благословию через несколько лет после его смерти?

Одна из бед современной России – стремление нечестных людей нажиться на суррогатах, подделках. Происходит это повсеместно. Можно купить «фирменную» одежду знаменитого западного производителя: на деле же это изготовлено на отечественной фабрике, наспех скроено и продается по такой цене, что легко догадаться, что это подделка. То же происходит и на рынке духовной литературы. Есть книги, которые, прикрываясь громкими, вызывающими доверие «православными» названиями, на самом деле представляют собой подделку. Поэтому, приобретая книги, нужно быть осторожными и, если есть возможность, проконсультироваться предварительно с компетентными людьми.

Если же отмести весь этот мусор, то окажется, что существует огромное количество подлинно православной литературы, которая может стать для каждого христианина духовным

руководством. Это прежде всего творения Святых Отцов и Учителей Церкви начиная со II века, таких как Игнатий Богоносец, Иринеи Лионский, Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, [Блаженный Августин](#), Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин, Симеон Новый Богослов, Григорий Палама (чтобы ограничиться только этими именами). Из русских дореволюционных авторов полезно читать [Феофана Затворника](#) и Игнатия Брянчанинова. Среди современных авторов, чьи книги могут принести огромную пользу, назову прежде всего митрополита Сурожского Антония, архимандрита [Софрония \(Сахарова\)](#), архимандрита [Киприана \(Керна\)](#), протоиерея Александра Шмемана. Очень полезно читать жития святых – как древних, так и новых, в особенности жизнеописания отечественных новомучеников и исповедников XX века. Настольной книгой христианина может стать «Добротолюбие» – классический сборник писаний духовно-аскетического содержания в пяти томах.

О молитве

Никакая религия невозможна без молитвы. В христианстве молитва составляет основное содержание религиозной жизни. Христианин – это человек, который постоянно помнит о Боге. Когда мы говорим о молитве, речь идет не только о том, чтобы, встав с утра, несколько минут помолиться и сделать то же самое вечером перед сном; не о том, чтобы иногда, придя в церковь, адресовать Богу несколько слов, но о том, чтобы постоянно жить в Боге, постоянно помнить о Нем. Апостол Павел говорит: «Непрестанно молитесь» ([1 Фес. 5:17](#)). И именно непрестанная молитва является идеалом для христианина.

Вы спросите, как можно непрестанно молиться, если человек должен работать, заботиться о близких и т. д.? Когда мы говорим о непрестанной молитве, здесь имеются в виду не только те минуты, когда мы стоим перед иконами, но молитва как обращенность, ориентированность всей нашей жизни на Бога – то, что в Ветхом Завете называлось «хождением пред Богом». Из Ветхого Завета, мы узнаем, что, например, Енох «ходил пред Богом» ([Быт. 5:24](#)), царь Давид «ходил пред Богом» ([3 Цар. 3:6](#)), а вот царь Аммон «не ходил путем Господним» ([4 Цар. 21:22](#)). Здесь указывается на некое основное содержание жизни человека – как он определил себя по отношению к Богу. «Не ходить пред Богом» – значит, не помнить о Боге, не ориентировать на Него свою жизнь, не сверять ее с божественными заповедями, с идеалами духовной жизни. А «ходить пред Богом» – значит всякий свой поступок, всякое свое дело и всякое слово взвешивать на весах христианской духовности: соответствует оно ей, или выпадает из ее строя.

Молитва неразрывно связана с жизнью. Мы не можем достичь успехов в молитве, если в повседневной жизни бываем раздражительными, недоброжелательными, нетерпеливыми. Молясь, мы должны постепенно меняться к лучшему.

Молитва – это беседа человека с Богом. Мы молимся не потому, что это нужно Богу, что Бог от нас этого требует. И уж конечно не потому только, что мы хотим от Бога что-то получить, хотя в каких-то случаях мы просим Бога о вполне конкретных вещах. Некоторые думают, что молитва нужна лишь для того, чтобы что-то у Бога попросить, и в этом случае Бог – лишь средство для получения чего-либо. Это в корне неправильный подход. Мы молимся Богу прежде всего потому, что мы жаждем общения с Ним.

Общение с Богом сродни общению с любимым человеком. Подобно тому, как влюбленный постоянно думает о любимой девушке, стремится к встрече с ней, а расставшись, начинает ждать следующего свидания, так и христианин, для которого Христос – главное содержание жизни, просыпается с мыслью о Христе и засыпает с этой мыслью. Он всю свою жизнь сверяет с жизнью Христа и прежде чем что-то сделать, спрашивает себя: а как бы на моем месте поступил

Христос? Постоянно соразмеряя свою жизнь с нравственным и духовным идеалом христианства, такой человек постепенно выравнивает ее, она постепенно изменяется к лучшему. Это может происходить быстрее или медленнее, но если человек идет по этому пути не сворачивая, если все составляющие христианской духовности присутствуют, то жизнь человека становится постоянным движением вперед.

Человек по отношению к Богу никогда не может быть нейтральным, не может стоять на месте. Он либо движется к Богу, либо отдаляется от Него. Это как в шахматах: выжидательные ходы почти никогда не приводят к победе, они только кажутся нейтральными, на самом же деле это путь к проигрышу. Шахматист в игре должен быть активен, реалистически оценивая сильные и слабые позиции той или иной фигуры. Он должен двигать фигуры так, чтобы на каждом фронте побеждать.

Так и в христианской жизни. На каждом из «фронтов» – будь то участие в церковных таинствах, молитва, чтение духовной литературы – у человека могут быть победы и поражения, но ни на одном из них он не должен отступать. В исповеди он должен идти шаг за шагом к все более глубокому покаянию. Причастие должно приводить его к все более ощутимым внутренним переменам. Молитва должна быть школой общения с Богом, внутреннего сосредоточения. Чтение духовной литературы должно быть не бессистемным и спонтанным, но способствующим постоянному духовному возрастанию. Есть и другие составляющие христианской духовной жизни, в частности, аскетические правила, посты, воздержание и тому подобное, которые помогают человеку достигать все более высокого духовного уровня.

Беда многих современных людей заключается в том, что они живут без ясной цели, блуждают по дорогам без правильных ориентиров. Человек, привыкая жить подобным образом, перестает ценить свое время: изо дня в день, из года в год жизнь проходит бесцельно, человек, что называется, убивает время. Но убивать время – это преступление. Жизнь и без того так коротка. И чем ближе подходит человек к неизбежному концу, тем острее ощущает кратковременность жизни. Если же жизнь человека духовно наполнена, пронизана божественным присутствием, то ему всегда не хватает времени, всегда хочется сделать и успеть больше.

Итак, в духовной жизни невозможны выжидательные ходы. Время может течь либо со знаком плюс, либо со знаком минус. На пути духовной жизни можно или прогрессировать, или регрессировать, то есть либо приближаться к духовным идеалам, к Богу, либо от них отдаляться. Часто люди, живущие без цели, без духовного ориентира думают, что жизнь их протекает с неким нейтральным содержанием. На самом же деле, сами того не замечая, они постепенно деградируют.

Земная жизнь – подготовка к жизни будущей

Заканчивая эту беседу, хотелось бы сказать, что для каждого человека – религиозного или атеиста, христианина или нехристианина – земная жизнь – это движение к смерти. И часто наша жизнь оказывается бесцельной и бессодержательной именно потому, что мы забываем о ее конечной перспективе. Святые Отцы говорили, что человек должен жить так, будто каждый день его жизни – последний. При такой внутренней установке человек отказывается от множества второстепенных вещей, потому что в перспективе встречи со смертью эти вещи кажутся незначительными и ненужными, он сосредотачивается на самом главном. В христианской духовной жизни очень важно, чтобы память о смерти всегда присутствовала, но не для того, чтобы отравлять человеку жизнь, не для того, чтобы он разучился радоваться жизни, а для того, чтобы придать жизни серьезность и глубину. В христианстве смерть воспринимается

не как что-то ужасное, не как катастрофа, прерывающая течение жизни, но как венец жизни, ее кульминация, вершина, как переход человека в состояние более полноценное, духовное и божественное.

Земная жизнь – подготовка к жизни будущей. Но это не значит, что наша жизнь – лишь некий черновик будущей жизни. Земная жизнь ценна сама по себе, и человек живет здесь не для того только, чтобы переждать это время, а затем перейти в лучшее состояние. Он живет для того, чтобы в активном доброделании, в активной духовной жизни принести плоды – как те, которые он оставит после себя на земле, так и те, которые возьмет с собою на небеса.

Христос говорит: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе» ([Мф. 6:19](#)). Христианская духовная жизнь есть собирание сокровищ на небе – накопление духовного богатства.

И именно с тем, что мы накопили в душе, в духе, в сердце, мы и перейдем в жизнь будущую. И именно от того, какого духовного состояния мы достигли, в конечном итоге и зависит наша судьба в жизни вечной. Из этого мира человек не возьмет с собой ни материальное богатство, ни те многообразные способы подменить счастье, блаженство и удовлетворение, которые он здесь изобретает. Он возьмет с собой только то, что накопил в своем духовном опыте.

МИСТИЦИЗМ В ПРАВОСЛАВИИ.

Беседа с молодежью

В современном русском языке слова «мистицизм», «мистический», «мистика» употребляются в самых разных значениях. О «мистике» говорят как о чем-то загадочном, непонятном, таинственном. Очень часто термин «мистический» прилагают к оккультным и демоническим явлениям: в соответствии с этим под «мистицизмом» понимаются различные явления естественного и противоестественного характера, в той или иной степени связанные с оккультизмом.

Все эти значения слов «мистицизм» и «мистика» не имеют никакого отношения к тому, о чем пойдет речь. Ибо мы будем говорить о христианской мистике, а христианство с оккультизмом не имеет ничего общего. Речь пойдет о вещах, принципиально отличных от того, что в просторечии понимается под «мистикой». Речь пойдет об опыте общения человека с Богом – опыте, который в богословской науке принято называть мистическим.

Термины «мистицизм», «мистика» и «мистический» происходит от греческого прилагательного «мистикус», означающего «таинственный». В современном христианском богословии мистицизмом называют такой религиозный опыт, который основан на встрече человека с Богом лицом к лицу – таинственной и сверхъестественной встрече с Реальностью, превышающей всякое человеческое восприятие. Многие думают, что, поскольку Бог невидим, нет никакой возможности соприкоснуться с Ним непосредственно и увидеть Его. Однако опыт Церкви показывает, что видение Бога возможно для людей – несмотря на то, что Бог по природе невидим; и встреча с Богом также возможна – вопреки тому, что Бог находится за пределами понимания и постижения.

Иисус Христос сказал: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» ([Мф. 5:8](#)). В этом обещании Христа – основа нашей надежды на то, что, когда мы очистим свое сердце, мы сможем увидеть Бога, причем не только после смерти, но уже при жизни. Речь не идет об обычном земном «видении»: речь идет о созерцании Бога внутренними «глазами ума», «очами души». Это созерцание трудно описать словами, так как оно таинственно, мистично; тем не менее оно является основополагающей реальностью христианской жизни.

Попытаюсь рассказать об этой реальности на основе опыта людей самых разных времен и стран – ветхозаветного Израиля, средневековой Византии, древней Руси, современного русского рассеяния. Мы увидим, что в различные эпохи, в самых разных концах мира Бог таинственно открывался людям: Тот, Кто невидим и непостижим, становился видимым и близким к человеку.

Мистицизм Ветхого Завета

С самой глубокой древности человек знал о том, что Бог по природе Своей невидим. И вместе с тем с самой глубокой древности Бог являлся человеку и давал ему возможность узнать и увидеть Себя. Библия говорит нам о Моисее, вожде израильского народа, который взошел на гору Синай и там – внутри таинственного облака – беседовал с Богом:

Моисей сказал: «Покажи мне славу Твою». И сказал Господь: «Я проведу пред тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Иеговы пред тобою»... И потом сказал Он: «Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых». И сказал Господь: «Вот место у Меня: стань на этой скале. Когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы, и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И когда

сниму руку Мою, ты увидишь меня сзади, а лицо Мое не будет видимо»... Встав рано поутру, Моисей взойшел на гору Синай, как повелел ему Господь... И сошел Господь в облаке и остановился там близ него и провозгласил имя Иеговы. И прошел Господь пред лицом его, и возгласил: «Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный»... Моисей тотчас пал на землю, и поклонился Богу ([Исх. 33:18—34:8](#)).

Это – символическое описание того, что произошло на самом деле: Моисею было дано увидеть Бога, но так как Бога невозможно увидеть во всей Его полноте, Моисей видел Бога в ту меру, в какую был способен. Так и всякий человек может увидеть Бога в ту меру, в какую оказывается способным на это. Христианский писатель II века [Феофил Антиохийский](#) на вопрос одного язычника «Покажи мне своего Бога» ответил: «А ты покажи мне своего человека», то есть покажи, что ты как человек достоин видеть Бога. Действительно, Бога можно увидеть только в том случае, если человек внутренне чист, просветлен. Если же человек живет в грехах и нечистоте, он не может видеть Бога, потому что у него «очи души» затемнены грехом.

Другая история, описанная в Библии, говорит нам о том, как встреча с Богом может прекратить страдания человека и разрешить его вопросы и недоумения. Один праведный и благочестивый человек, по имени Иов, претерпел много страданий: он лишился семьи и всего своего богатства; вдобавок ко всему он заболел проказой. Находясь в отчаянии, он обращался к Богу с жалобами, но ему казалось, что Бог не слышит его. Тогда Он стал обвинять Бога в своих несчастьях и проклинать свою жизнь. И вот однажды он почувствовал приближение бури, и, когда буря началась, он услышал голос Бога, Который стал отвечать на все его прежние вопросы. Тогда Иов раскаялся в своих жалобах и проклятиях, и сказал Богу: «Раньше я говорил о том, чего не понимал, потому что я слышал о Тебе слухом уха, теперь же глаза мои видят Тебя. Поэтому я раскаиваюсь в прахе и пепле».

Часто случается, что человек находится в отчаянных обстоятельствах и молится Богу, но не слышит ответа. Бывают такие безнадежные ситуации, при которых человеку кажется, что все в жизни кончено, и он уже не ждет ничего хорошего. Или бывает такая болезнь, при которой кажется, что исцеление невозможно. И вдруг приходит помощь от Бога – и человек понимает, что Бог явным образом вмешался в его жизнь. Так среди страданий, несчастий и болезней человек может встретить Бога. И тогда от радости этой встречи он забывает все свои прежние горести, потому что нет ничего прекраснее встречи с Богом и видения Бога.

В Ветхом Завете описано множество других видений, когда Бог открывался человеку и беседовал с ним лицом к лицу. Особенно много видений Бога содержится в книгах пророков. Вот, к примеру, одно из видений пророка Исаии: «...Видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном... Вокруг Него стояли серафимы... и взывали они друг ко другу и говорили: Свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!.. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа!» ([Ис. 6:1—5](#)). Далее описывается, как к пророку Исаии приблизился один из серафимов, у которого в руках был горящий уголь: он прикоснулся этим углем к устам пророка и объявил о прощении грехов его. После этого Бог послал Исаию проповедовать слово Божие народу израильскому – «глаголом жечь сердца людей», как сказал об этом Пушкин.

Мы видим, с каким трепетом ветхозаветный человек относится к встрече с Богом. Ему кажется, что он должен умереть после того, как увидит Бога, потому что этот опыт превышает человеческие силы. Он сознает свое ничтожество перед лицом величия Божия и не может поверить в то, что произошло: Он увидел Бога и остался жив.

Вместе с тем мы понимаем, что Бог открывает Себя человеку не просто для того, чтобы

показать чудо и явить Свое величие. Он открывается человеку с определенной целью – чтобы призвать его на служение. В данном случае Бог призывает Исаию на пророческое служение – «обходить моря и земли»; в других случаях Бог зовет людей на служение апостола, учителя, священника. Вообще же у каждого человека есть свое служение и свое призвание. И у каждого может быть свой опыт встречи с Богом и свои личные отношения с Богом.

Мистицизм Нового Завета

Величайшая тайна Новозаветного Откровения заключается в том, что невидимый Бог сделался видимым в Лице Единородного Сына Своего – Господа Иисуса Христа. Согласно Евангелию от Иоанна, «Бога не видел никто никогда. Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» ([Ин.](#) 1:18). Это означает: Бог по Своей природе невидим, однако в воплощении Сына Божия Он становится видимым для человека.

Евангелие говорит нам, что Иисус Христос есть «Свет истинный, Который просвещает всякого человека» ([Ин.](#) 1:9). Это утверждение имеет исключительную важность для всей новозаветной мистики. Если Христос есть свет, значит, этот свет может быть видимым. Христос является видимым Светом, происходящим от невидимого Света – Отца: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали, что осязали руки наши – о Слове жизни... О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам... И вот благовестие, которое мы слышали от Него: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» ([1 Ин.](#) 1:1—6). В этих словах апостола Иоанна Богослова – вся квинтэссенция новозаветной мистики.

Божественный свет был особым образом явлен трем апостолам, – Петру, Иакову и Иоанну, – когда Иисус взял их с Собой на гору и преобразился перед ними. Его лицо просияло неземным светом – это было явление Божества в Его величии и светозарной славе:

По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился перед ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При этом Петр сказал Иисусу: Господи, хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии. Когда он еще говорил, вот, облако светлое осенило их, и вот, голос из облака, говорящий: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте». И услышавши ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус приступив коснулся их и сказал: «Встаньте и не бойтесь». Возведши же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса ([Мф.](#) 17:1—8).

Как мы узнаем из этого рассказа, Петр был настолько ошеломлен видением, что предложил поставить палатки, чтобы остаться на горе навсегда. Но у Иисуса был другой план. После Преображения Он с учениками сошел с горы, и здесь их уже ждали люди: множество больных и нищих, которые требовали исцеления, поддержки, наставления. И тот, кто внимательно читает Евангелие, заметит, что Христос преобразился перед Своими учениками не для того, чтобы показать им чудо, но чтобы укрепить их в вере. Им предстояло пережить вместе со Христом Его страдания на Кресте, смерть и воскресение, а потом стать Его апостолами. И вот Он дал им такой особый опыт видения Своего света, чтобы они на всю жизнь сохранили верность ему.

Среди других мистических откровений Бога человеку, описанных в Новом Завете, следует остановиться на видении Савла, о котором рассказывается в книге Деяний апостольских. Савл был гонителем молодой христианской общины, так как считал, что христиане – вредные еретики, нарушающие иудейские традиции. «Дыша угрозами и убийством», он шел в Дамаск, для того, чтобы там преследовать и уничтожать христиан. И вот, когда он был на пути, «внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл!

Савл! Что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь» ([Деян. 9:1—5](#)).

С этого момента началась для Савла новая жизнь. Он обратился к христианской вере, принял Крещение с именем Павел и сделался пламенным проповедником Христа. Вместе с Петром, он считается одним из двух первоверховных апостолов христианской Церкви. Так Бог посредством мистического откровения превратил Савла в Павла – гонителя в апостола, врага в друга. Как и во многих других случаях, видение Бога явилось для Павла началом его служения Богу – служения, в котором он остался верен Богу до конца. Потому что впоследствии он, как и апостол Петр, был казнен за исповедание Христа.

Таинственные и величественные видения описаны Иоанном Богословом в книге «Апокалипсис» (Откровение). Это последняя книга Нового Завета, в которой иносказательно говорится о будущих судьбах мира. Видения и откровения Апокалипсиса являются достойным завершением всей Библии, которая от начала и до конца свидетельствует о том, что непосредственное общение с Богом и видение Его возможно для человека. Надо только, чтобы человек был чист от греха, чтобы у него было чистое сердце и чтобы он был готов посвятить свою жизнь Богу, подобно Моисею, Исаии, Павлу.

Мистицизм в раннехристианской Церкви

Церковь первых трех столетий после Христа жила интенсивным чувством присутствия Христа. Этому способствовали гонения на христиан со стороны римских императоров. Ранняя Церковь знает много примеров мученичества, когда христиане мужественно предавали себя на смерть, будучи уверены в том, что сразу же после смерти они встретят Христа.

В царствование императора Траяна (98—117) антиохийский епископ Игнатий Богоносец был приговорен к смерти. В сопровождении десяти жестоких стражников Игнатий шел в Рим, где его должны были отдать на растерзание львам. Он не боялся смерти, но желал ее, потому что думал о предстоящей встрече со Христом. На пути он написал семь посланий, которые сохранились до наших дней. В одном из них, к Римлянам, он говорит:

Я пишу Церквам и всем говорю, что добровольно умираю за Бога... Я – пшеница Божия, и пусть измелют меня зубы зверей, чтобы я сделался чистым хлебом Христовым... О, если бы не лишиться мне приготовленных для меня зверей! Молюсь, чтобы они с жадностью бросились на меня... Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всей землей. Его ищу, за нас умершего, Его желаю, за нас воскресшего... Живой пишу вам, горя желанием умереть. Моя любовь распялась, и нет во мне огня, любящего материальное вещество, но вода живая, говорящая во мне, взывает: иди к Отцу.

В Риме Игнатий был брошен на съедение львам. Идя на казнь, он непрестанно повторял одно имя – «Иисус». После его смерти среди христиан распространилось предание, согласно которому львы растерзали мученика, но не тронули его сердце: один из воинов рассек сердце мечом и внутри него обнаружил написанное золотыми буквами имя Иисуса. Как бы мы ни относились к этому преданию, фактом остается то, что Игнатий отдал свою жизнь за Христа, Которого любил всем сердцем и всей душой: мистическое чувство близости Христа помогло ему с готовностью и радостью пойти на смерть.

Мистический опыт святых Православной Церкви

Мистическая традиция в Церкви никогда не прерывалась. О том, что мистический опыт всегда живет в Церкви, свидетельствуют многочисленные жития святых, в которых описаны

явления святым Христа и Пресвятой Богородицы. В житиях некоторых святых повествуется и о видении божественного света во время молитвы.

Преподобный Максим Капсокаливит жил в XIII веке на Святой горе Афон. Он прославился многочисленными аскетическими подвигами и чудесами. Житие Максима рассказывает нам о его встрече с другим святым безмолвником, Григорием Синаитом. Во время этой встречи Максим поделился с Григорием своим мистическим опытом:

Божественный [Григорий Синаит](#), встретив святого Максима и беседуя с ним, между прочим, спросил его: «Прошу тебя, отче мой честнейший, скажи мне, держишь ли ты умную молитву?» Тот, поникши немного головой, ответил ему: «Не хочу скрывать от тебя, честный отче, чуда Пресвятой Богородицы, которое было со мною. От юности моей имел я великую веру к Господе моей Богородице и умолял Ее со слезами, чтобы Она подала мне эту благодать умной молитвы. Однажды, придя в храм, как обычно, я просил Ее об этом с безмерной теплотой сердца и, когда потом с любовью целовал святую икону Ее, вдруг ощутил в груди моей и в сердце моем некую особенную теплоту и пламя, нисшедшее от святой иконы, которое не жгло меня, а скорее орошало и услаждало, и вносило в душу мою великое умиление. С этого момента, отче мой, сердце мое начало изнутри себя говорить молитву, а ум мой наслаждается памятью Господа моего Иисуса Христа и Пресвятой Владычицы моей Богородицы и всегда пребывает в этой памяти о Них. И с того времени молитва не прекращалась в сердце моем»... Говорит ему святой Григорий: «Скажи мне, отче, бывало ли с тобой в то время, когда ты произносил молитву... какое-нибудь божественное изменение, или экстаз, или другой какой-либо плод Святого Духа?» Божественный Максим ответил ему: «Да. Поэтому, отче, я и уходил в пустынные места и всегда любил полное безмолвие, чтобы в большей мере насладиться плодом молитвы, то есть преизобильной любовью к Богу и восхищением ума к Господу». Святой Григорий спросил его: «...В тот час, когда твой ум восхищается к Богу, что видит он своими умными очами?..» Святой Максим ответил ему: «...Когда благодать Святого Духа придет на человека посредством молитвы... тогда весь ум овладевается благодатью Святого Духа и не может более действовать своими силами... Куда хочет Дух Святой, туда и ведет его: или в нематериальный воздух божественного света, или в какое-нибудь другое несказанное созерцание, и, короче говоря, как хочет Утешитель, Дух Святой, так и утешает рабов Своих... Так пророк Исаия видел Господа на престоле высоком превознесенного и окруженного серафимами. Первомученик Стефан видел открытые небеса и Господа Иисуса одесную Отца и т. д. Таким же образом и ныне рабы Христовы сподобляются видеть разные видения... Когда приходит в человека благодать Святого Духа, то собирает ум его и делает его внимательным и смиренным, приводит ему на память смерть и грехи его, будущий Суд и вечное мучение, наполняет душу его сокрушенным умилением и подвигает к плачу и слезам... Тогда ум человека восторгается этим божественным светом и просвещается светом божественного знания, сердце делается тихим и кротким и обильно источает плоды Духа Святого – **радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, любовь, смирение** и пр. ([Гал. 5:22](#)), и душа его воспринимает неизреченную радость».

Еще один великий святой, известный своими мистическими видениями божественного света – преподобный Симеон Новый Богослов. Он родился в аристократической семье и с детских лет был отдан на службу при императорском дворе. В юности он стал членом синклита (государственного совета), и его ожидала блестящая придворная карьера. Однако душа юноши не лежала к мирской славе. Будучи целыми днями занят при дворе, он проводил ночи в продолжительных покаянных молитвах со слезами.

Во время одной из таких молитв, когда он произносил непрестанно «Боже, милостив будь мне, грешному», внезапно снизошло на него некое таинственное осияние света и наполнило

собой всю его комнату.

Тогда забыл уже юноша сей, – пишет Симеон о себе самом в третьем лице, – что находится в комнате и под крышей дома, потому что во все стороны виделся ему один свет; не знал он даже, стоит ли он на земле ногами; ни о чем мирском не имел он уже никакой заботы, и не приходило ему тогда на мысль ничто из того, что обычно бывает на уме у носящих человеческую плоть. Он как бы весь растворился в этом нематериальном свете; забыл он тогда весь мир и наполнился слезами и несказанной радостью.

Прочитаю вам отрывок из «Благодарения» преподобного Симеона, в котором он описывает свой опыт видений божественного света:

Я получил благодатью благодать, благодеянием благодеяние, огнем огонь и пламенем пламя, и к восхождению прибавились мне восхождения, а в конце восхождения – свет, и к свету еще более ясный свет. И посреди него снова воссияло яркое Солнце и из него появился луч, и он наполнил все... В это время я пребывал в сладчайших слезах и несказанном удивлении. Божественный же ум беседует с моим умом и учит меня, говоря так: «Понял ли ты, куда моя сила человеколюбиво возвела тебя за веру и малое терпение, подтверждающие любовь твою? Вот, будучи смертным, ты стал бессмертен и держимый тлением находишься выше него. Живя в мире, ты пребываешь со Мной, нося тело, не бываешь терзаем ни одной из телесных страстей». На это я со страхом и радостью отвечал и сказал: «Кто я, Господи, грешный и нечистый, что Ты взглянул на меня и удостоил беседы с Тобой? О, пречистый, невидимый и непреступный для всех, как Ты являешься для меня доступным и сладким и видишься прекраснейшим через осиявающую Тебя славу и благодать?» Все это я слышал таинственно и отвечал необычным образом, сверхъестественное же видение изумляло меня... Неизреченная красота Явившегося поразила сердце мое и подвигла меня к безграничной любви... Мне было дано удостовериться, что прощены все грехи мои, однако я видел себя грешным более всех людей... С тех пор я часто восхожу на высоту созерцания без воли моей и добровольно схожу с нее, чтобы не забыть меры человечества и соблюсти непоколебимое смирение. Я знаю много, чего не знают другие, и однако я невежественен более всех людей. Радуюсь, что Христос, в Которого я уверовал, даровал мне Царство вечное и непоколебимое, но, как недостойный этих благ, непрестанно плачу и не прекращу плакать... Когда бываю ниже всех, тогда возношусь выше небес и любовью соединяюсь со Христом, Богом моим... Итак, я желал это написать вам, братья мои, не из желания добиться славы... но чтобы вы знали безмерное человеколюбие Бога, и сколь легко бремя заповедей Самого Спасителя и Бога нашего, и каково воздаяние дара Его... И еще: чтобы вы увидели, как омраченные непостижимо становятся светом, приблизившись к великому Свету, – те, которые, хотя и из низшего восстанавливаются... но соединяясь с высшим, становятся богами.

Впоследствии Симеон Новый Богослов осознал, что явившийся ему свет был Сам Христос. Божественный свет являлся Симеону многократно на протяжении всей его жизни. Симеон описал эти явления в своих многочисленных сочинениях, которые дошли до нас. В одном из Гимнов Симеон рассказывает нам еще об одном видении, когда под видом божественного света вся Святая Троица – Отец, Сын и Дух Святой – явилась ему:

Что за новое чудо совершается ныне?

Бог и ныне желает быть для грешников зримым...

Я страшусь и подумать, как же выражу словом?

Как язык все опишет, или трость начертает?

Как поведает слово, как язык мой расскажет,

Как уста изрекут все, что я вижу сегодня?..

Среди ночи глубокой, среди тьмы беспросветной

С изумлением и страхом я Христа созерцаю.
Небеса отверзая, Он нисходит оттуда,
Со Отцом мне являясь и Божественным Духом.
Он один, но в трех Лицах: Три в единстве всецелом,
Трисвятое сиянье в трех божественных солнцах.
Озаряет Он душу ярче солнца земного,
Просвещает Он светом помраченный мой разум...
К тем, кто видят, приходит Он как свет среди света,
В светозарном сиянье все Его созерцают.
Ибо зрячие видят в свете Духа Святого,
Кто же Духа увидел, созерцает и Сына,
А кто Сына увидел, тот Отца созерцает,
И Отец вместе с Сыном созерцаем бывает.
Все сие, как сказал я, происходит со мною,
Несказанное чудо я едва понимаю,
Вдалеке созерцая красоту, что незрима
Из-за яркого света ослепительной славы...
Трепеща, ужасаясь, я пришел в исступленье
И не мог выносить я нестерпимую славу
В эту ночь ощущений несказанных и странных...

Во всех своих произведениях Симеон Новый Богослов подчеркивает, что божественный свет является только смиренным и кротким людям, которые ведут святую жизнь и соблюдают заповеди Христа. Опыт созерцания божественного света делает человека еще более смиренным, так как он осознает свое недостоинство перед лицом божественного величия. Видение света, несмотря на свой исключительный характер, не ведет к гордости и превозношению над другими людьми: напротив, оно парадоксальным образом заставляет человека еще глубже увидеть собственные грехи и недостатки и увидеть достоинства других людей.

Как Симеон Новый Богослов, так и другие православные писатели-мистики учили о том, что человек, который достигает созерцания божественного света, становится подобным Христу и соединяется с Богом; они называли такое состояние «обожением», а человека, который его достиг, «богом по благодати». Это состояние совершенства, свойственное святым; однако, его может достичь каждый человек. Как говорит Макарий Египетский (IV век), душа человека, пришедшего в состояние совершенства, становится вся светом, огнем, любовью, духом; она соединяется со Святым Духом и всецело преображается:

Когда человек придет в совершенство духа, вполне очистившись от всех страстей, и когда душа, всецело вступив в единение с Духом Утешителем, как бы растворенная в Духе, сама сподобится стать духом, тогда все в ней делается светом, все – радостью, все – покоем, все – веселием, все – любовью, все – милосердием, все – благостью, все – добротой, и как бы погружается она в добродетели силы благого Духа, подобно камню, отовсюду объятому водами в океанской бездне. Таким-то образом, всемерно соединившись с Божиим Духом, уподобляются таковые Самому Христу, имея в себе непреложные добродетели Духа и являя такие плоды. Дух сделал их внутренне непорочными и чистыми, потому... всегда и во всем сияют в них плоды Духа... Иногда человек входит преклонить колена, и сердце у него делается полным божественной энергии, душа... веселится с Господом, подобно невесте, радующейся о женихе... Случается также, что таковой бывает занят целые дни, но на один час обращается к молитве, и тогда внутренний человек бывает восхищен молитвой, и объемлется бесконечной глубиной будущего века, и ощущает он такую неизреченную радость, что всецело восторгается

летающий и восхищенный ум его, и происходит в мыслях забвение обо всем земном мудровании, потому что его помыслы... как пленники, уводятся в божественное и непостижимое... Иногда сильнее, иногда слабее благодать воспламеняет в нем огонь, и свет иногда озаряет его в большей мере, а иногда удаляется и тускнеет... и хотя светильник горит неугасимо, но иногда делается яснее, и тогда человек празднует как бы в большом упоении Божией любовью, а иногда и самый свет, являющийся в сердце, отверзает дверь еще более внутреннему и глубокому свету, так что человек, весь поглощенный этой сладостью и созерцанием, бывает уже вне себя...

Мистицизм в Русской Православной Церкви

«Первым великим мистиком Русской Церкви» можно назвать преподобного Сергия Радонежского (1314—1392). Этот величайший из русских святых начинал свою монашескую жизнь в глубоком уединении. Однако со временем к нему пришли ученики и построили рядом с его деревянной кельей свои маленькие домики. Так получил начало монастырь, посвященный Святой Троице, который впоследствии вырос в великую Троице-Сергиеву Лавру. Преподобный Сергий был при жизни известен по всей земле русской своей святостью. В 1380 году великий князь Димитрий Донской, готовясь к решительному сражению с монгольской ордой, привел все русское войско для благословения к Сергию. Куликовская битва, на которую Сергий благословил Димитрия, стало началом освобождения Руси от татаро-монгольского ига.

В Житии преподобного Сергия описано немало случаев сверхъестественного проявления силы Божьей во время его молитвы или во время совершения им Божественной Литургии. Так, однажды, когда Сергий служил Литургию, его ученики увидели сослужащего ему ангела в белых сверкающих ризах. В другом случае ученики увидели божественный огонь в алтаре храма, в котором святой совершал Литургию. Когда же он поднял Чашу для Причащения, огонь свернулся в свиток и вошел в Чашу.

Однажды, после того, как святой долго молился перед иконой Пресвятой Богородицы, он присел отдохнуть и вдруг сказал своему ученику Михею: «Чадо, трезвьись и бодрствуй, ибо чудное и ужасное посещение готовится сейчас нам». В тот же момент послышался голос: «Се, Пречистая грядет». Услышав голос, Сергий выбежал в сени. И вот, великий свет, ярче солнца, озарил святого, и он увидел внутри этого света Пресвятую Богородицу с двумя апостолами – Петром и Иоанном. Сергий пал ниц, не в силах стерпеть такое несказанное сияние. А Богородица предсказала ему судьбу его монастыря, пообещав никогда не оставлять его учеников.

О другом великом святом Русской Церкви, преподобном Серафиме Саровском (1779—1833), известно, что он не только созерцал божественный свет, но и сам преображался, подобно Христу на Фаворе, и начинал сиять неземным светом. Об одном из таких преображений святого рассказывает купец Н. А. Мотовилов, которого Серафим исцелил от тяжелой болезни ног. В один зимний день, когда все вокруг кельи преподобного Серафима было покрыто снегом, Мотовилов беседовал со святым старцем о цели христианской жизни.

— Молитва, пост, бдение и все другие дела христианские, – говорил Серафим, – сколь ни хороши они сами по себе, однако, не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель нашей христианской жизни состоит в стяжании Святого Духа Божиего...

— Батюшка, – сказал Мотовилов, – вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святого, но где и как я могу ее видеть?

— Благодать Духа Святого, – отвечал старец, – есть свет, просвещающий человека.

Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святого... Вспомните Моисея... Вспомните преображение Господа на Фаворе.

— Каким же образом, – спросил Мотовилов, – узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?

— Это, ваше боголюбие, очень просто, – ответил Серафим и крепко взял Мотовилова за плечи. – Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою. Что же ты не смотришь на меня?

— Я не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыплются. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли.

Отец Серафим сказал:

— Не уstraшайтеcь, ваше боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть... Это благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше... Смотрите просто и не убойтесь – Господь с нами!.. Что же чувствуете вы теперь?

Мотовилов ответил:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить невозможно... необыкновенную сладость... необыкновенную радость во всем моем сердце... теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег и на вас больше вершка снегу... Какая же может быть тут теплота?

— А такая, как бывает в бане...

— И запах такой же, как из бани?

— Нет, на земле нет ничего подобного этому благоуханию.

Тогда преподобный Серафим сказал Мотовилову с улыбкой:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас – так ли вы чувствуете?.. Ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и над нами тоже – стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих.

Так Серафим Саровский явил Мотовилову благодать Духа Святого, которая ощущалась ими обоими как неизреченный свет, необыкновенная тишина и мир, сладость и радость, благоухание и теплота.

Мистический опыт в наше время

Некоторые думают, что мистический опыт был уделом святых древности, а в наше время такой опыт стал недоступен. Это глубокое заблуждение. На самом деле ни в какую эпоху нет препятствий для того, чтобы человек познал близость Бога к своей душе и удостоился особого благодатного чувства божественного присутствия. Об этом свидетельствует опыт наших современников.

Архимандрит Софроний (1896—1993) был учеником преподобного Силуана Афонского (1866—1938), одного из последних по времени канонизированных русских святых. Отец Софроний написал книгу «Старец Силуан», в которой рассказал о духовном пути и мистическом опыте своего учителя. В другой книге, под названием «Видеть Бога как Он есть», отец Софроний описал свой собственный мистический опыт. В частности, отец Софроний говорит о божественном свете, который являлся ему, подобно тому, как он прежде являлся апостолам на Фаворе, апостолу Павлу и преподобному Симеону Новому Богослову:

...Когда я поверил в Божество Христа до полной несомненности, тогда меня осиял Свет не от мира сего... Сначала я поверил живою верою, затем мне явился Свет. Не то же ли было с апостолами Петром, Иаковом и Иоанном?.. Так же и Павел носил духовно в сердце своем Христа, Которого гнал; и потому явился ему Свет Божества в силе. И дерзаю сказать, что видение Несозданного Света связано неразрывно с верою в Божество Христа... В едином Свете

являются и Христос, и Святой Дух. Сей Свет свидетельствует о Божестве Христа, потому что нельзя не узнать Бога в том Свете, о котором идет речь. Неописуемы его действия. В нем вечность; в нем невыразимая благодать любви. В нем видит дух наш необъятные горизонты... Приходит святой Свет при молитве глубокого покаяния за себя; а также при молитве с любящим состраданием за обижающих нас: вдруг любовь сливается со Светом, и Свет проникает в душу... Свет сей святой, являясь в силе, приносит смиренную любовь, изгоняет всякое сомнение и страх... Иногда Божественный Свет созерцается таким образом, что человек уже ничего физического не воспринимает. Во время молитвы дух его вступает в сферу умного Света, и вместе с потерей окружающего его вещественного мира теряет он и ощущение своего тела. Восхищается дух в это видение с такою нежностью, что он не может дать отчета в том, что с ним происходит. Не может он после сказать, был ли он в теле или вне тела... Явления Несозданного Света менее редки, чем некоторые думают. В покаянном порыве многие аскеты удостоились сего дара...

Жизнь другого нашего современника, митрополита Сурожского Антония (род. 1914), свидетельствует о том, что опыт апостола Павла, который встретил Христа на пути в Дамаск, может повторяться в наше время. Владыка Антоний в детстве был неверующим и то, что он слышал о Христе, не вызывало у него никаких симпатий к христианству. Однажды он решил прочитать Евангелие, но, чтобы не тратить много времени, выбрал из четырех Евангелий самое короткое и принялся читать.

Пока я читал Евангелие от Марка, – рассказывает он сам, – между первой главой и началом третьей вдруг я ощутил, что по ту сторону стола, пред которым я сижу, Кто-то стоит невидимо, но абсолютно ощутимо. Подняв глаза, я ничего не увидел, ничего не слышал, никаких чувственных ощущений у меня не было, но была абсолютная уверенность, что стоит по ту сторону стола Иисус Христос... С этого начался для меня целый переворот... Я почувствовал, что никакой иной задачи не может быть в жизни, кроме как поделиться с другими той преображающей жизнь радостью, которая открылась мне в познании Бога и Христа. И тогда, еще подростком, вовремя и не вовремя, на школьной скамье, в метро, в детских лагерях я стал говорить о Христе, каким Он мне открылся: как жизнь, как радость, как смысл, как нечто настолько новое, что оно обновляло все... Я мог бы сказать вместе с апостолом Павлом: «горе мне, если не благовествую» ([1 Кор. 9:16](#)). Горе, потому что не делиться этим чудом было бы преступлением перед Богом, это чудо свершившим, и перед людьми, которые по всей земле сейчас жаждут живого слова о Боге, о человеке, о жизни...

Митрополит Антоний впоследствии стал священником, епископом, настоятелем кафедрального Собора в Лондоне, главой английской епархии Русской Православной Церкви, одним из самых известных в мире православных проповедников. Но обращение его от неверия к вере произошло благодаря мистическому опыту живой встречи с Христом. Эта встреча стала для него поворотным пунктом: он был призван Богом к служению Ему, как некогда был призван пророк Исаия, апостол Павел и многие другие люди, которые на своем пути встретили Бога лицом к лицу.

Я рассказал вам об отце Софронии и митрополите Антонии не только потому, что это наши современники, но еще и потому, что и того и другого мне довелось знать лично. Отец Софроний умер в 1993 году, в возрасте 96 лет. А митрополит Антоний жив и здравствует, продолжая управлять епархией в Великобритании. Это люди очень разные, в чем-то даже противоположные друг другу: отец Софроний был проповедником созерцательной жизни, а митрополит Антоний – великий представитель «деятельного христианства». Но оба обладают глубоким мистическим опытом, и у обоих можно многому научиться. Книги их сейчас доступны, и я советую каждому из вас познакомиться с ними.

Как видно из жизни Максима Капсокаливита, Симеона Нового Богослова, Сергия Радонежского и других упомянутых святых, а также из опыта наших современников, мистические встречи с Богом и озарение божественным светом чаще всего происходят во время молитвы, во время церковной службы или во время чтения Священного Писания. Молитва представляет собой самый прямой путь к мистическому опыту. Это не означает, что всякий раз, когда мы становимся на молитву, нас должен осиять божественный свет. Человеку не следует стремиться к подобного рода видениям и ждать их, потому что, если они и приходят, то всегда неожиданно. Однако на молитве нужно стремиться к тому, чтобы проникнуться живым чувством присутствия Бога. Для этого нужно молиться внимательно, сосредоточенно, неспешно, повторяя каждое слово молитвы до тех пор, пока оно не дойдет до самой глубины сердца. Такая внимательная и сосредоточенная молитва рождает в человеке состояние умиления, когда на глазах невольно появляются слезы, а сердце становится мягким, как воск. Это и есть тот момент, когда Бог таинственным образом прикасается к душе человека.

В известном стихотворении «Молитва» Лермонтов говорит о «благодатной силе», благодаря которой «и верится, и плачется, и так легко-легко». Сила, содержащаяся в молитве и заставляющая человека плакать от умиления, есть сила благодати Божией, посещающей сердце молящегося. Речь идет не о чем другом, как о мистической встрече сердца человеческого с Богом. В основе этой встречи лежит тот же опыт, что был у апостола Павла и преподобного Симеона Нового Богослова, только в более прикровенной форме. Этот опыт трудно поддается словесному выражению, однако является основополагающей реальностью истинно религиозной жизни. Он может быть доступен каждому из нас, если мы научимся сосредоточенно и внимательно молиться, если будем исполнять заповеди Христа и жить достойно звания христианина.